

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

№ 1(63), 2022

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск *В.Е. Овсейчик.*
Редактор *И.Н. Чапкевич.*

Подписано к печати 26.01.2022. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 13,45. Тираж 100 экз. Заказ 041.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 904:739.1(476.5-21)''9/10''

**ХІМІЧНЫ СКЛАД ВЫРАБАЎ З КАЛЯРОВЫХ МЕТАЛАЎ X – XIII стст.
З ТЭРЫТОРЫІ ПАЎНОЧНАЙ І ЦЭНТРАЛЬНАЙ БЕЛАРУСІ****канд. гіст. навук, дац. І.У. МАГАЛІНСКІ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)**

У артыкуле прадстаўлены вынікі даследавання хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў X – XIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі. Аўтарам устаноўлена, што каляровая металаапрацоўка рэгіёна вызначалася перавагай шматкампанентных сплаваў, якія складаюць 37% выбаркі. Важнае месца ў вытворчасці займалі таксама бронзы (25%), латуні (16%) і легкаплаўкія сплавы (12,9%). Перавага шматкампанентных сплаваў з'яўляецца ўказаннем на абмежаваны доступ мясцовых рамеснікаў да крыніц «чыстага» металу, у сувязі з чым значная частка прадукцыі выраблялася з рознахарактарнай сыравіны. Адзначаецца таксама, што ў выніку аналізу даных колькаснага размеркавання тыпаў вырабаў па групах сплаваў не атрымалася выявіць строгай адпаведнасці паміж канкрэтнай катэгорыяй артэфектаў і пэўнай металургічнай групай. Устаноўлена аднак, што ювеліры маглі кіравацца ліцейнымі якасцямі металаў і функцыянальным прызначэннем гатовай прадукцыі падчас вытворчасці асобных катэгорый прадметаў (фібулы, інструменты, прадметы хрысціянскага культуры).

Ключавыя словы: археалогія Беларусі, гісторыя старажытнай тэхналогіі, ювелірнае рамяство, археа-металургія.

Уводзіны. У сучаснай беларускай археалагічнай навуцы ўсё большае значэнне набывае комплекснае вывучэнне артэфектаў, якое прадугледжвае выкарыстанне міждысцыплінарных падыходаў. У гэтым кантэксце важную ролю адыгрываюць метады натуральных навук, сярод якіх асабліва магчыма адкрывае аналіз элементнага складу старажытных вырабаў з каляровых металаў. Асаблівае значэнне для разумення агульнага вектара развіцця старажытнага ювелірнага рамяства, а таксама для ўсталявання напрамкаў культурных і гандлёвых кантактаў у старажытнасці мае вывучэнне хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў X – XIII стст. Для даследавання прадукцыі каляровай металаапрацоўкі на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі праведзены аналіз хімічнага складу артэфектаў з асобных археалагічных комплексаў рэгіёна – Полацк, Бірулі, Кардон, Орша, Васілеўшчына, Фрунзэ, Менка, Дружба, Нябышана, Азярцо, Прылукі, Мінск, Друцк¹.

У артыкуле абагульняюцца даныя, якія былі атрыманы ў перыяд з 2019 па 2021 гг. [1–4]. Даследаванне элементнага складу абразцоў у гэты час праводзілася метадам опытка-эмісійнага спектральнага аналізу ў аддзеле «Выпрабавальна-даследчы цэнтр» Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам С.Ф. Дзенісенка на партатыўным іскравым опытка-эмісійным спектрометры SPECTROPORT вытворчасці Spectro Analytical Instruments GmbH (Германія), а таксама аўтарам работы ў археалагічнай лабараторыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта па метаду рэнтгенафлуарэсцэнтнага аналізу на партатыўным РФА-спектрометры Vanta C, вытворчасці кампаніі Olimpus. Для сістэматызацыі вынікаў у працы выкарыстоўваецца класіфікацыя сплаваў Й. Рыздэрэра, дапоўненая расійскімі даследчыкамі Н.В. Еніосавай, Р.А. Мігаянам і Т.Г. Сарачавай [5, с. 129–131].

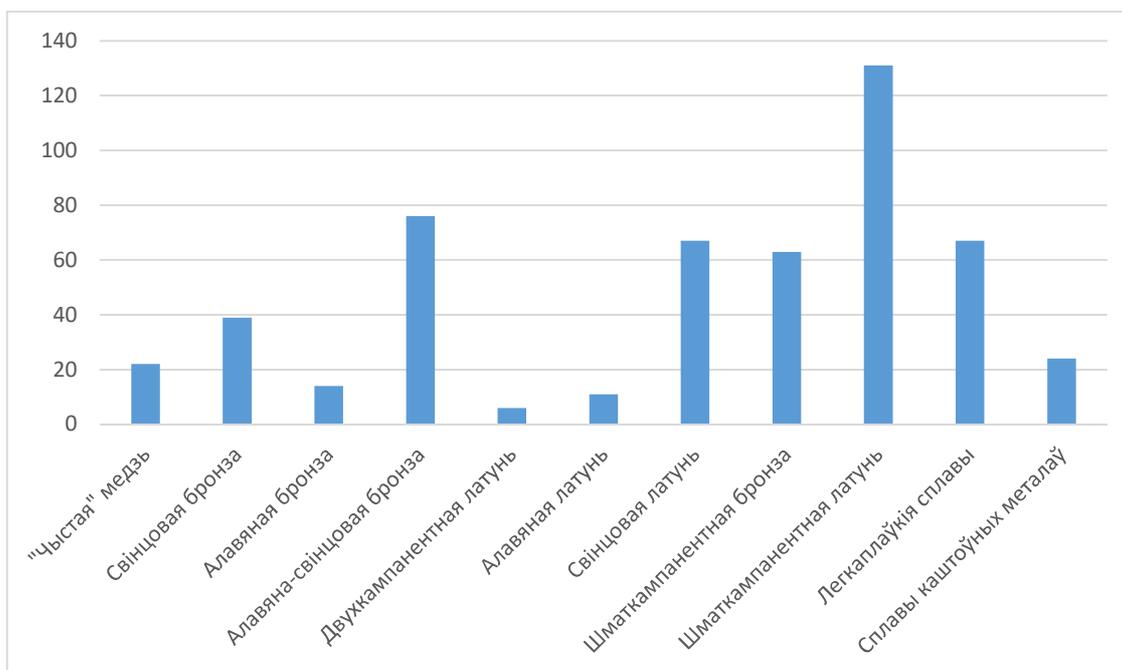
Мэта працы – аналіз даных элементнага складу вырабаў з каляровых металаў X – XIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі.

Асноўная частка. Для вывучэння асаблівасцей каляровай металаапрацоўкі X – XIII стст. на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі ў перыяд з 2019 па 2021 г. намі было даследавана 520 абразцоў (Бірулі – 141, Кардон – 120, помнікі Цэнтральнай Беларусі (Менка, Васілеўшчына, Азярцо, Фрунзэ, Нябышана, Прылукі) – 111, Полацк – 56, Друцк – 65, Мінск – 22, Орша – 3, Лучна – 1). У выніку аналізу атрыманых даных устаноўлена наступнае размеркаванне прадметаў па тыпах сплаваў: «чыстая» медзь – 22 экз., латунь – 84 экз., бронза – 130 экз., шматкампанентныя сплавы – 194 экз., легкаплаўкія сплавы – 67 экз., сплавы каштоўных металаў – 24 экз. (малюнак).

Вырабы з «чыстай» медзі прадстаўлены ў выбарцы 22 абразцамі (4,2%). У складзе 14 прадметаў зафіксавана высокая канцэнтрацыя медзі, якая перавышае 99%. У цэлым прадметы ўтрымліваюць Cu у дыяпазоне ад 95,3 да 99,7%. Канцэнтрацыя волава не перавышае 0,71%, свінца – 0,51%, цынка – 0,42%. Сярод найбольш цікавых знаходак – дзве паясныя накладкі з Бірулей, а таксама кавадла з Кардону. Вырабы адрозніваюцца вялікім праэнтам утрымання медзі, пры гэтым прымешкі фіксуюцца ў мінімальнай колькасці. Так, у метале чатырох вырабаў з Бірулей выяўлена больш 99% медзі, яшчэ ў двух вырабах – 97% і 98%. Найменшая колькасць Cu змяшчаецца ў метале паяснай накладкі (97%), дзе, акрамя асновы, зафіксавана 0,47% свінцу і 0,71% волава. Вырабы з «чыстай» медзі з Полацка таксама характарызуюцца высокай чысцінёй – 98,3...99,5%. У метале масіўнай

¹ Аўтар выказвае шчырую падзяку В.М. Ляўко, П.М. Кенько, А.В. Вайцяховічу, А.Л. Коцу і М.В. Клімаву за прадстаўленыя для аналізу знаходкі.

ювелірнай кавадлы з Кардона канцэнтрацыя медзі дасягае 99,8%. З «чыстай» медзі ў выбарцы зроблены ювелір-ная кавадла, 2 аплаўкі, 3 фрагменты кацялкоў, нож, 2 паясныя накладкі, язычок фібулы, а таксама прадметы нявызначанага прызначэння. Адсутнасць сярод даследаваных артэфактаў медных сыравінных зліткаў указвае на абмежаваны доступ мясцовых рамеснікаў да крыніц «свежага» металу, які трапляў на тэрыторыю Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі ў асноўным у выглядзе гатовых рэчаў. Пераважна высокае ўтрыманне Cu у сплавах пацвярджае, што гэтыя рэчы былі зроблены ў месцах здабычы сыравіны і не з’яўляліся аб’ектам шматразовай пераплаўкі. Вырабы з «чыстай» медзі складаюць 30% ад даследаваных абразцоў з Гнездава [6, с. 726]. У Ноўгарадзе зафіксавана 30% гэтага металу, у Пскове – 11% [5, с. 145].

Малюнак. – Дыяграма размеркавання вырабаў з каляровых металаў X – XIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі па тыпах сплаваў

Значнае месца ў каляровай металапрацоўцы рэгіёна займалі **бронзавыя сплавы**, сярод якіх у калекцыі выяўлены вырабы са свінцовай, алавянай і алавяна-свінцовай бронзы.

Абразцы са *свінцовай бронзы* (Cu-Pb) сустрэты ў колькасці 39 прадметаў і складаюць 7,5% выбаркі. Прадметы ўтрымліваюць свінец у дыяпазоне ад 1,09 да 30,5%; волава – ад 0,002 да 0,9%, цынк – ад 0,02 да 0,94%. Адметнай рысай свінцовай бронзы з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі трэба лічыць значную колькасць абразцоў з вялікім утрыманнем свінца, які ў складзе 24 абразцоў перавышае 20%, а ў метале яшчэ 14 складае менш 5%. Сярод вырабаў са свінцовай бронзы ў выбарцы сустрэты 3 фрагменты фібул, 2 паясныя накладкі, 3 ланцугатрымальнікі, 2 фрагменты шыйных грыўняў, спражка, 3 бразготкі, пярсцёнак, злітак, 6 аплаўкаў, 2 нарыхтоўкі, крыж-энкалішён, а таксама вырабы нявызначанага прызначэння. Найбольшая колькасць прадметаў са свінцовай бронзы выяўлена ў матэрыялах з археалагічнага комплексу Кардон (17 экз.). З Бірулей паходзяць 8 абразцоў, з Полацка – 5, з Друцка – 7, адзін экзэмпляр сустрэты падчас вывучэння выбаркі з Васілеўшчыны. У Гнездава зафіксавана 4% свінцовых бронз [6, с. 726]. Значны працэнт вырабаў з дадзенага сплаву характэрны для паўночнарускіх помнікаў, такіх як Ноўгарад, Пскоў, Залахтоўе і інш., дзе сустракаюцца абразцы з нізкім утрыманнем свінца, якое часта не перавышае 8% [5, с. 145]. Даследчыкі дапускаюць, што свінцовыя бронзы, выяўленыя ў выглядзе зліткаў на тэрыторыі Латвіі і на Готладзе, паходзяць з аднаго радовішча [7, р. 107].

Алавяная бронза (Cu-Sn) прадстаўлена 14 экз. (2,7% выбаркі). Канцэнтрацыя волава ў абразцах вагаецца ад 1,09 да 19,57%. Пры гэтым найбольшай колькасцю прадстаўлены вырабы з высокімі канцэнтрацыямі волава – звыш 10% (9 экз.). Трэба адзначыць, што толькі ў складзе 3 прадметаў зафіксавана менш 5% Sn. Утрыманне свінца ў сплавах не перавышае 0,95%, цынка – 0,74%. Сярод прадметаў з гэтага сплаву сустрэты 2 фібулы, 4 спражкі, 3 пласцінкі, накладка, 3 аплаўкі і бразготка. Найбольшая колькасць артэфактаў з алавянай бронзы паходзіць з Полацка (6 экз.). Максімальнае ўтрыманне Sn зафіксавана ў складзе спражкі (17,36%) і пласцінкі (19,57%). Канцэнтрацыя волава ў метале лірападобнай спражкі з Бірулей складае 15,76%, а ў накладцы ў выглядзе кветкі – 8,16%. Алавяная бронза з Кардона прадстаўлена адным абразцом з канцэнтрацыяй волава 1,07%. Прадметы з Мінска, Менкі, Васілеўшчыны і Фрунзе вылучаюцца высокім утрыманнем волава (15,38...17,9%, 3 экз.). У Гнездава алавяныя бронзы складаюць 3,8% даследаваных абразцоў, якія ўтрымліваюць волава ў дыяпазоне ад 1 да 19% [6, с. 726]. Для Ноўгарада характэрны нізкаалавыя бронзы, канцэнтрацыя волава ў якіх не перавышае

5%, а найбольшае распаўсюджванне атрымалі сплавы з аднапрацэнтным утрыманнем Sn. У матэрыялах Пскова і Тарапта таксама найбольш папулярнымі з'яўляліся нізкаалавынныя бронзы, аднак сустракаюцца таксама артэфакты ў якіх утрымліваецца ад 6 да 18% волава [8, с. 16; 9, с. 300].

Вырабы з *алавяна-свінцовай бронзы* (Cu-Sn-Pb) выяўлены ў колькасці 76 абразцоў (14,6% выбаркі). Канцэнтрацыя волава вагаецца ў межах ад 1,12 да 37,9%. У складзе 25 абразцоў зафіксавана менш 5% Sn, у 13 прадметах – ад 5 да 10%, пры гэтым абсалютная большасць прадметаў мае ў сваім складзе звыш 10% волава, сярод якіх 13 прадметаў утрымліваюць больш 20% гэтага металу. Вырабы з алавяна-свінцовай бронзы сустрачаны ў Бірулях (13 экз.), Друцку (16 экз.), Кардоне (10 экз.), Менке (12 экз.), Мінске (6 экз.), Полацку (9 экз.), Оршы (2 экз.), Фрунзе (3 экз.), Азярцы (1 экз.) і Васілеўшчыне (3 экз.). Сярод прадметаў з гэтага сплаву ў выбарку трапілі бранзалет, 4 бразготкі, 2 капавушкі, ключык, 3 кніжныя засцёжкі, 5 крыжоў-цельнікаў, накрывка лампадка, 17 накладак, 5 аплаўкаў, 3 пярсцёнкі, 3 падвескі, 10 спражак, 4 гузікі, паясны размеркавальнік, 3 фрагменты фібул, 3 фрагменты хорасаў, а таксама прадметы нявызначанага прызначэння. Найбольшае распаўсюджванне алавяна-свінцовыя бронзы атрымалі на тэрыторыі Паўночна-Усходняй Русі, у Сярэнску, вяціцкіх курганах, Маскве і паселішчах Маскоўскай вобласці, што дазволіла даследчыкам вылучыць асобную «вяціцкую» зону апрацоўкі каляровых металаў, для якой характэрна перавага вырабаў з алавыных і алавяна-свінцовых бронз [5, с. 137; 10, с. 126].

Істотнае месца ў каляровай металаапрацоўцы рэгіёна займалі **латуні**. У выбарку трапілі абразцы з двухкампанентнай, алавыннай і свінцовай латуні.

Вырабы з *двухкампанентнай латуні* (Cu-Zn) прадстаўлены 6 абразцамі (1,2% выбаркі). Канцэнтрацыя цынка ў прадметах вагаецца ад 1,22 да 27,14%. Пры гэтым пераважаюць абразцы з утрыманнем звыш 10% Zn (4 прадметы). Колькасць волава ў сплавах не перавышае 0,55%, свінца – 0,64%. Сярод прадметаў з двухкампанентнай латуні неабходна адзначыць шырокагубы ювелірны пінцэт, фрагмент бранзалета, паясны наканечнік, гузік, а таксама 2 зліткі. Чатыры вырабы з найбольшымі канцэнтрацыямі цынка ў сплавах (звыш 10%) паходзяць з Бірулей, яшчэ два артэфакты былі зафіксаваны сярод даследаваных абразцоў з Менкі і Полацка. Апошнія вырабы адрозніваюцца невысокім утрыманнем цынка (5,0% і 1,22%). Важна адзначыць, што сярод вырабаў з высокацынкавай двухкампанентнай латуні выяўлены зліткі, што ўказвае на паступленне мясцовым ювелірам сыравіннага металу з непасрэдных месцаў яго здабычы. Двайныя латуні складаюць 16% ад даследаваных прадметаў з Гнёздава [6, с. 726]. У Ноўгарадзе вырабы з дадзенай групы складаюць 51% усіх медна-цынкавых сплаваў [11, с. 102].

Алавыная латунь (Cu-Zn-Sn) прадстаўлена ў складзе 11 абразцоў (2,1% выбаркі). Усе прадметы вызначаюцца высокім утрыманнем у сплавах цынка (ад 9,35 да 23,91%), пры гэтым у метале 4 вырабаў канцэнтрацыя гэтага металу перавышае 20%. У сплавах зафіксавана таксама волава, утрыманне якога вагаецца ў дыяпазоне ад 1,19 да 8,43%. Пераважаюць абразцы з канцэнтрацыяй Sn ніжэй 5% (9 абразцоў). Утрыманне свінца ў сплавах не перавышае 0,86%. Вырабы з алавынай латуні прадстаўлены 2 бранзалетамі, накладкай, 2 пярсценкамі, гузікам, 2 зліткамі, стрыжнем, фрагментам фібулы, а таксама вырабам нявызначанага прызначэння. Артэфакты з алавынай высокацынкавай латуні сустрачаны ў Бірулях (4 экз.), Васілеўшчыне (1 экз.), Кардоне (1 экз.), Мінске (1 экз.), Полацку (2 экз.) і Фрунзе (2 экз.). Асабліва трэба адзначыць знаходкі 2 сыравінных зліткаў, якія ўтрымліваюць значныя канцэнтрацыі цынка (10,01% і 20,98%). Прадметы з алавынай латуні дастаткова рэдка сустракаюцца ў матэрыялах суседніх рэгіёнаў. На думку даследчыкаў, вырабы з гэтага сплаву з'явіліся ў выніку пераплаўкі рознахарактарнай сыравіны з алавынай бронзы і двойной латуні [5, с. 134].

Найбольш распаўсюджаным медна-цынкавым сплавам у рэгіёне з'яўлялася *свінцовая латунь* (Cu-Zn-Pb), вырабы з якой прадстаўлены 67 абразцамі (13% выбаркі). Утрыманне цынка ў прадметах з дадзенага сплаву вагаецца ад 1,24 да 30,58%. Сярод даследаваных артэфактаў 16 утрымліваюць менш 5% цынка, у метале 24 прадметаў зафіксавана ад 5 да 10% Zn, у складзе 27 вырабаў канцэнтрацыя гэтага легіруючага кампанента перавышае 10%. Свінец зафіксаваны ў сплавах у дыяпазоне ад 1,07 да 38,1%. Пры гэтым у метале 16 абразцоў канцэнтрацыя Pb не перавышае 5%, у складзе яшчэ 15 прадметаў свінец выяўлены ў дыяпазоне ад 5 да 10%, астатнія вырабы ўтрымліваюць звыш 10% гэтага металу. Максимальная колькасць волава ў сплавах не перавышае 0,9%. Сярод прадметаў са свінцовай латуні ў выбарку трапілі 2 фрагменты шыйных грыўняў, ланцужок, ланцугатрымальнік, 9 фрагментаў фібул, 4 зліткі металу, нарыхтоўка гузіка, 3 гузікі, 4 спражкі, дрот, 2 падвескі, 7 пласцінак, 2 пярсцёнкі, 3 аплаўкі, паясная абойміца, наканечнік похваў мяча, 2 накладкі, матрыца, ланцугатрымальнік, 4 колцы, кісцень, 2 вырабы нявызначанага прызначэння, 2 гіркі-разнавагі, скроневыя колца, 2 фрагменты шпілек, а таксама 9 фрагментаў бранзалетаў. Найбольшая колькасць абразцоў са свінцовай латуні сустрагана падчас даследавання каляровага металу з тэрыторыі гандлёва-рамесленага паселішча Бірулі – 28 экз. Сярод вырабаў з дадзенага сплаву асабліва вызначаюцца знаходкі чатырох зліткаў сыравіннага металу, якія сведчаць аб актыўным выкарыстанні свінцовай латуні ў каляровай металаапрацоўцы. Акрамя Бірулей абразцы падобнага хімічнага складу выяўлены ў Васілеўшчыне (3 экз.), Друцку (6 экз.), Кардоне (16 экз.), Менке (3 экз.), Мінске (2 экз.), Нябышына (1 экз.), Азярцы (3 экз.), Полацку (4 экз.), Фрунзе (1 экз.). Сярод матэрыялаў суседніх тэрыторый свінцовыя латуні складаюць 24% ад даследаваных абразцоў з Гнёздава [6, с. 726]. Свінцовыя і двойныя латуні таксама часта сустракаюцца на тэрыторыі Паўночна-Заходняй Русі, Прыбалтыкі, Скандынавіі [5, с. 134].

Найбольшае распаўсюджванне на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі мелі **шматкампанентныя сплавы**, якія прадстаўлены ў выбарцы шматкампанентнымі бронзамі (Cu-Sn-Zn-Pb) і шматкампанентнымі латунямі (Cu-Zn-Sn-Pb).

Шматкампанентныя бронзы (Cu-Sn-Zn-Pb) з'яўляліся сыравінай для вытворчасці 63 абразцоў (12% выбаркі). Канцэнтрацыя волава ў сплавах вагаецца ад 1,34 да 34,05%, пры гэтым пераважаюць артэфекты з утрыманнем звыш 10% Sn (39 прадметаў). Цынк зафіксаваны ў дыяпазоне ад 1,02 да 13,79%. Пераважаюць нізкацынкавыя сплавы, якія ўтрымліваюць менш 5% гэтага метала (38 прадметаў). Толькі 4 абразцы маюць у сваім складзе больш 10% Zn. Свінец выяўлены ў сплавах у дыяпазоне ад 2,62 да 37,09%. У метале 46 артэфектаў устаноўлена ўтрыманне звыш 10% Pb, у складзе 26 артэфектаў зафіксавана звыш 20% гэтага металу. Шматкампанентная бронза з'яўлялася сыравінай для вытворчасці 3 ланцугатрымальнікаў, фібулы, 3 сыравінных зліткаў, завушніцы, ручкі пасудзіны, гузіка, 9 спражак, 2 падвесак, 4 пласцінак, 3 пярсцёнкаў, аплаўка, 2 паясных наканечнікаў, 7 паясных накладак, 6 накладак, лунніцы, літніка, 3 крыжоў-цельнікаў, паяснога колца, капавушкі, ігольніцы, шпількі, бразготкі, 4 бранзалетаў, а таксама вырабаў нявызначанага прызначэння. Шматкампанентныя бронзы сустраэты сярод абразцоў з Бірулей (15 экз.), Кардона (6 экз.), Васілеўшчыны (10 экз.), Дружбы (1 экз.), Друцка (3 экз.), Менкі (6 экз.), Азярца (6 экз.), Оршы (1 экз.), Полацка (12 экз.) і Фрунзэ (2 экз.). Найбольшую цікавасць выклікаюць знаходкі ў Бірулях і Менке зліткаў са шматкампанентнай бронзы, а таксама аплаўка з Кардона і літніка з Полацка, што пацвярджае выкарыстанне дадзенага сплаву для вытворчасці вырабаў з каляровых металаў на ўсёй тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі. Шматкампанентныя бронзы атрымалі найбольшае распаўсюджанне на тэрыторыях, якія мелі абмежаваны доступ да крыніц «свежага» металу. Найбольш часта вырабы з гэтага сплаву сустракаюцца на Поўдні Русі, у той час як на Паўночным Захадзе доля іх мінімальна. Так, сярод даследаваных абразцоў з Гнёздава шматкампанентныя бронзы складаюць толькі 2,6%, у Ноўгарадзе – 1% [5, с. 147; 6, с. 728].

Шматкампанентная латунь (Cu-Zn-Sn-Pb) сустраэта ў складзе 131 абразца (25,2% выбаркі). Канцэнтрацыя цынка ў сплавах вагаецца ў межах 1,09...29,05%. Сярод абразцоў пераважаюць прадметы з утрыманнем больш за 10% Zn (60 экз.), у складзе яшчэ 59 артэфектаў ад 5 да 10% гэтага металу. Большая частка даследаваных вырабаў мае ў сваім складзе волава ў нізкіх канцэнтрацыях (менш 5%) – 101 абразец, аднак сустраэты таксама прадметы з утрыманнем Sn ад 5 да 10% – 21 абразец, а таксама 8 прадметаў з канцэнтрацыяй гэтага легіруючага кампаненту, якая перавышае 10%. У складзе абразцоў зафіксавана таксама ўтрыманне свінца ў дыяпазоне ад 1,1 да 36,86%. У выбарке пераважаюць артэфекты, якія ўтрымліваюць значную колькасць гэтага металу – больш 10% (85 экз.), пры гэтым у складзе 47 абразцоў зафіксавана звыш 20% Pb. Шматкампанентная латунь выяўлена ў складзе 16 фібул і іх фрагментаў, 3 фрагментаў шыйных грывень, ланцугатрымальніка, 2 фіцільных трубчак, 2 стрыжняў, 2 пранізак, 6 сыравінных зліткаў, 2 гузікаў, 4 спражак, 3 падвесак, 19 пласцінак, 3 пінцэтаў, 7 пярсцёнкаў, 5 аплаўкаў, 3 паясных абойміц, 2 паясных наканечнікаў, 8 паясных накладак, лунніцы, крыжа-энкаліпідна, літніка, 2 крыжоў-цельнікаў, 2 паясных колцаў, 9 вырабаў нявызначанага прызначэння, 2 кніжных засцёжак, 4 нарыхтовак, скроневага колца, пацеркі, 5 бразготак, 14 бранзалетаў. Найбольшая колькасць вырабаў са шматкампанентнай латуні зафіксавана ў Бірулях – 49 абразцоў. Адметнасцю выбаркі з'яўляецца наяўнасць 5 сыравінных зліткаў, якія ўтрымліваюць цынк у дыяпазоне ад 6,38 да 10,15%, волава ад 1,66 да 6,53%, свінец ад 1,12 да 23,2%. Вырабы са шматкампанентнай латуні выяўлены таксама ў Кардоне (32 экз.), Васілеўшчыне (7 экз.), Друцку (4 экз.), Лучна (1 экз.), Менке (10 экз.), Мінске (2 экз.), Нябышына (5 экз.), Азярцы (1 экз.), Полацку (14 экз.) і Фрунзэ (6 экз.). Шматкампанентныя латуні часта сустракаюцца на тэрыторыі Прыбалтыкі, Швецыі і Усходняй Прусіі. У Прыбалтыцы большая частка прадметаў з падобных сплаваў утрымлівае цынк у інтэрвале ад 10 да 20%, а волава і свінец – у розных канцэнтрацыях. У Гнёздава група шматкампанентных латуней складае 9% ад агульнага масіва даследаваных абразцоў. Утрыманне волава тут зафіксавана ў інтэрвале ад 1 да 10%, свінца – ад 1 да 30%, цынка – ад 2 да 16% [5, с. 147; 6, с. 728–729].

Вырабы з *легкаплаўкіх сплаваў* прадстаўлены ў колькасці 67 экзэмпляраў (12,9% выбаркі). Сярод прадметаў сустраэты сплавы на аснове волава (28 абразцоў) і свінца (29 абразцоў), а таксама «чысты» свінец (6 абразцоў) і «чыстае» волава (4 абразца). З легкаплаўкіх сплаваў зроблены 9 гузікаў, 2 спражкі, дрот, 7 падвесак, пломба, 6 пярсцёнкаў, 3 аплаўкі, паясны наканечнік, 9 паясных накладак, матрыца, 2 лунніцы, 5 крыжоў-цельнікаў, 4 грузікі-конуса, 2 кніжныя засцёжкі, 5 гірак-рознаваг, скроневае колца, бразготка, 3 бранзалеты, 3 бляшкі. Найбольшая колькасць прадметаў з легкаплаўкіх сплаваў сустраэта ў Кардоне (19 экз.) і Друцку (25 экз.), акрамя таго вырабы з гэтых сплаваў выяўлены ў Бірулях (6 экз.), Менке (9 экз.), Мінске (8 экз.). Артэфекты з легкаплаўкіх сплаваў рэдка станавіліся прадметам спецыяльнага даследавання, у сувязі з чым адсутнічае надзейная інфармацыя адносна распаўсюджанасці дадзенай групы сплаваў у каляровай металаапрацоўцы перыяду Сярэднявечча. Акрамя таго, маштаб выкарыстання гэтых металаў у ювелірнай вытворчасці складана ацаніць у сувязі з дрэннай захаванасцю вырабаў з падобных сплаваў у культурным слоі. Папулярнасць легкаплаўкіх сплаваў была абумоўлена адноснай даступнасцю сыравіны, магчымасцю апрацоўкі яе пад уздзеяннем нізкіх тэмператур, а таксама знешнім падабенствам з больш дарагімі сярэбранымі вырабамі. Трэба таксама лічыць, што частка прадметаў з легкаплаўкіх сплаваў з'яўляецца вынікам змешвання рознахарактарнага металічнага лому, што выявілася ў з'яўленні ў выбарцы складаных сплаваў на свінцовай ці алавянай аснове з утрыманнем цынка і медзі. Легкаплаўкія сплавы выяўлены ў Ноўгарадзе, дзе складаюць 13% выбаркі, Пскове – 5%, Старой Ладазе – 13%, Рурыкавым гарадзішчы – 11% і інш. [5, с. 148].

Найменшай колькасцю сярод даследаваных прадметаў прадстаўлены **сплавы каштоўных металаў** (серабра і золата) – 24 абразцы (4,6% выбаркі). Сярод прадметаў сустраэта двухкампанентнае высокапробнае серабро (10 экз.), двухкампанентнае нізкапробнае серабро (1 экз.), шматкампанентнае высокапробнае серабро (2 экз.), шматкампанентнае нізкапробнае серабро (1 экз.), а таксама сплавы на аснове медзі з павялічаным ўтрыманнем

серабра (8 экз.). Выявлены таксама два вырабы са сплава на аснове золата з утрыманнем серабра і медзі. Са сплаваў каштоўных металаў зроблены пераважна ўпрыгажэнні і дэталі адзення: 4 пацеркі, бранзалет, скроневае колца, фрагмент падвескі, паясны наканечнік, 5 накладак, 2 пярсцёнкі, фрагмент фібулы, 3 фрагменты шыйных грывень. Важным указаннем на выкарыстанне мясцовымі рамеснікамі серабра ў якасці сыравіннага металу з'яўляецца выяўленне нарыхтоўкі і аплаўка. У выбарку трапілі таксама 3 крыжы-цельніка і фрагмент манеты. Прадметы з каштоўных металаў сустрэты ў Бірулях (5 экз.), Друцку (4 экз.), Кардоне (5 экз.), Прылуках (4 экз.), Фрунзе (2 экз.), а таксама ў Мінску, Менке, Азярцы, Полацку – па 1 экз.

Заклучэнне. У выніку аналізу даных даследавання хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі магчыма зрабіць наступныя высновы:

1. Каляровая металаапрацоўка на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі ў X – XIII стст. вызначаецца перавагай шматкампанентных сплаваў, якія складаюць 37% выбаркі. Важнае месца ў вытворчасці адыгрывалі таксама бронзы (25%), латуні (16%) і легкаплаўкія сплавы (12,9%). Перавага шматкампанентных сплаваў з'яўляецца ўказаннем на абмежаваны доступ мясцовых рамеснікаў да крыніц «чыстага» металу, у сувязі з чым большая частка прадукцыі выраблялася з рознахарактарнай сыравіны, якая трапляла ў майстэрні ў выглядзе металічнага лома, а таксама гатовых зліткаў. Колькасная перавага ў групе складаных сплаваў шматкампанентных высокацынковых латуней з'яўляецца сведчаннем пераважнага выкарыстання рамеснікамі для вырабу прадукцыі металічнага лому, які не з'яўляўся аб'ектам шматразовых пераплавак і быў звязаны з месцамі руднай здабычы.

2. Аналіз атрыманых даных колькаснага размеркавання даследаваных тыпаў вырабаў па групах сплаваў не дазваляе выявіць строгай адпаведнасці паміж канкрэтнай катэгорыяй артэфектаў і пэўнай металургічнай групай. Устаноўлена аднак, што майстры-ювеліры маглі кіравацца ліцейнымі якасцямі сплаваў і функцыянальным прызначэннем гатовай прадукцыі падчас вытворчасці асобных катэгорый вырабаў. Так, выяўлена, што большасць фібул і іх фрагментаў зроблена са шматкампанентнай і свінцовай латуні (25 з 37 абразцоў) з канцэнтрацыяй цынка ад 4,44 да 22,24%. Таксама сярод 24 даследаваных прадметаў хрысціянскага культу 10 абразцоў зроблены з бронзы, пры гэтым 9 з іх – з алавяна-свінцовай бронзы з высокімі канцэнтрацыямі волава. Паказальным таксама з'яўляецца хімічны склад чатырох шырокагубых пінецтаў, якія былі зроблены са шматкампанентнай і двойной латуні з істотным утрыманнем цынка – ад 9,35 да 27,14%. У той жа час, сярод 30 даследаваных паясных накладак выявіць заканамернасці ў хімічным складзе прадметаў не атрымалася. Верагодна, адсутнасць пэўных заканамернасцей у гэтай групе артэфектаў тлумачыцца складаным паходжаннем дадзенай катэгорыі прадметаў. Пераважнае выкарыстанне медна-цынковых сплаваў з сярэднім і высокім утрыманнем цынка вызначаецца асаблівасцямі сферы іх выкарыстання, якая прадугледжвала наяўнасць у прадметах добрых спружынных якасцей і прыгожага залацістага колеру. Выкарыстанне алавяна-свінцовай бронзы для вытворчасці прадметаў хрысціянскага культу трэба тлумачыць добрымі ліцейнымі якасцямі гэтага сплаву. Вытворчасць прадметаў хрысціянскага культу са свінцовай і алавяна-свінцовай бронзы ў цэлым характэрна для тэрыторыі Паўночна-Заходняй Русі [12, с. 320].

ЛІТАРАТУРА

1. Магалинский, И.В. Химический состав сырьевых слитков из цветных металлов X-XI вв. (по материалам археологических исследований торгово-ремесленного поселения Бирули) / И.В. Магалинский, П.М. Кенько // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Даследванне беларускіх старажытнасцей (да 80-годдзя з дня нараджэння А.Г. Калечыц). – Мінск : «Беларуская навука», 2020. – Вып. 31. – С. 64–69.
2. Магалинский, И.В. Новые данные по химическому составу изделий из цветных металлов X–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси / И.В. Магалинский // Доклады НАН Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2021. – Т. 65. – № 2. – С. 241–246.
3. Магалінскі, І.У. Вырабы з каляровых металаў X–XI стст. з тэрыторыі гандлёва-рамесніцкага паселішча Бірулі (суадносны тыпалагічных і металургічных груп) / І.У. Магалінскі, П.М. Кенько // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў : зб. арт. V міжнар. навук. канф., Полацк, 15–16 крас. 2021 г. / Полац. дзярж. ун-т ; пад агульн. рэд. А.І. Корсак (адк. рэд.), В.У. Чараўко, У.Я. Аўсейчыка. – Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2021. – С. 64–70.
4. Магалинский, И.В. Элементный состав цветного металла X – XIII вв. с территории Центральной Беларуси (по материалам исследований археологических комплексов Менка, Василевщина, Фрунзе, Дружба) / И.В. Магалинский, А.В. Войтехович // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2021. – № 9. – С. 69–72.
5. Ениосова, Н.В. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси / Н.В. Ениосова, Р.А. Митоян, Т.Г. Сарачева // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. – М., 2008. – С. 107–188.
6. Ениосова, Н.В. Химический состав цветного металла из Гнёздова / Н.В. Ениосова // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 6. – С. 724–733.
7. Svarāne, D. Pētījumi Latvijas seno metālu tehnoloģijā 11. – 17. gs. / D. Svarāne. – Rīga : Latvijas vēstures institūta apgāds, 2013. – 239 lpp.
8. Фоняков, Д.И. Цветной металл Торопца (типология и технология) / Д.И. Фоняков // Советская археология. – 1991. – № 2. – С. 217–231.
9. Королёва, Э.В. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова / Э.В. Королёва // Археологическое изучение Пскова. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991 гг.). – Псков, 1996. – Вып. 3. – С. 229–300.
10. Зайцева, И.Е. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII в. / И.Е. Зайцева, Т.Г. Сарачева. – М. : Индрик, 2011. – 404 с.
11. Ениосова, Н.В. Латуни средневекового Новгорода / Н.В. Ениосова, Р.А. Митоян, Т.Г. Сарачева // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Новгород, 2000. – Вып. 14. – С. 99–111.

12. Асташова, Н.И. Химико-технологическое изучение древнерусских рельефных энколпионов из археологического собрания Государственного Исторического музея / Н.И. Асташова, Т.Г. Сарачева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной, Санкт-Петербург, 10–16 апр. 2006 г. – СПб. : Нестор-История, 2010. – С. 317–329.

Паступіў 30.11.2021

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ X – XIII вв. С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ

И.В. МАГАЛИНСКИЙ

В статье представлены результаты исследования химического состава изделий из цветных металлов X – XIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси. Автором установлено, что цветная металлообработка региона характеризовалась преобладанием многокомпонентных сплавов, составляющих 37% выборки. Важное место в производстве играли также бронзы (25%), латуни (16%) и легкоплавкие сплавы (12,9%). Преобладание многокомпонентных сплавов является указанием на ограниченный доступ местных ремесленников к источникам «чистого» металла, в связи с чем значительная часть продукции производилась из разнохарактерного сырья. Также отмечается, что большинство сплавов использовалось для изготовления различных типов изделий, что не позволяет выявить строгого соответствия между всеми металлургическими и типологическими группами, кроме отдельных категорий предметов (фибулы, пинцеты, предметы христианского культа).

Ключевые слова: археология Беларуси, история древней технологии, ювелирное ремесло, археометаллургия.

CHEMICAL COMPOSITION OF PRODUCTS FROM NON-FERROUS METALS OF 10th-13th CENTURIES FROM THE TERRITORY OF NORTHERN AND CENTRAL BELARUS

I. MAHALINSKI

The article presents the results of a study of the chemical composition of non-ferrous metal products of the 10th – 13th centuries from the territory of Northern and Central Belarus. The author found that non-ferrous metalworking of the region was characterized by the predominance of multicomponent alloys, accounting for 37% of the sample. Bronzes (25%), brass (16%) and low-melting alloys (12,9%) also played an important role in production. The predominance of multicomponent alloys is an indication of the limited access of local artisans to the sources of “pure” metal, and therefore a significant part of the production was made from raw materials of various types. It is also noted that most of the alloys were used for the manufacture of various types of products, which does not allow revealing a strict correspondence between all metallurgical and typological groups, except for certain categories of objects (brooches, tweezers, objects of Christian worship).

Keywords: archeology of Belarus, history of ancient technology, jewelry craft, archaeometallurgy.

УДК 351.853.3(476.5)+904:726.82(476.5)«11/18»

**ПАХАВАННІ СПАСА-ЕЎФРАСІННЕЎСКАГА МАНАСТЫРА
Ў КАНТЭКСЦЕ РАЗВІЦЦЯ ПАХАВАЛЬНЫХ ПОМНІКАЎ ПОЛАЦКА***канд. гіст. навук В.У. ЧАРАЎКО**(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)**e-mail: viktar.charauko@gmail.com**ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9594-0430>*

Пахаванні Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра займаюць асаблівае месца сярод пахавальных помнікаў Полацка. Пахаванні на гэтай тэрыторыі адбываліся яшчэ да стварэння манастыра і звязаны з пахавальным храмам полацкіх епіскапаў. Археалагічныя даследаванні апошніх гадоў дазваляюць выказаць здагадку, што Спаса-Праабражэнская царква і прылеглая да яе тэрыторыя выкарыстоўваліся для пахавання сацыяльнай эліты Полацкай зямлі. Гэта адпавядае высокаму статусу, які меў Спаса-Еўфрасінеўскі манастыр на працягу стагоддзяў.

Ключавыя словы: пахаванні, могільнік, Полацк, Спаса-Еўфрасінеўскі манастыр.

Уводзіны. Нягледзячы на раскопкі некаторых сярэдневяковых і познесярэдневяковых манастыроў Беларусі [1, с. 108–117; 2], гэтыя археалагічныя аб'екты пакуль вывучаны недастаткова. Аднай з актуальных праблем з'яўляецца развіццё пахавальных помнікаў, якія ўзніклі і існавалі пры манастырах. Таму археолага-архітэктурныя даследаванні Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра, якія праводзяцца на працягу апошніх гадоў Полацкім дзяржаўным універсітэтам (Беларусь) (Дз.У. Дук, А.Л. Коц, І.В. Магалінскі) сумесна з Дзяржаўным Эрмітажам (Расія) (Я.М. Торшын) [3; 4], маюць важнае навуковае значэнне. На дадзены момант раскопкі не завершаны і будуць працягвацца. Асэнсаванне ўсяго комплексу атрыманых матэрыялаў, несумненна, дазволіць асветліць розныя аспекты функцыянавання манастыра на працягу яго шматвяковай гісторыі. Адным з пытанняў павінна стаць удакладненне месца, якое займалі пахаванні Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра сярод пахавальных помнікаў Полацка [5, с. 130, 132].

Асноўная частка. Размешчаны па-за межамі сярэдневяковага Полацка, Спаса-Еўфрасінеўскі манастыр з'яўляўся асаблівым пасяленчым помнікам, адрозным ад іншых катэгорый пасяленняў: горада, вёскі, сельскай сядзібы. Як і любы манастыр, ён вылучаўся дэмаграфічнымі складам манастырскай абшчыны, спецыфікай яе паўнення, бытавым укладам. У той жа час, размяшчэнне недалёка ад горада і цесная сувязь з гарадскім жыццём рабілі манастыр часткай культурна-рэлігійнай прасторы Полацка, няхай і тэрытарыяльна адасобленай. З манастыром, як з пасяленчым помнікам, павінен быў быць звязаны пахавальны помнік – могілкі, прызначаныя для прадстаўнікоў манастырскай абшчыны. Хрысціянская пахавальная традыцыя прадугледжвала пахаванне памерлых у храмах і на прыхрамавых могілках. Пры гэтым на пахаванне ў храмах маглі прэтэндаваць прадстаўнікі сацыяльнай эліты – князі і вышэйшае духавенства, баярства, святары. Асноўную масу насельніцтва хавалі на прыхрамавых могілках [6, с. 91–92].

Старажытныя пахаванні на тэрыторыі Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра былі здзейсненыя яшчэ да заснавання абіцелі. «Жыццё Еўфрасіні Полацкай» паведамляе, што на момант перадачы Еўфрасіні епіскапам Іллёй прыгараднага Сяльца, якое было падвор'ем Сафійскага сабора, там ужо мелася царква. Яна служыла месцам апошняга спачыну полацкіх архірэяў [7, с. 31; 8, с. 58]. Археалагічныя раскопкі М.К. Каргера дазволілі выявіць гэты храм. Уздоўж паўночнай і паўднёвай сценаў яго асноўнага аб'ёма даследчыкам былі знойдзены рэшткі аркасоліяў, у якіх размяшчаліся саркафагі. Акрамя гэтага, ва ўсіх галерэях царквы знаходзіліся саркафагі з плінфы (малюнак 1): 7 з іх захавалася ў паўднёвай галерэі, 20 – у заходняй, 2 – у паўночнай. У паўночнай галерэі таксама мелася глыбокая крыпта. Па здагадцы М.К. Каргера, яна прызначалася для найбольш ганаровых пахаванняў [9, с. 241, 243]. З прычыны разбуранасці царквы пахаванні захаваліся не ва ўсіх сцянах. Большая частка парэшткаў належала мужчынам сталага ўзросту. Інвентар адсутнічаў [9, с. 244]. Гэта адпавядае згаданым у «Жыцці...» пахаванням епіскапаў. Пісьмовыя крыніцы захавалі імёны двух полацкіх епіскапаў – папярэднікаў Іллі: Міны і Касмы [10, с. 27]. Пахаванне царкоўных іерархаў у гэтым храме магло працягвацца і пасля заснавання манастыра.

Па трапным назіранні А.А. Мельнікава, заснаваная на «Жыцці...» і замацаваная ў гістарыяграфіі традыцыя называння храма пахавальнай епіскапаў мімаволі прыводзіць да вузка спецыфічнага разумення яго прызначэння. Між тым, няма падстаў лічыць, што храм быў пабудаваны выключна для пахавання архірэяў і служыў толькі для гэтага [8, с. 58]. Частка пахаванняў магла належаць прадстаўнікам княжацкай дынастыі і баярскіх родаў – кціграм царквы і манастыра. Акрамя мужчынскіх, у храме адкрыты і жаночыя пахаванні, якія, магчыма, адносяцца да больш позняга перыяду яго функцыянавання ў складзе абіцелі [9, с. 244]. Яны маглі належаць прадстаўніцам княжацкай сям'і, баярскіх родаў і настояцельніцам манастыра.

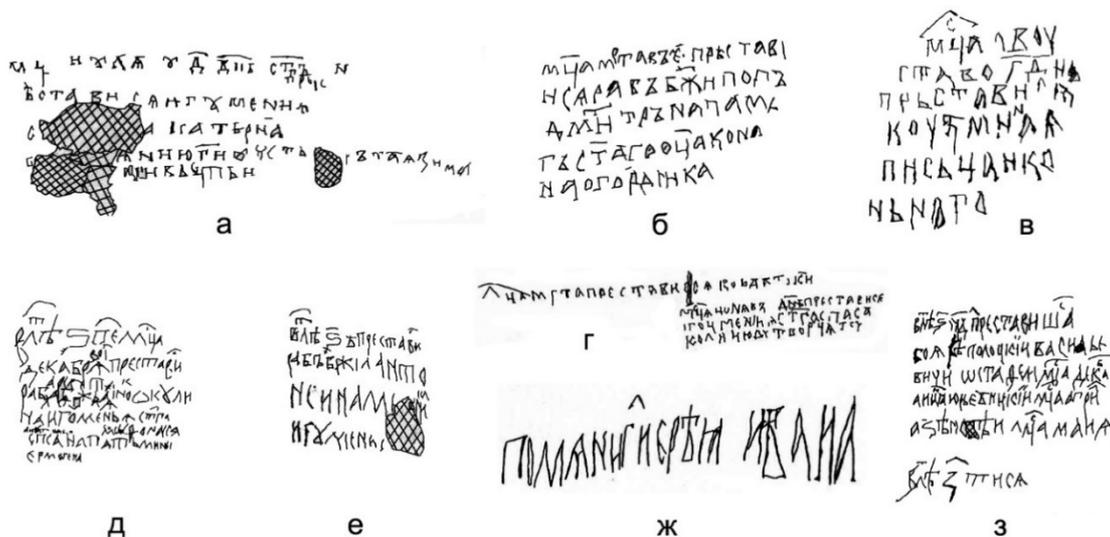
Выкарыстанне храма спынілася пасля яго разбурэння, верагодна, у выніку пажару. Пра гэта сведчаць знойдзеныя ў адным са сцяпоў кавалкі свінцу ад расплаўленага даху, у тым ліку і з уплаўленымі ў іх косткамі [9, с. 244; 11, с. 150]. Гэтым жа можна растлумачыць знаходку «напоўненага свінцом чэрапа», які ў 1920 г. аглядала павятовая камісія па ахове помнікаў даўніны і мастацтва [12, с. 46].

Малюнак 1. – Пахаванні ў саркафагах з храма-пахавальні Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра Паводле А.В. Вайцяховіча [6, с. 192].

Пахаванні здзяйсняліся і ў Спаскай царкве. Аб гэтым сведчаць аркасоліі ў паўночнай і паўднёвай сценах храма, а таксама саркафагі пад яго галярэямі [4, с. 24, 33, 36]. Акрамя гэтага, на поўдзень ад асноўнага аб’ёму царквы быў адкрыты невялікі падземны храм з аркасоліям. Аркасоліі і саркафагі маглі прызначацца для пахавання кцітараў [3, с. 47–48]. Не выключана, што ўнутры храма хавалі таксама настояцельніц манастыра.

Пры манастыры павінны былі знаходзіцца могілкі, прызначаныя для шараговых прадстаўніц манаскай абшчыны, духавенства, а таксама для манастырскіх слуг і членаў іх сем’яў. Некропаль мог размяшчацца каля сцен Спаса-Праабражэнскай царквы. Памінальныя графіці гэтага храма XII – XV стст. (якія, вядома, не сведчаць аб абавязковым пахаванні названых асоб на манастырскіх могілках) згадваюць трох настояцельніц (Кацярыну, Акуліну і не названую па імені ігуменню), двух святароў (Дзмітрыя і Івана), намесніка ігуменні, жонку іканапісца, а таксама прадстаўнікоў мясцовага баярскага роду Корсакаў, якія маглі выступаць у ролі кцітараў: Астафія Васільевіча, Івана Васільевіча Юр’еўніцкага, Зіновія Васільевіча Корсакаў (малюнак 2) [13, с. 110–123]. Наяўнасць кцітарскай падтрымкі манастыра ў Познім Сярэднявеччы сведчыла несумненна пра важную ролю ў рэлігійным жыцці Полацка, якую адыгрываў манастыр разам з Сафійскім саборам [14, с. 439].

Малюнак 2. – Памінальныя графіці XII–XV стст. з узгадкай настояцельніц Кацярыны (а), Акуліны (д), не названай ігуменні (г), святароў Дзмітрыя (б) і Івана (ж), намесніка ігуменні Антонія (е), жонкі іканапісца (в), мясцовых баяр Астафія, Івана, Зіновія Корсакаў (з) у Спаса-Праабражэнскай царкве Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра Паводле І.Л. Калечыц [13, с. 211–212, 215, 217–218, 221–222].

На сённяшні момант мы ведаем, што некропаль побач са Спаса-Праабражэнскай царквой дакладна існаваў у XVIII – XX стст. Гэта археалагічна пацверджана раскопкамi Дз.У. Дука, А.Л. Коца і І.У. Магалінскага. Большасць пахаванняў пашкоджана і пераадкладзена, што разам з пераважнай безынвентарнасцю ўскладняе датаванне [3, с. 48; 15, с. 140–141, 144–145]. Не выключана, што сярод пераадкладзеных касцякоў маюцца больш раннія пахаванні, парушаныя пазнейшымі. Функцыянаванне могілак у XIX – XX стст. не выключае іх узнікнення раней за XVIII ст. Але інфармацыі аб грунтавых пахаваннях, якія датуюцца перыядам да XVIII ст., мы не маем. Новыя даныя могуць быць атрыманы падчас працягу археалагічных даследаванняў.

Паводле праведзенай В.А. Емялянчык антрапалагічнай экспертызы, выяўленыя каля Спаса-Праабражэнскага храма парэшткі належалі больш чым сотні чалавек. Сярод іх былі мужчыны, жанчыны і дзеці. Некаторыя пахаваныя мелі баявыя траўмы [15, с. 140–141, 144–145]. Разнастайны дэмаграфічны склад памерлых указвае на тое, што на могілках, нават калі іх даследаваны фрагмент дзейнічаў да XVIII ст., хавалі не толькі насельніц манастыра. Выкарыстанне манастырскіх могілак свецкім насельніцтвам, у тым ліку пахаванні мужчын у жаночых манастырах, і наадварот, не супярэчыць хрысціянскім звычаям. Такая сітуацыя адзначана на некропалі каля полацкага Сафійскага сабора [16, с. 82] і шэрагу рускіх манастырскіх могілак [17, с. 315; 18, с. 30], таму адпавядае ўсходнеславянскай пахавальнай практыцы. Але полаўзростава склад пахаваных і паказчыкі смяротнасці дарослых на гэтым некропалі не адрозніваюцца ад сітуацыі на гарадскіх могілках Полацка XVII – XVIII стст. [15, с. 145]. Гэта знаходзіць тлумачэнне ў гісторыі Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра, тэрыторыя якога ў другой палове XVI – XVIII ст. знаходзілася ва ўласнасці Ордэна езуітаў. Гэта на час перапыніла натуральнае развіццё абцелі і яе пахавальных традыцый, паколькі могілкі перасталі быць манастырскімі.

У XVIII ст. пахаванні здзяйсняліся не толькі побач са Спаса-Праабражэнскім храмам, але і пад ім. У другой палове XVIII ст. пад царквой былі пабудаваны крыпты. У трох з васьмі крыпт Дз.У. Дук выявіў асобныя чалавечыя косткі, моцна пашкоджаныя і фрагментаваныя, што можа тлумачыцца перасыпаннем зямлі з прылеглай да царквы тэрыторыі і парушэннем больш ранніх пахаванняў. У адным са скляпоў знаходзілася калектыўнае перапахаванне. Антрапалагічная экспертыза, праведзеная В.А. Емялянчык, устанавіла прыналежнасць парэшткаў шасці мужчынам сталага ўзросту. Касцякі былі абгорнутыя дарагой тканінай з сярэбранай ніццо. На розных касцях шкілета, у тым ліку на чарапах, адзначаны плямы ад медных вокіслаў, якія пакінулі дэталі вопраткі або ўпрыгажэнні. Гэта, разам з месцам пахавання, сведчыць аб высокім сацыяльным статусе памерлых. Прасочваюцца нанесеныя зброяй траўмы. Верагодна, крыпта прызначалася для пахавання шляхты і кіраўніцтва Ордэна езуітаў у Полацку [19, с. 83, 114; 20, с. 133; 21, с. 225–226; 22, с. 34].

Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай і ўваходжання беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі адбылося аднаўленне Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра. Тэрыторыя каля Спаса-Праабражэнскай царквы зноў стала выкарыстоўвацца для пахавання прадстаўніц манаскай абшчыны і прадстаўнікоў духавенства. У 1910 г. у манастыр былі ўрачыста дастаўлены мошчы Еўфрасіні Полацкай – заснавальніцы манастыра. Яны былі змешчаныя ў спецыяльную раку, знаходзіліся ў інтэр'еры храма і былі даступны для пакланення вернікам. Такая асабліва пахавальная традыцыя адлюстроўвала асабліва высокі статус Еўфрасіні Полацкай як святой і адпавядала праваслаўнай практыцы абыходжання з мошчамі святых.

Заклучэнне. Такім чынам, пахаванні Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра займаюць адметнае месца ў кантэксце развіцця пахавальных помнікаў Полацка і могуць разглядацца як адзін з самых старажытных у Беларусі некропалей, спалучаючы пахавальныя помнікі розных эпох. Старажытныя пахаванні ўзніклі яшчэ да заснавання абцелі і былі звязаны з храмам-пахавальняй полацкіх епіскапаў. Пахаванні ў гэтым храме і Спаса-Праабражэнскай царкве размяшчаліся ў аркасоліях і скляпах. Гэта адпавядала старажытнарускай традыцыі пахавання прадстаўнікоў сацыяльнай эліты – вышэйшага духавенства, членаў княжацкай сям'і, прадстаўнікоў баярскіх родаў, якія выступалі кіітарамі храма і манастыра. На тэрыторыі манастыра павінны былі існаваць і могілкі, прызначаныя для прадстаўнікоў манаскай абшчыны. На іх маглі таксама хаваць прадстаўнікоў духавенства, манастырскіх слуг, кіітараў і членаў іх сем'яў.

У Познім Сярэднявеччы традыцыя манументальнага культывага дойлідства была перарвана. Разам з ёй перапынілася і традыцыя пахавання ў каменных храмах. Храм-пахавальня полацкіх епіскапаў быў разбураны, як і галерэі Спаса-Праабражэнскай царквы. Верагодна, у гэты час працягвалі дзейнічаць манастырскія могілкі. У другой палове XVI ст. тэрыторыя манастыра перайшла да езуітаў. Каля Спаса-Праабражэнскай царквы, магчыма, на месцы старых праваслаўных могілак, не пазней чым у XVIII ст. узнік некропаль. У XVIII ст. пад старажытным Спаса-Праабражэнскім храмам былі пабудаваны крыпты, якія выкарыстоўваліся для пахавання шляхты і прадстаўнікоў езуіцкага Ордэна. Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай праваслаўны жаночы манастыр аднавіў сваё існаванне. Тэрыторыя каля Спаса-Праабражэнскай царквы зноў стала выкарыстоўвацца для пахавання насельніц манастыра і прадстаўнікоў духавенства. Перанясенне ў адпаведнасці з праваслаўнай традыцыяй мошчаў Еўфрасіні Полацкай – заснавальніцы абцелі – дазволіла Спаса-Еўфрасінеўскаму манастыру канчаткова заняць унікальнае месца ў ліку пахавальных помнікаў Полацка.

ЛІТАРАТУРА

1. Археалогія Беларусі. У 4 т. – Мінск : Бел. навука, 1997–2001. – Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. / В.М. Ляўко [і інш.] ; пад рэд. В.М. Ляўко [і інш.]. – 2001. – 597 с.
2. Кошман, В.И. Кладбище бернардинского костёла в городе Минске (основные результаты археологического и антропологического изучения) / В.И. Кошман, О.А. Емельянчик // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2018. – Вып. 29. – С. 48–58.
3. Предварительные результаты археолого-архитектурных исследований на территории Спасо-Преображенского храма Спасо-Евфросиньевского монастыря в городе Полоцке в 2018 г. / И.В. Магалинский [и др.] // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвинья и сопредельных регионов : сб. науч. работ Междунар. науч.-практ. конф. К 50-летию

- Полоцкого гос. ун-та, Новополоцк, 18–19 октября 2018 г. / под общ. ред. В.Е. Овсейчика (отв. ред.), Г.И. Захаркиной, Р.М. Платоновой. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2018. – С. 45–50.
4. Галерея Спасо-Преображенской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке (предварительные итоги архитектурно-археологических исследований) / Е.Н. Торшин [и др.] // Беларуская Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III Міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г. : у 2 ч. / Пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача, А.І. Корсак. – Наваполацк : ПДУ, 2016. – Ч. 1. – С. 22–40.
 5. Чараўко, В.У. Пахавальныя помнікі Полацка XIV–XVIII стст. / В.У. Чараўко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – С. 129–135.
 6. Войтехович, А.В. Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X–XII вв. / А.В. Войтехович. – Минск : Беларуская наука, 2019. – 269 с.
 7. Кніга жыццй і хаджэнняў / Уклад., прадм. і камент. А. Мельнікава. – Мінск : Маст. літ-ра, 1994. – 503 с.
 8. Мельнікаў, А.А. З неапублікаванай спадчыны : манаграфія, артыкулы, вершы, матэрыялы навуковай канферэнцыі, успаміны сучаснікаў / А.А. Мельнікаў. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2005. – 592 с.
 9. Каргер, М.К. Храм-усыпальніца в Евфросиньевском монастыре в Полоцке / М.К. Каргер // Советская археология. – 1977. – № 1. – С. 240–247.
 10. Грыгаровіч, І.І. Беларуская іерархія / І.І. Грыгаровіч. – Мінск : БелЭн, 1992. – 102 с.
 11. Раппопорт, П.А. Полоцкое зодчество XII в. / П.А. Раппопорт // Советская археология. – 1980. – № 3. – С. 142–161.
 12. Православная церковь на Витебщине (1918–1991) : док. и материалы / Редкол.: М.В. Пищулёнок (гл. ред.) [и др.] ; сост. В.П. Коханко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : НАРБ, 2006. – 365 с. ; ил.
 13. Калечыц, І.І. Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. / І.І. Калечыц. – Мінск : Беларуская наука, 2011. – 271 с.
 14. Воронин, В.А. Храмовое и монастырское строительство в XIII–XVI вв. / В.А. Воронин // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко [и др.] ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О.Н. Левко. – Минск : Беларуская наука, 2012. – С. 437–444.
 15. Емельянчик, О.А. Антропологические исследования материалов погребений при Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке / О.А. Емельянчик // Беларуская Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III Міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г. : у 2 ч. / Пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача, А.І. Корсак. – Наваполацк : ПДУ, 2016. – Ч. 1. – С. 140–146.
 16. Полоцк. Археологические раскопки // Известия императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 52-му. – СПб. : Тип. гл. управ-я уделов, 1914. – С. 82–83.
 17. Беляев, Л.А. Усыпальница князей Хованских и Пожарских в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре: новый этап историко-археологических исследований / Л.А. Беляев // Исторические записки. – М., 2010. – Вып. 13 (131). – С. 307–323.
 18. Шокарев, С.Ю. Как формировались боярские усыпальницы Москвы: к постановке вопроса / С.Ю. Шокарев // Российская генеалогия. Науч. альм. – М., 2018. – Вып. 3. – С. 7–38.
 19. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д.У. Дук – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.
 20. Дэйніс, І.П. Полацкая даўніна / І.П. Дэйніс. – Мінск : Медисонт, 2007. – 330 с.
 21. Емялянчык, В.А. Вынікі антрапалагічнай экспертызы астэалагічных матэрыялаў з крыптаў Спаскай царквы Спаса-Евфрасінеўскага манастыра / В.А. Емялянчык // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2006. – Вып. 21. – С. 224–239.
 22. Емялянчык, В.А. Вынікі антрапалагічных даследаванняў на тэрыторыі Беларускага Падзвіння ў 1998–2008 гады / В.А. Емялянчык // Беларуская Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку) : зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20–21 лістап. 2008 г. / Пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2009. – С. 30–37.

Паступіў 29.12.2021

ПОГРЕБЕНИЯ СПАСО-ЕВФРОСИНИЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПОЛОЦКА

В.В. ЧЕРЕВКО

Погребения Спасо-Евфросиниевского монастыря занимают особое место среди погребальных памятников Полоцка. Погребения на этой территории существовали ещё до создания монастыря и связаны с погребальным храмом полоцких епископов. Археологические исследования последних лет позволяют высказать догадку, что Спасо-Преображенская церковь и прилегающая к ней территория использовались для погребения социальной элиты Полоцкой земли. Это соответствует высокому статусу Спасо-Евфросиниевского монастыря на протяжении столетий.

Ключевые слова: погребения, могильник, Полоцк, Спасо-Евфросиниевский монастырь.

BURIALS OF THE SAINT EUPHROSYNE MONASTERY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE POLOCK FUNERAL MONUMENTS

V. CHARAUKO

Among the funerary monuments of Polotsk, a special place is occupied by the churchyard of the Saint Euphrosyne monastery. Burials on this territory took place even before the creation of the monastery and are associated with the funeral church of the Polotsk bishops. Archaeological research in recent years suggests that the Spas church and the surrounding area were used to bury the social elite of Polotsk land. This corresponds to the high status that the Saint Euphrosyne monastery possessed for several centuries.

Keywords: burials, churchyard, Polotsk, Saint Euphrosyne monastery.

УДК 616.9 (476) «17»

**НАБЛЮДЕНИЯ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПОЛОЦКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВ КНИГИ ПОЛОЦКОГО МАГИСТРАТА ЗА 1676 г.)***д-р ист. наук, проф. Д.В. ДУК**(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Книга Полоцкого магистрата 1676 года описывает события возвращения Полоцка в состав ВКЛ и Речи Посполитой после войны 1654–1667 гг. Прошедшая война в значительной степени наложила отпечаток на повседневную жизнь города, многие городские территории были заброшены. В книге представлен ряд документов, связанных в той или иной степени с событиями прошедшей войны: это и бесчинства военных людей, и низкий моральный облик некоторых из них, и свидетельства пожарниц некогда развитых и богатых усадеб, и запустения садов и огородов на Заполотском и Кривцовом посадах, а также память про высылку ремесленных людей с их дорогостоящими инструментами и станками в столицу Московского царства. Вместе с тем очевидно, что жизнь в послевоенном Полоцке продолжалась в соответствии с «правом магдебургским» и законами развитого торгово-ремесленного центра ВКЛ.

Ключевые слова: *Книга Полоцкого магистрата, история Полоцка, магдебургское право, история повседневности.*

Введение. Материалы текущего документооборота Полоцка XVII в. наиболее полно сохранились в составе 5-актовых книг магистрата. Эти книги представлены в фонде 1823 «Полоцкий магистрат» Национального исторического архива Беларуси (далее – НИАБ). Книга Полоцкого магистрата 1676 года, воспроизведенная и обработанная Максимом Макаровым, Денисом Лисейчиковым и Андреем Латушкиным, под научной редакцией Томаша Кемпы, была опубликована в 2020 г. [11].

Книга Полоцкого магистрата 1676 г. описывает события по возвращению Полоцка в состав ВКЛ и Речи Посполитой после войны 1654–1667 гг. Прошедшая война в значительной степени наложила отпечаток на повседневную жизнь города, и в текстах документов неоднократно упоминается «спаление московское» города Полоцка¹. Многие городские пляцы «впусе лежали», особенно что касается периферийных территорий Великого посада в его северной и восточной частях. Некоторые пригородные поселения Полоцка, такие как Пшесмужки, еще не были настолько заметны в социально-экономической жизни города, как несколькими десятилетиями позже, а их жители еще не назывались полоцкими мещанами. В целом мы видим ряд дел, связанных в той или иной степени с событиями прошедшей войны: это и бесчинства военных людей, и низкий моральный облик некоторых из них, и свидетельства пожарниц некогда развитых и богатых усадеб, и запустения садов и огородов на Заполотском и Кривцовом посадах, и память про высылку ремесленных людей с их дорогостоящими инструментами и «варшта-тами» в столицу Московского царства. Вместе с тем очевидно, что жизнь в послевоенном Полоцке продолжалась в соответствии с «правом магдебургским» и законами развитого торгово-ремесленного центра ВКЛ.

Оговорим особенности воспроизведения фрагментов текста документов магистратской книги. При авторском переводе с польского, на котором написано подавляющее число документов, все встречающиеся термины в прямых цитатах нами выделены курсивом, выделенным терминам даны пояснения.

Топографические наблюдения. Упомянуты в Книге полоцкие замки – Верхний и Нижний, однако эти упоминания единичны и блекнут на фоне количества упоминаний посадской территории. Судя по записям, мещане и кушцы полоцкие по-прежнему предпочитали жить на правобережных посадах – Великом и Заполотском. Кривцовый левобережный посад по-прежнему имел статус «слободы Бельчицкой экономии полоцкой» [11, s. 497]. Великий посад был градообразующим и имел наиболее развитую уличную сеть: здесь располагалось порядка двух десятков улиц и заулков [6, с. 178]. Характерно также, что упоминание двора на Верхнем замке в книге встречается единожды, все упоминаемые дворы располагались на территории посадов, в том числе и на территории вблизи Верхнего замка: «на Подзамчице в месте Полоцком ... тылом к замку Вышнему Полоцкому, на котором *грунте* домик возвела своими собственными средствами» [11, s. 349].

В Книге упомянут ряд цвинтарей² на Великом посаде. Один из них – Вознесенский цвинтарь: «*грунт пустой* в самом месте Полоцком на улице Ильинской с одной стороны возле цвинтаря Вознесенского, а с другой возле дома пана Стефана Гавриловича, свечника» [11, s. 316]. Таким образом, Вознесенская церковь достоверно локализована вблизи улицы Ильинской на Великом посаде (по данным ревизии 1552 г. и инвентаря 1618 г. данная церковь упоминалась безотносительно топографической привязки «на улице на посаде» [6, с. 80–81]). Другой цвинтарь располагался при церкви Святого Ильи. В деле о продаже дома полоцкого бурмистра Даниэля Михневича указано: «продали дом со строением на полтора пляцах среди огородов, расположенный на улице Ильинской, с одной стороны пана Румянцевича дом, а с другой стороны *грунт* тых же панов Мишневичей прямо напротив

¹ Например: «той будынок на том *грунте* ... со всем местом Полоцким сожжен был ... во время войны московской» [11, s. 514].

² Цвинтарь – устоявшееся в Полоцке и городах ВКЛ название кладбища при церкви.

цвинтаря Ильи Святого, будынок с улицы изба белая с коморой³, с печью, с окнами большими остекленными и пекарней. На другой стороне гумно⁴, лазня⁵ и стайни⁶ две, и пивница⁷, огород один засеян овощами, а другой коноплей» [11, с. 298]. Церковь Святого Ильи также достоверно локализована вблизи улицы Ильинской на Великом посаде (как и Вознесенская церковь, по данным ревизии 1552 г. и инвентаря 1618 г. церковь Святого Ильи упоминалась безотносительно топографической привязки «на улице на посаде» [6, с. 80–81]). Третий цвинтарь упомянут при церкви Святого Покрова: «тут в месте Полоцком за парканом местским на улице Великой недалеко от цвинтаря Покрова Святого от улицы Великой до улицы Малой, которая напротив улицы Вознесенской идет от места» [11, с. 477]. Особо отметим, что здесь на текущий момент приведено самое раннее упоминание церкви Святого Покрова с обширным некрополем при ней. Данная церковь в перестроенном виде существует и поныне. Четвертый цвинтарь располагался на улице Рождественской: «грунт на улице Рождественской, идучи той улицей от цвинтаря Рождественского до улицы Великой в дол к жидовской школе и к реке Двине» [11, с. 454]. Данная запись весьма любопытна по ряду причин. Во-первых, здесь впервые в известных письменных источниках упомянута хорошо известная по документам XVIII в. улица Рождественская, которая вела вдоль Верхнего замка мимо бывшей церкви Рождества Христова⁸. Во-вторых, из записи следует, что кладбище по-прежнему функционировало и после разрушения церкви. В-третьих, довольно точная локализация позволяет соотнести улицу Рождественскую с трассой улицы, название которой в более ранних источниках не приводится и которая ранее на плане-реконструкции обозначена нами как улица без названия [6, с. 87, мал. 37]. И, наконец, упоминание расположения еврейской школы соответствует ее расположению по документам XVIII – XIX вв.

Улица Рождественская соприкасалась с Воскресенской: «полчетверти пляца грунта голого ... на улице названной Рождественской лежащий на рогу улицы Вознесенской» [11, с. 453].

Из записей Книги можно почерпнуть важное наблюдение, касаемо расположения улицы Спасской. Совершенно очевидно, что данная улица имела прямой выход к Нижнему замку, что позволяет восполнить топографическую лакуну в ее графической реконструкции на плане Полоцка XVII в.: «дом ... тут в месте Полоцком на улице Спасской тылом к Замку Нижнему близко к рынку местскому стоячий на чверти пляца построенный» [11, с. 178]. Впрочем, расположение улицы Спасской сохранилось в неизменном виде и в XVIII в., о чем свидетельствуют данные ревизии 1765 года.

Улица Ильинская имела переулочек, а улица Малая, которая предположительно вела вдоль бывшего парка Великого посада с востока, и граничила с огородами, располагалась напротив улицы Степановой: «два пляца огорода ... одной стороной к огороду славетного пана Андрея Кособуцкого, бурмистра полоцкого, прилежащие, а шириною от упомянутой улицы Выгонной аж до улочки Малой, которая идет напротив улицы Степановой» [11, с. 73, 117]. Эта же улица упоминается еще раз «от улицы Великой до улицы Малой, которая напротив улицы Вознесенской идет от места» [11, с. 478]. Таким образом, улица Малая действительно располагалась с внешней стороны вдоль парка и поворачивала напротив улицы Вознесенской в сторону от Полоцка. При этом улица Вознесенская упиралась в паркан и не имела «форты», как это показано на приведенном нами плане-реконструкции [6, мал. 37].

В книге упомянут район, вероятно, относящийся к Великому посаду, под названием «местность Куцуковского»: «грунту своего тут в месте Полоцком на вениу над рекою Двиною лежащего то есть в местности названной Куцуковского штaketником опаркованный⁹» [11, с. 236]. Упоминается и район Великого посада под названием «Плигавки», ранее нами ошибочно указанный на берегу реки Двины вблизи улицы Пробойной [6, мал. 37]. Очевидно, что данный район находился на северной периферии Великого посада: «грунту голого четверть пляца тут в месте Полоцком в Плиговках на самой последней улице названной Собачьей, с одной стороны возле грунта Василия Станиславовича Палахи, а с другой стороны на рогу заулка от той названной улицы Собачьей до реки Полоты» [11, с. 112]. Неблагозвучное название «последней» улицы полностью соответствовало периферийному расположению местности Плиговки. Улица Собачья действительно была последней, крайней к реке Полоте, улицей Великого посада. Эта улица находилась на северной его окраине и соединялась с рекой Полотой переулками, что красноречиво подтверждают и данные Полоцкого ревизии 1765 года, о чем речь пойдет ниже.

Бывший паркан как топографическая единица также присутствует в документах Книги: «пляц домовый от улицы Вознесенской аж до улицы Ильинской напротив паркана бывшего в самом месте лежащий», «грунт пляцов полтора за парканом бывшим и брамой Невельской недалеко от реки Полоты между рвами лежащий» [11, с. 97]. Посадский паркан фигурирует и в других документах книги: «огород мой тут в месте Полоцком за брамой Невельской за парканом на самом рогу улицы Выгонной Невельской ... в двух пляцах лежащий ... засеянный рожью» [11, с. 72].

³ В данном значении, вероятно, кладовая [9, с. 180].

⁴ Зернохранилище.

⁵ Баня.

⁶ Конюшня.

⁷ 1) пивоварня; 2) пивной подвал [9, с. 180].

⁸ Данная церковь хорошо известна археологам с XII века под условным названием «храм на рву», в XVI – третьей четверти XVII вв. именовалась Рождественской и была разрушена во время войны 1654 – 1667 гг. [6, с. 80].

⁹ Производная от названия «паркан» – обозначение посадских укреплений.

Заполотский посад имел свою уличную сеть, в XVII в. здесь располагались улицы Еглевинская, Заречная, Великая, Выгонная и Ермолов заулк [6, с. 178]. Помимо этого, посад имел и ряд переулков, которые не носили устоявшихся названий и в документах приходилось прибегать к нумерации: «четверть *пляца грунта голого домового* в запустении будучим в *месте Полоцком* в *Заполотье*, идучи от *реки Полоты* в *пятом переулке*, а идучи тем *переулком* до *Выгонной улицы* к *реке Двине*» [11, с. 290–291].

Территория вокруг Великого и Заполотского посадов была по-прежнему окружена полями и огородами: «сеножать на четыре *пляца* ... тут в *месте Полоцким* за *парканом* в поле лежащая, между *улицами*, которые идя за *рвом перекопом* за *парканом бывшим*, одна напротив *улицы Спасской*, а другая напротив *улицы Боровой*»; «*пляц* на *улице Батечковой* на *рогу*, а при нем *огород* на *пляце* за *парканом* и *брамой Невельской* между *огородами* и *пляцами* других *мещан полоцких*»; «пришли на *Заполотье* к *дому* ее ... и вышли прочь из *дома*, но встретили ее на *улице с поля* идущей» [11, с. 331, 342, 515].

Местечко Кабак на левом берегу Двины располагалось на восточной стороне Кривцового посада недалеко от Борисоглебского монастыря. Перевоз¹⁰ возле Кабака успешно функционировал и после войны 1654–1667 гг., о чем свидетельствует соответствующая запись: «тут в *месте Полоцком* за *рекою Двиною* на *Кобаку* на *венцу* лежащий, с одной стороны возле *грунта* покойного Тараса Кошицкого, а с другой стороны на *рогу* *улицы* от *перевоза реки Двины* до *горы* идучи расположенный» [11, с. 318]. В силу специфики послевоенного времени некоторые «грунты» традиционно сельскохозяйственного предместья Кабак-Бельчицы были заброшены: «*грунт голый* тут в *месте Полоцком* за *Двиною рекою* на *Кобаку* над *ручьём* лежащий» [11, с. 187].

Упомянута в Книге и местность Пшесмужка «близко под местом Полоцким», которая в начале XVIII в. неоднократно упоминается наравне с полоцкими посадами [11, с. 199, 202]. Данное предместье находилось сразу же за Покровской церковью и обширным цвинтарем при ней на правом берегу Двины, к востоку от Великого посада. Напротив Пшесмушек, ниже по течению, простирался Кривцов посад с местностью Кабак-Бельчицы.

Термин «пляц» является стандартным обозначением определенного участка земли в белорусском городе XVI–XVIII вв. Синонимичное значение термина – «грунт». Разница между ними, по нашему наблюдению, заключалась в том, что «пляц» обозначал, помимо прочего, конкретную величину надела, размер которого мы установим ниже по данным ревизии 1765 г. «Грунт» же, как и пляц, выступал в значении определенного места, территории, на которой расположено недвижимое имущество, сеножать, огород, сад, но безотносительно конкретной меры, размера надела, которые бы подразумевались а priori: «имел *грунты* ... один – *дворище*¹¹ свое, второй – в *ряду резником* в *рынку* в *месте Полоцком*» [11, с. 279]. При этом именно пляц был мерой стабильной и неизменной: «*грунту* ... *мера* есть *полчетверти пляца меры ратушной* *звыклой*¹²» [11, с. 111]. В отношении части пляца равный его половине применялся термин «*пляцек*» [11, с. 283].

Отдельно стоит отметить общеупотребимое полочанами название Полоцкого иезуитского коллегиума как «*колеюм полоцкий*» [11, с. 279].

Средства перемещения. Основным средством перемещения товаров по Двине оставались струги, о чем свидетельствуют запись: «идучи со *стругом* из *Риги* в *гору*» (против течения) [11, с. 294]. В стругах перевозили различные товары, в частности вино (транзит из Риги в Могилев) или пшеницу из Чашник (по рекам Улле и далее – по Двине) [11, с. 255]. Впервые из всего обработанного массива письменных документов в актовой книге 1676 г. находим упоминание парома как средства переправы на так называемых «перевозах» реки Двины, в частности, перевоза, который находился напротив Бельчицкой слободы (Кабака) [11, с. 256].

Объекты недвижимости, мебель. Главным объектом недвижимости являлся дом. В Книге встречаются множество описаний дома, его составных элементов, главными из которых были сени и комора: «и где просила нас в свой *дом*, отомкнув *сени* и *избу белую*» [11, с. 515]. Напомним, сени – это часть жилого помещения, прихожая; комора, в зависимости от контекста, могла означать отдельную комнату или кладовую, чулан; изба выступала в синонимичном значении термину «дом» [9, с. 172, 174–175]. Далее в цитируемых оригинальных текстах мы будем давать комментарии употребляемых контекстных значений. Так, «на *Вознесенской улице* на *рогу* на *заулке* стоящий на *двух частях* четверти *будынок*¹³, *изба* и *сени*, в *сенях* *коморка*¹⁴, *будынок* *новый*, *пивничка*¹⁵, «*домок*¹⁶ свой на *улице Невельской*» [9, с. 487, 503]. Встречен термин «*халупа*» в значении «*изба*», а также «*сви-рен*» в значении «*кладовая, часть дома*» [9, с. 176, 183; 11, с. 491, 501]. Так, в ходе следствия был опечатан свирен «с *вещами* и *товаром* ... , однако с того *свирина* *опечатанного* выбрано и через *крышу* вынесено *меду* ... и иного *разного имущества* *движимого* ... еще не инвентаризованного немало» [11, с. 491]. Редкий даже для довоенного Полоцка тип монументального строения из кирпича и камня под названием «*каменица*» также упомянут в Книге: «на *каменице* тут в *месте Полоцком* на *улице Великой* стоячей, которую держал в *немалом долгу* мне *обязанном* от покойного пана Петра Розчевского, бурмистра *полоцкого*» [11, с. 72].

¹⁰ Название места переправы через Двину с оборудованной инфраструктурой: подъездом, паромной или иной системой переправы.

¹¹ В данном случае под термином «дворище» надо понимать «усадебу» [9, с. 180].

¹² Обычной, устоявшейся.

¹³ В значении «любые постройки, строения вообще» [9, с. 167].

¹⁴ Маленькое помещение, кладовая.

¹⁵ Небольшой погреб для хранения хмельных напитков.

¹⁶ Небольшой дом.

Наиболее распространенным видом мебели и частью интерьера дома являлся стол. За столом сидели за едой, составляли документы [11, s. 321, 456, 507].

Большой интерес представляет детальное описание такого объекта недвижимости, как пивница. Приведем фрагмент документа осмотра остатков старой пивницы возле жилого дома полоцкого еврея Шмойлы Бенишовича полностью: «В том доме на подворье *яма* большая на постройку новой *пивницы*, выкопанная возле *грунта* его милости пана Лосовского, где и перед тем на том месте *пивница* была. После сгорания на том месте *дома* и *пивницы* виднелись недогоревшие *брусы пивницы* на участке, т.е. *стена продольная* с виду целая, а лежали те *брусы* возле *грунта* его милости пана Лосовского возле самой *межи*, а верхние *брусы* совсем сгорели и в уголь превратились. А затем они же ... измерили *шнуром* ширину его *дома* с *улицы Великой*, начав от угла и угля той старой *пивницы*, от *межи* и *грунта* Лосовского, *шнуром* аж до угла самого того *дома* до *заулка Францисканского* устроили обмер *грунта* под строением: на переход обратный оказалось ширина сажней семь и пяди три» [11, s. 312]. Таким образом, в зависимости от длины сажни (176 см или 188,125 см) и длины пяди (19 см или 23 см) ширина дома с учетом округления была от 13 м до 14 м [1, с. 478, 536]. Однако не исключено, и наиболее вероятно, что за основу надо принять применявшуюся издревле на Руси и в Московском царстве XVII в. простую сажень, равную 152 см [7, с. 86]. В таком случае получим размеры около 11 м.

Бровар¹⁷ упомянут единожды в контексте дела о краже: «тайным способом из *ниши бровара котел горелочный* ... взял» [11, s. 484]. Упомянута в Книге и «одрина»¹⁸ как временное жилье: «в *одрине*, где сам жил после пожара в *доме* своем, в которой *одрине* видели *скрыню* отбитую... в той *скрыне* были *пенязи золотых* триста и *ложек серебряных* восемь, ... *цыны*¹⁹ и *серебра* ломаного различных *вещицек*... *жита сжатого* в поле было двадцать *коп*, которые в ночи были взяты и к себе увезены, а *копа* каждая давала до *полубочки*» [11, s. 269].

Приведено в Книге и достаточно подробное описание обустройства ворот к мещанской усадьбе: «*место домовое* пол *пляца* лежачее на *венцу реки Двины*, *опаркованное* вокруг, с *большими воротами с форткой*²⁰, в *фортке* замок *нутряной* и с *завесой железной*, в середине возведен *зал с крыльцом*, а в *воротах* *гвозди большие железные побеленные* и *завесы железные*, в *огороде* том разные *посадки фруктовые* кроме *ярыны*²¹ *засеянной* и *пчел*» [11, s. 236].

Отдельные документы наиболее полно характеризуют обустройство городского рынка, который располагался на месте нынешней площади Свободы возле ратуши. Рынок был огорожен, имел несколько рядов, главным из которых был «ряд Великий». Вход в Великий ряд вел через большие ворота: «*полкрамы местской* в *ряде Великом* возле самых *ворот*» [11, s. 286]. Также по данным магистратской книги можно судить о размере отдельных торговых лавок: «тут, в *месте Полоцком*, в самом *рынке* в *ряду Великом крамном* расположенная ... тылом прилегающая к *крамам резницким*, а мера тех *крам* есть в ширину *половина шести локтей* без *полчетверти локтя*, а в длину *семь локтей* ровно» [11, s. 310]. Мету равную «в *половину шести*» можно рассматривать как 5,5 локтей, без *полчетверти* – соответственно 5,375 локтя (по аналогии с упоминанием в московских источниках «полтрети аршина» как равную 2,5 аршинам [Каменцева, 1975, с. 84]). Размер данной лавки был около 3,5 × 4,55 м (при длине локтя 0,6496788 м) [1, с. 218]. Согласно другому описанию: «*грунт крамный* в *ряде Великом крамном* в самом *рынке* шириною *локтей* в *половину шести*, а длиною *локтей* в *половину семи*, тылом прилегающий к *крамам гончарским*» [11, s. 310, 316]. Соответственно для расчетов мы имеем 5,5 и 6,5 локтей и получаем размер около 3,6 × 4,2 м. Третье описание гласит: «в *рынке* в *ряде Великом крамном* *вширь локтей* пять без *полчетверти*, в длину *локтей* семь без *трети локтя*» [11, s. 274]. В итоге размер был около 3,1 × 3,7 м. Четвертое описание: «обе *крамы* в *рынке* в *ряде Великом крамном* *вширь по пять локтей* без *полчетверти*, а в длину по *семь локтей* без *трети локтя*» [11, s. 158-159]. Размер лавок составлял около 3,1 × 4,3 м. Обе эти лавки были восстановлены после «сожжения во время *москвы*²² старого строения» [11, s. 159]. И, наконец, пятое: «в *рынке* в *месте Полоцком* ... место на постройку *крамы* занять *сажни* две в ширину на конце *локтей соляных* возле самой *форты широкой*²³ до *ряда крамного* идучи, а длиною должна быть как другие *крамы* тут построенные» [11, s. 479]. Взяв за основу простую сажень, равную 152 см, имеем ширину чуть более 3 м.

Таким образом, примерный стандартный размер лавок был в пределах от 3,1 × 3,7 м до 3,5 × 4,55 м, т.е. площадь лавок составляла от 11,5 до 16 м². Поэтому не случайно в отдельных документах указывался единый стандартизированный размер лавок: «*крама* в *рынке* в *ряде Великом крамном*, тылом прилегающая к *крамам гончарским*... лежащий тот *грунт крамный* длиною и шириною одинаково с теми же *крамами* *поплечными*» [11, s. 154].

Некоторые лавки именовались *ятками* и исполняли те же функции на торговом месте городского рынка: «дарит на вечность место *крамное*, где построил *краму*, другое место в *ятках сажни* полторы, где *Арефа резник* сидел, также два места *сажни* три за *крамами* пана Пауковича за *городской крамой* на конце самом; *огород*, что

¹⁷ Помещение, в котором производят алкогольные напитки [Марченко, 1964, с. 180].

¹⁸ Помещение для зерна и сена [9, с. 177].

¹⁹ Здесь – изделий из сплавов на основе меди.

²⁰ Калиткой.

²¹ Яровые культуры.

²² Во время владычества в Полоцке московского войска в ходе войны 1654-1667 гг.

²³ Широкие входные ворота.

на *Малой улице пол пляца*, где *сад* был, *пляц* целый *сеножати* возле *Святого Петра*» [11, s. 137]. Церковь Святого Петра в 1618 г. упоминается на Невельском предместье, вероятно, речь идет об одной и той же церкви [6, с. 81]. Размеры ятки в приведенном тексте составляют полторы сажни в длину, а размеры крам – три, соответственно. Если принять распространенные в ВКЛ малую сажень и рижскую маховую сажень за основу (188,125 см), то получим размеры ятки и лавки, равные 2,8 и 5,6 м, что превышает расчетные размеры ранее описанных в тексте лавок в длину, и тем более в ширину [1, с. 536]. Если принять бытовавшую издревле на Руси в Московском царстве XVII в. простую сажень, равную 152 см [7, с. 86], то получим размеры, близкие к ранее приведенным: 2,28 м (половина стандартизированной длины лавки) и 4,56 м (максимальная длина лавки). Таким образом, судя по размерам и контексту упоминаний ятки не являлись временным сооружением и соответствовали размерам торговых лавок в синонимичном значении с термином «крама»: «половину *крамы ятки* своей, которая *ятка* стоит в *рынку Полоцком*, возведена в *ряде резницком* между иными *ятками*» [11, s. 501].

Упоминание «локтей соляных» и «форты широкой» свидетельствует о внутреннем устройстве рынка. В документах приводилось и упоминание широких ворот к Великому крамному ряду, вполне вероятно, что «форты широкая» была вторым меньшим входом на рынок непосредственно вблизи соляных лавок. Также на рынке каждый ряд имел специализацию: гончарский, резницкий и иные.

Ремесленные профессии. В книге упомянуты бараночник, злотник, кожемяка, кравец, кузнец, мыловар, резник, рымарь, свечник, слесарь [11, s. 111, 114, 133, 137, 174, 225, 242, 271, 278, 279, 283, 289, 310, 316, 439, 452, 498, 502, 512, 514, 517, 587]. Упомянут *купец* полоцкий, который вел дела в Гданьске, а также «*крамник с товарами людскими*», который «к Риге со *стругом* отъехать должен» [11, s. 309, 313]. Отдельно упомянуты резницкий и гончарский цехи [11, s. 257, 271].

Домашняя живность и ассортимент выращиваемых растений. В жалобе полоцкого лавника Станислава Тишкевича на Павла Бишова фигурирует весь ассортимент выращиваемых на его огороде культур: «в огород натравил *быдло*²⁴ свое, стадом *капусту*, *огурцы*, *репу*, *лук* и иные *огородные культуры* и *овощи* вытравил и копытами вытоптал» [11, s. 581]. Пчелы, яровые культуры, рожь, посадки фруктовые, овощи, конопля, сеножати, сады [11, s. 72, 137, 236, 298]. Факты осуществления потрав также позволяют раскрыть детали обустройства сада и огорода: «*свиньи его домашние* вытравили его чести *овса* немало на четырех местах за *Двиною рекою* на *Кривцовом посаде* на *пляцах чиншовых* его чести принадлежавших и также на отдельном *огороде овощей* разных в *рядках посаженных*» [11, s. 358]. Домашние животные: свинья с двумя поросятами, три коровы (свиньи и коровы – в пределах разных «господ») [11, s. 369, 489].

Движимое имущество. Ассортимент полоцких лавок зависел от специализации: гончарной, резницкой, ковальской и проч. В одной из лавок были шпильки, перстенки, бусы, ткань, в том числе «случкие пояса». Ценное имущество хранилось в «*скрыне, окованной железом*, на *замке*, в длину один *локоть* и четверть, поперек три четверти *локтя*» (около 0,81 × 0,48 м) [11, s. 286–287]. Об ассортименте ценных вещей, хранящихся в свирне одного дома, позволяет судить следующая запись: «в том *доме* в *свирне*²⁵ ... напротив на *колке* у *стены* висячих *недорыски*²⁶ две, одна большая, а другая меньшая» [11, s. 489]. Помимо этого в свирне хранились «*мед, жупан*²⁷ *лазурный тканью подбитый* поношенный с *гузиками*²⁸ *медными плоскими*, *бочка соли*, *рукавиц верхних* пары три, *пята железная конская с ключом, безмен, жита*²⁹ один *короб большой* полный насыпанный, а другой *меньший* неполный, *пшеницы солянка* полная, ... *боты* одни с *пришитыми яловицами*³⁰ новыми, а другие *цельные из яловицы, бердыш походный*» [11, s. 489]. Обратим внимание, что в тексте отдельно упомянуты отремонтированные ботинки с подшитой подошвой из коровьей шкуры и новые, цельнокроенные поршни. Наиболее упоминаемыми объектами движимого наследия и имущества по-прежнему являлась «посуда цыновая», в частности, упоминаются серебряный кубок, ложки серебряные, «*мелочь разная серебряная* в немалом количестве» [11, s. 582, 589].

Хранилось ценное имущество в домах и лавках в специальных сундуках («*скрынях*»): «сама отомкнула *скрыню* и взяла *летник*³¹ старый свой *фалендышовый*³² *фиалковый*, ... на *красном фоне* *черные узоры*, уже поношенный, *вытертый*» [11, s. 300].

Ценнейшим движимым имуществом являлся ремесленный инструмент. Михалко Слесарь «*варитат*³³ слесарский *зачынишвал*³⁴» и был «спроважен» вместе с дургими ремесленниками «в столицу Московского цар-

²⁴ Домашний скот.

²⁵ Здесь – кладовая в доме.

²⁶ шкура рыси, не имеющая полноценного меха [10, с. 94].

²⁷ Полукафтан, род сюртука.

²⁸ Пуговицами.

²⁹ Ржи.

³⁰ Подошва из коровьей шкуры.

³¹ Легкая верхняя одежда.

³² Распространенное в ВКЛ название тонкого английского сукна.

³³ Здесь – слесарский станок, конструкция кузнечного станка описана выше в актовой книге 1656–1657 гг.

³⁴ Взял в ренту.

ства» и оставил тот «*варштан*» у шуринов своих – Василя и Семена Афанасьевичей Ковалей. Данное упоминание интересно еще и тем, что по нему можно проследить происхождение отдельных фамилий ремесленного люда по роду их занятий³⁵. Интересен также и тот факт, что слесарский варштан использовался представителями смежной профессии – кузнецами.

Быт и традиции. Упомянут в актовом документе «*жупан*»³⁶ для погребения тела его и для церемонии погребальной» [11, s. 300].

Про наличие устоявшейся купеческой традиции быть верным данному на словах обещанию красноречиво свидетельствует следующая запись: «для весомости досказав *цотливим*»³⁷ *словом купеческим* как *обычно между купцами заведено*» [11, s. 115].

Виды преступлений и их последствия. Социология и типология преступлений в Полоцке в XVII в. была предметом рассмотрения в работах В.В. Голубовича и автора [5, с. 31, 38; 3; 4, с. 155–175]. Де-юре в качестве преступников выступали практически все слои населения: мещане, шляхта, священники, солдаты, учащиеся. Средствами преступления являлись слово и оскорбление, обрядовые предметы и предметы «порчи» (в делах о «чародействе»), разнообразное оружие, бытовые предметы и подручные материалы и проч. [3, с. 155–175].

Тем не менее, актовая книга 1676 г. позволяет существенно расширить представления о средствах и видах преступлений, орудиях преступлений, а также условиях быта и материальных объектах в месте преступления. Так, во время жарких разборок один из акторов взял и выволок «за лоб» напарника, сидящего *за столом*, а после, «выволокши на подворье *киями* истолок, избил, измордовал» [11, s. 321]. Отметим, что такое орудие избияния, как *кий* является наиболее распространенным на Полотчине того времени, если судить по записям магистратской книги: в имении в Полоцком воеводстве под названием «Цветина Конашевщизны» (*Ćwiecina Konaszewszczyzny*) упомянут лежащий на кровати избитый «киями» пан Стефан Яковицкий [11, s. 322]. Не менее драматичными были «разборки» между представительницами женского пола: «пани Шантырова *кием* избила, *ножом* хотела прибить лежачую», упомянута и драка среди мужчин с использованием кия и топора, кия с обручем, а также кия с секирой [11, s. 345, 369, 579]. Впрочем, орудием избияния могло выступать любое подручное средство, например, полено [11, s. 578]. Не менее популярным в силу распространенности орудием «змордования» был топор: пан бурмистр в слободе Бельчицкой был «*избит, измордован обухами* и без малого *на смерть ... не убит*» [11, s. 256].

Грабежи также были нередким правонарушением. Так, струг, который пришел из Риги и направлялся с товаром в Могилев, пристал к берегу Двины в Полоцке и был «*гвалтовно*»³⁸ *пограблен*. В частности «пограблена» бочка вина мерою «четырнадцать *гарнецов*»³⁹. Объектами грабежей являлись и вполне конкретные личности. Так, шляхтич Самуэль Терейковский «имел свою необходимость на день *кирмашовый*»⁴⁰ в Полоцк приехать и остановиться «в *госпде*»⁴¹ *на местечке Якимани ... отцов иезуитов коллегіума полоцкого*» в доме мещанина экиманьского Михалки Чорного [11, s. 104]. В тот же день «справив свои дела на *рынке*, понакупив *начыння*»⁴² себе ночью к дому на Экимани возвращался, где «с *людьми пристойными* посиделки имел» [11, s. 104]. В ту же ночь Самуэль Терейковский был «пограблен» челядью пана Островского. Из «пограбленных вещей» названы следующие: конь с седлом и уздечкой, сабельные ножны, шапка «*фалендышева*»⁴³ бордовая лисьим мехом обшитая. Самого же шляхтича Терейковского «*киями, обухами* с чем кто мог *избили и измордовали*» [11, s. 104].

Из пригородных полоцких имений Коптево и Оходно (ныне деревни Коптево и Охотница) «*жито пожавши и пограбивши* и на *возы* поклавши к *дому* своему в *месте Полоцком на Заполотье* спровадили. Одно *жито* на *стадоле*»⁴⁴, а другое в *гумно*»⁴⁵ *в скирды* сложил» [11, s. 567]. Как следует из текста, на Заполотском посаде имелись специализированные сельскохозяйственные строения – гумна и столоды.

Наконец, объектом грабежей были денежные средства, поступившие в результате сбора налогов: «*налоги сплава водного* собирал ... на *положенном месте* на *улице Великой* в *Полоцке* в своей *госпде*»⁴⁶ ..., где *стругов витебских* ... для отправления ... немало собралось, *пенязи* на предмет наличия на *столе* отсчитывали, а через *ворота* открытые, где *товары купеческие* располагались ... под *самыми окнами* той *избы*, где *купцов* отправляли, тотчас приложив *ружья* к *окнам* *окна* *повыстреливали*» [11, s. 412]. В итоге людей избивали, «измордовали» и пенязи «пограбили».

³⁵ Аналогично происхождение иных фамилии мещан от рода занятий, например, Иван Иванович Мыдляр [11, s. 498].

³⁶ Жупан – верхняя одежда, род сюртука.

³⁷ Чистым, непорочным.

³⁸ Против воли, насильственно.

³⁹ Гарнец – мера емкости жидкости и сыпучих веществ [1, с. 513].

⁴⁰ Ярморочный.

⁴¹ Здесь слово «господа» употребляется в смысле «гостиница», «временное жилье» [9, с. 172].

⁴² Вещей, мелких товаров.

⁴³ Суконную.

⁴⁴ Постройка при гумне [9, с. 185], в данном документе – постройка для сушки сена, зернового хлеба.

⁴⁵ Здесь – помещение для молотбы, ток.

⁴⁶ В данном значении термин употребляется как «домохозяйство».

Объектами кражи из торговых объектов на городском рынке являлись разнообразные вещи. Осуществлялись кражи нередко спланированным способом с масштабными последствиями (вынос всего товара или его части), а также спонтанно, например, путем хищения какой-либо определенной вещи. Расследования масштабных хищений позволяет нам воссоздать полную картину ассортимента торговых объектов и, что немаловажно, их обустройства. Так, торговые объекты в Полоцке XVII в. именовались *крамами* (лавками). Кражи осуществлялись разнообразными способами: «с утра пришедши к *краме рукавицы* ухватил, а *укравши* из *крамы* выбежал». Крамник, увидев кражу, выбежал за вором, прося «гвалту не чинить» и «рукавицы вернуть», последний отрицал вину и обвинял крамника, что тот его напрасно «*срамотил*» и «гнался за ним как за *гультаем*⁴⁷ каким-нибудь» [11, с. 314–315].

«*Срамотить*» (в значении «оскорблять») полочане могли друг друга «*словами брыдкими*», при этом нередко угрожая «*убить насмерть*» [11, с. 285]. Также оскорбительными ругательствами были такие, как «*посылать к матери*», называть «*неучтивым сыном матери*», применять «*лжение словами неучтивыми*» и «*иными словами брыдкими корчемными титуловать*» [11, с. 281, 565, 589]. Наряду со «словами брыдкими» не менее оскорбительными были и некоторые жесты: «и всех вас, панов радных, за *блаженных* принимал, за *смердов*, *фиги* каждому выставил» [11, с. 565].

Некоторые преступления могут вполне лечь в основу сценария художественного фильма. Так, «челядь военная», будучи «сильно на подпитку» устроила стрельбу и убила невинного человека – студента полоцкого иезуитского коллегияма Андрея Юткевича. Трагедии предшествовало застолье в «*доме шинковым*»⁴⁸ полоцкого мещанина Афанасия Клыпы, где уже бывшие в нетрезвом виде солдаты заказали два гарнца пива и приказали еврею Зеликову играть на скрипке. Также солдаты потребовали, чтобы к ним «для танцев» пришла дочь хозяина заведения, на что Клыпа ответил: «*маю дочь свою не для танцев, а для помощи в хозяйстве, к тому же у меня дочь в летах недорослых*⁴⁹» [11, с. 247]. После данного заявления в доме начался пьяный дебош, Клыпа с женой и дочерью был вынужден скрыться в пивнице⁵⁰. Обстоятельства бегства Клыпы раскрывают особенности обустройства двора и помещений мещанской усадьбы – вначале он «открыл через *оконце* первую в *сенях* *дверь*, а после и в *коморе* в *сенях*» [11, с. 248]. В данном случае комора в сенях – это маленькое помещение, сродни чулану, в котором Клыпа с женой и дочерью закрылся изнутри. При этом в доме остался мальчик-подросток, родственник Афанасия Клыпы для разноса пива, которого изрядно выпившие солдаты заставили танцевать с ними вместо сбежавшей дочки хозяина. Исчезновение дочери и самого хозяина вскоре стало очевидным и солдаты ринулись искать пропажу, для чего полезли в комору и стали криком звать хозяина. Не обнаружив хозяина, челядь вывалилась на улицу и устроила стрельбу, в результате которой погиб случайный прохожий.

Упоминание функционального назначения коморы находим и в иных документах Книги: «*коморы полоцкой на улице Великой дома в Полоцке* стоящего... В *избе* *окно* *стеклянное* *повыстрелено*, *две пули* в *стене* *коморы*, *на крыльце* в *доске* *также* *пуля* *одна*, в *воротах* *больших* *въездных* к *тому* *дому* *пули* *две* и *саблями* *сечеными*» [11, с. 418].

Во дворе Березово Полоцкого воеводства, что располагался на Невельском тракте, злодеи «отбили замки к *свирам*⁵¹, а после к *скрыням* добравшись выняли *шкатулы* *скрынные*⁵², забрали *пенези* *червонные*, *злотые* и *копейки*, *перлы*⁵³, *перстни* и *мелочи* *золотой*, *серебра* *разного*, *сукенки*⁵⁴» [11, с. 583].

Отдельно упомянем вид экономического преступления, связанного с невыполнением цехового устава. Как следует из жалобы резницкого цеха на члена корпорации Кондрата Глинку, тот покупал домашний скот тайным способом «у *прасел*⁵⁵, по *домам* и *господам*⁵⁶», а не на рынке и «не в *торгу*, как по *уставу*⁵⁷ и *обычаю*⁵⁸» [11, с. 271].

И, конечно, нельзя обойти стороной такое специфическое правонарушение, как чародейство, характерное для средневековой эпохи и эпохи Раннего Нового времени: «*дед* и *баба* *чародейством* до *тяжкого* *нездоровья* довели» [11, с. 484].

Последствия преступлений, помимо прочего, вели прямой дорогой к заточению в тюрьме. По записям Книги известно, что после войны городская тюрьма располагалась на Верхнем замке, тогда как уже в 1683 г. турма была при ратуше [5, с. 43]. Документы Книги 1676 г. представляют любопытные сведения о данном заведении на основании «осмотра *турмы* в *замке* *Вышнем* *полоцком* *мурованной* *стоящей*» [11, с. 442]. В тюрьме

⁴⁷ Гультай – уничижительное название бедной части населения белорусских городов в XVI – XVIII вв. [8, с. 58–60].

⁴⁸ Т.е. в корчме.

⁴⁹ Несовершеннолетних.

⁵⁰ Здесь – погреб для хранения хмельных напитков.

⁵¹ Здесь – кладовая, чулан.

⁵² Часто упоминаемая в полоцких документах XVI–XVIII вв. шкатулка для украшений из цветных металлов, как правило, бронзовых, серебряных и золотых, хранилась, как правило, в больших «*скрынях* *скарбовых*», реконструкция размера одной такой большой «скрыни» нами приведена выше.

⁵³ Жемчуга.

⁵⁴ Женские платья.

⁵⁵ В значении «у стен».

⁵⁶ Господа – здесь данный термин означает «хозяйство» [9, с. 172], поскольку термин «дом» в значении «жилище» в документе назван первым.

⁵⁷ Цеховой устав.

⁵⁸ Традиционное право.

«видели мы *двери* выломанные, *защепки* разбитые, *замки* на тех *защепках* и *пробои* *обухами* битые, *завеса* *большая* при тех *пробоях* сломана» [11, s. 442]. Охрану тюрьмы несли пушкари Верхнего замка, а само здание тюрьмы было «мурованым», т.е. из кирпича и камня. В результате выяснения обстоятельств нападения на тюрьму выяснилось, что одного из узников «*шкодника* пана Павловского» ночью «на себе вынесли *спешным бегом* не открывая *брамы*, которая *завесой* замкнута была, в *замок* ведущей от *Двины* через *фортку* ... сами к *фортке* около *вала* побежали» [11, s. 442].

Таким образом, можно понять, что тюрьма располагалась недалеко от вала Верхнего замка со стороны реки Двины, что помимо «большой брамы» в стене замка была «фортка», которой и воспользовались похитители. Данная «фортка», согласно еще одной записи, также была заперта: «*выломав фортку от Двины реки тайно к Замку Вышнему Полоцкому* ... напали молча на *замковую стражу* при *браме въездной замковой*» [11, s. 440].

Заключение. Информация о повседневной жизни населения Полоцка, полученная из Книги 1676 года, весьма обширна, и касается различных ее аспектов. Выделим главные.

Несомненный интерес представляют топографические наблюдения. Так, Свято-Покровская церковь, неоднократно перестроенная и сохранившаяся до наших дней, впервые упомянута вместе с обширным некрополем при ней. Локализована Вознесенская церковь и церковь Святого Ильи вблизи улицы Ильинской на Великом посаде, при церквях упомянуты обширные некрополи. Впервые упомянута улица Рождественская при церкви Рождества Христова, при этом церковь к моменту упоминания была уже разрушена, а улица получила соответствующее название. Улица Спасская имела выход к Нижнему замку, а улица Малая достоверно локализована с внешней стороны вдоль парка. Сам же паркан находился на краю оборонительного рва и вала и, хотя и являлся уже «бывшим», тем не менее, по-прежнему служил маркером границы города, за которым уже располагались огороды и выпасы. Район Великого посада под названием «Плиговки» можно уверенно локализовать на северной его окраине.

Синонимичным значением термина «пляц» был «грунт». Разница между ними, по нашему наблюдению, заключалась в том, что «пляц» обозначал, помимо прочего, конкретную величину надела. «Грунт» же выступал в значении конкретного места, на котором расположено недвижимое имущество, сеножать, огород, сад. При этом именно пляц был мерой стабильной и неизменной, «*мерой ратушиной звыклой*».

Впервые из обработанного массива письменных документов в актовой книге 1676 года находим упоминание парома как средства переправы на так называемых перевозах реки Двины.

Отдельные документы наиболее полно характеризуют обустройство городского рынка, который располагался на месте нынешней площади Свободы, возле ратуши. Рынок был огорожен, имел несколько рядов, главным из которых был «ряд Великий». Вход в Великий ряд вел через большие ворота. Также по данным магистратской книги можно судить о размере отдельных торговых лавок. примерный стандартный размер лавок был в пределах от 3,1 × 3,7 м до 3,5 × 4,55 м, т.е. площадь лавок составляла от 11,5 до 16 м². Поэтому не случайно в отдельных документах указывался единый стандартизированный размер лавок. Некоторые лавки именовались ятками и исполняли те же функции на торговом месте городского рынка. Упоминание «локтей соляных» и «форты широкой» свидетельствует о внутреннем устройстве рынка. В документах приводилось и упоминание широких ворот к Великому крамному ряду, вполне вероятно, что «форты широкая» была вторым меньшим входом на рынок непосредственно вблизи соляных лавок.

В Книге упомянуты ремесленные профессии: бараночник, злотник, кожемяка, кравец, кузнец, мыловар, резник, рымар, свечник, слесарь. Отдельно упомянуты резницкий и гончарский цехи. Изобилует книга упоминаниями садовых культур и домашних животных. Полочане выращивали различные культуры как в поле на наделах, так и на грядках вблизи домов в городской черте. Богата книга на описание недвижимого имущества, среди последнего ценнейшим являлся ремесленный инструмент, дорогие вещи из драгоценных металлов и так называемой цыны (сплавов на основе меди). И, наконец, книга изобилует документами о криминальных делах, благодаря которым мы можем воссоздать детальную картину отдельных аспектов жизни полочан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вялікае Княства Літоўскае : энцыкл. У 2 т. – Т. 1: Абаленскі – Кадэццыя / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2005. – 688 с.
2. Вялікае Княства Літоўскае : энцыкл. У 2 т. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006. – 792 с.
3. Галубовіч, В.У. *Miscellanea historica polocensia = Даследаванні па гісторыі Полаччыны XII – XVII стст.* / В.У. Галубовіч. – Гродна : ГДАУ, 2014. – 224 с.
4. Галубовіч, В.У. *Злачынцы ў Полацку, альбо да сацыялогіі і тыпалогіі злачыннасці ў другой трэці XVII ст.* / В.У. Галубовіч // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнар. навук. канф., Полацк, 1–3 ліст. 2012 г.* : у 2 ч. – Полацк : НППКМЗ, 2013. – Ч. 1. – С. 94–107.
5. Дук, Д.У. *Полацк XVI – XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада* / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2007. – 268 с.
6. Дук, Д.У. *Полацк і палачане (IX – XVIII стст.)* / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.
7. Каменцева, Е.И. *Русская метрология : учеб. пособие* / Е.И. Каменцева, Н.В. Устюгов. – Изд. 2-е. – М. : Высш. шк., 1975. – 328 с.
8. Копыцкий, З.Ю. *Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в.* / З.Ю. Копыцкий. – Минск : Наука и техника, 1966. – 227 с.

9. Марченко, Е. Из истории бытовой лексики в белорусском языке (на материале деловых памятников Великого княжества Литовского 15-16 вв.) / Е. Марченко // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai: Kalbotyra. – 1964 – Jilid X. – S. 167–192.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 11. – М. : Наука, 1986. – 456 с.
11. Księga magistratu miasta Połocka z 1676 roku / opracowali Maksim Makarau, Dzianis Liseichykau, Andrei Latushkin / red. Tomasz Kempa. – Toruń : Wydawnictwo naukowe Uniwersitetu Nikołaja Kopernika, 2020. – 679 s.

Поступила 28.10.2021

**OBSERVATIONS ON THE EVERYDAY LIFE OF POLOTSK
(ACCORDING TO THE MATERIALS OF POLOTSK MAGISTRATE'S BOOK OF ACTS FOR 1676)**

D. DUK

The book of the Polotsk Magistrate of 1676 describes the events of the return of Polotsk to the Polish – Lithuanian Commonwealth after the war of 1654 – 1667. The last war largely left its mark on the daily life of the city, many urban areas were abandoned. The book presents a number of documents related to the events of the last war to one degree or another: these are the outrages of military men, and the low moral character of some of them, and evidence of the fires of once developed and rich estates, and the desolation of gardens and vegetable gardens in Zapolotsky and Krivtsovo posad, as well as the memory of the expulsion of artisan people with their expensive tools and machines to the capital of the Moscow Kingdom. At the same time, it is obvious that life in post-war Polotsk continued in accordance with the "Magdeburg law" and the laws of the developed trade and craft center INCL.

Keywords: *The book of the Polotsk magistrate, the history of Polotsk, Magdeburg law, the history of everyday life.*

УДК 902.01+780.6+7.033(476.5-21)

**МУЗЫЧНАЯ КУЛЬТУРА ПОЛАЦКА XI – XIX стст.
(ПА МАТЭРЫЯЛАХ АРХЕАЛАГІЧНЫХ РАСКОПАК)¹****А.Л. КОЦ***(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

Старажытная музычная культура Полацка з'яўляецца неадаследаванай тэмай у айчынай гістарычнай навуцы. Мэтанакіраваныя археалагічныя даследаванні ў азначанай галіне амаль што не праводзіліся, а колькасць археалагічных знаходак, якія падвярджаюць распаўсюджанне музычных інструментаў, дастаткова вялікая. Таксама выяўлены артэфекты з малюнкамі музыкаў. Унікальнай знаходкай з'яўляецца фрагмент старажытнай цэгля (плінфы) з выявай музыкаў. Выява не толькі падае інфармацыю аб музычных інструментах, але і аб шэрагу дэталей: адзенне, абутак, кампазіцыйнае размяшчэнне і інш. Артэфекты перыяду XVI – XIX стст. таксама выяўлены ў вялікай колькасці. Найбольш частай знаходкай з'яўляюцца керамічныя свістулькі. У 2020 г. адноўленая традыцыя вырабу свістулёк была ўнесена ў спіс нематэрыяльных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь.

Ключавыя словы: *Полацк, археалагічныя даследаванні, музычная культура, музычны інструмент, гуслі, плінфа.*

Уводзіны. Сёння старажытная музычная культура – вельмі актуальная тэма для сучаснага грамадства. Вядзецца актыўная праца па вывучэнні этнаграфічных крыніц, апытанні інфармантаў і пошуку пісьмовых крыніц. Археалагічная навука ў гэтым нікірунку пасуе, бо яе задачай з'яўляецца ў першую чаргу вывучэнне матэрыяльнай культуры, а раскрыццё духоўнай культуры сягае толькі праз канкрэтны рэчавы матэрыял. Тым не менш, шэраг археалагічных знаходак удакладняе і паглыбляе нашыя веды аб духоўным складзе нашых продкаў. Асобныя археалагічныя артэфекты дазваляюць удакладніць розныя моманты, звязаныя пераважна з музычнымі інструментамі. Варта адзначыць, што гэта могуць быць і выявы (малюнкі) на археалагічных знаходках ці аб'ёмныя скульптуры. Мэтай артыкула з'яўляецца характарыстыка археалагічных знаходак, знойдзеных падчас раскопак старажытнага Полацка, якія дазваляюць характарызаваць музычную культуру горада.

У першую чаргу музычную культуру вызначаюць музычныя інструменты. Іх пераважная большасць выраблялася з дрэва. Як вядома, у Полацку дрэва вельмі дрэнна захоўваецца, нават у параўнанні з іншымі беларускімі гарадамі (Віцебск, Мінск, Навагрудак, Брэст-Берасце). Культурны пласт Полацка, які спрыяльна захоўвае драўніну і арганічныя рэчывы, сфарміраваўся на тэрыторыі Верхняга замка, Вялікага пасада і эпізадычна ў іншых асобных частках горада. Але знаходкі з дрэва, якія можна атаясамліваць з музычнымі інструментамі, нам не вядомыя, таму ў Полацку пераважная большасць музычных інструментаў, іх часткі або дэталі, зроблены з каляровых металаў, жалеза, косці або керамікі.

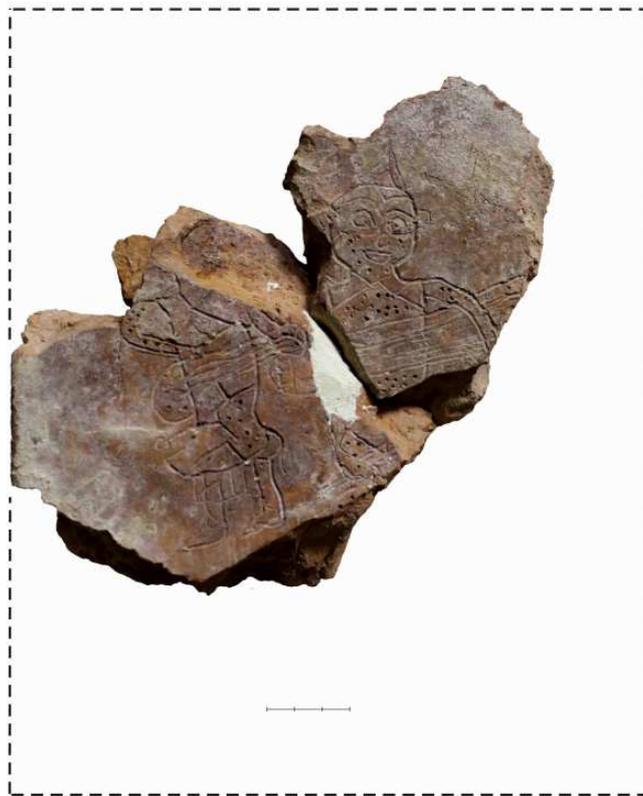
Асноўная частка. Як асобны від музычных інструментаў выступаюць бразготкі. Адно з іх маглі выкарыстоўвацца як прывескі да адзення [1, с. 67, 225], іншыя маглі ўваходзіць у камплект музычных паграмушак [13, с. 68]. Вялікага памеру шархуны маглі выкарыстоўвацца для аздаблення конскай вупражы. Адна вялікая бразготка была знойдзена падчас раскопак на тэрыторыі Ніжняга замка ў 2014 г. Яна зроблена са свінцова-алавяністага сплаву з дабаўленнем медзі і па поясе арнаментавана пяццю лініямі арнаменту, а ў ніжняй частцы нанесены рыскі. [5, с. 41]. У Полацку выяўлена вялікая колькасць бразготак, якія маглі з'яўляцца часткай касцюма або дэталі музычнага інструмента. Можна вылучыць некалькі памераў (ад 0,5 да 1,5 см у дыяметры) з крыжападобнай або лінейнай проразію. У нутро ўстаўляўся шарык, які пры раскальхванні падаваў гук. Распаўсюджаны яны былі ў XI – XV стст. і вырабляліся з каляровых металаў шляхам ціснення або маглі быць літымі. Падчас даследаванняў ювелірнага майстэрні на Запалоцкім пасадзе была выяўлена пласціна з круглымі адтулінамі [11]. Можна меркаваць, што яна з'яўляецца адыходам вытворчасці: з яе высякалі круглыя пласцінкі, якія потым рабілі пукатымі і з дзвюх такіх палавінак спайвалі цэлы шарык з проразію.

У Полацку былі выяўлены касцяныя калочки, якія досыць умоўна можна аднесці да струнатрымальнікаў. Адзін невялікі калочак уяўляе сабой цыліндр, які зроблены ахайна, адзін канец завостаны, другі фігурна завершаны. Даўжыня артэфекта 6,2 см, дыяметр у сячэнні 0,7 см. Падобная знаходка выяўлена ў Мінску і датуецца XIV – XVIII стст. [9, с. 24]. Яшчэ адзін касцяны калочак, які Д.У. Дук вызначае як дэталю ад струннага музычнага інструмента, з'яўляецца пад'ёмным матэрыялам і паходзіць з даследаванняў 2006 г. на Запалоцкім пасадзе (з пляцоўкі на заходняй ўскраіне помніка). Яго даўжыня 3 см. Даследчык не падае даты дадзенага артэфекта. [4, с. 24, 40]. У заходняй частцы Запалоцкага пасада актыўная фаза жыццядзейнасці людзей прыпадае на XI – XII стст., потым забудова тут магла сфарміравацца эпізадычна, як фальваркавая. Прынамсі, яскравага культурнага пласта, які мог бы сфарміравацца пасля XII ст., тут не вызначана. Таму, з пэўнай доляй сумнення, калок можна аднесці да старажытнарускага перыяду. Пры гэтым варта заўважыць, што захаванасць вырабаў з косці, як і саміх костак жывёл, на дадзеным помніку вельмі дрэнная.

¹ Работа выканана ў межах Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021 – 2025 гг. (навукова-даследчыцкая праца «Гаспадарка, культурныя традыцыі і насельніцтва Полацка і Полацкага Падзвіння ў эпоху станаўлення і развіцця гістарычных форм беларускай дзяржаўнасці ў IX – XVIII стст.»).

Свісцёлкі часта вырабляліся з трубчатых костак, найперш птушыных. У Полацку выяўлены тры такія артэфакты. Адна з іх паходзіць з раскопак на Верхнім замку ў 1959 г. Даўжыня трубачкі 7,7 см пры дыяметры 1 – 1,2 см. З аднаго боку маецца пашырэнне. У верхняй частцы музычнага інструмента маецца невялікая адтуліна. Яшчэ адна знаходка з Верхняга замка вельмі тонкай работы. Тонкая трубачка даўжынёю 8,2 см пры дыяметры 0,6 см. У верхняй частцы зроблена невялікая адтуліна. Канцы трубачкі аздоблены геаметрычна-лінейным арнаментам. Падобны на свістульку музычны інструмент знойдзены на Вялікім пасадзе ў 2001 г. Даўжыня захаванай часткі 6,5 см пры дыяметры 1,7 – 1,8 см. Усе азначаныя знаходкі датуюцца XII – XIII стст. [12, с. 93–94].

Таксама, цікавая выява духавога інструмента адлюстравана на графіці Спаса-Праабражэнскага храма ў Полацку. Гэта выява дудара, якая знаходзіцца на паўднёвай сцяне ахвярніка, справа ад ўвахода ў алтар [8, с. 149, 267]. Абрывы чалавека прадрапаны ўмоўна, пазначэнне ног адсутнічае. У роце ён трымае ражок, які верагодна прызначаўся для падачы гука. Дакладны кантэкст дадзенай выявы не вызначаны. Магчыма, ён прымеркаваны да святкавання Купалля, бо выява нанесена паверх надпіса пра Купальны тыдзень. Выява музыкі не мае дакладнай датыроўкі². Падчас раскопак паўночнай галерэі Спаса-Праабражэнскага храма ў 2020 г. было знойдзена два фрагменты адной плінфы (старажытнай цэгля) з выявай двух музыкаў на пастэлі (малюнак). Малюнак зроблены па сырой гліне, т.е. калі яна была ўкладзена ў форму, але яшчэ не паспела высохнуць. Дадзеныя два фрагменты паміж сабою маюць памежны палом і таму выяву двух чалавек можна рэканструяваць у адну кампазіцыю.

Малюнак. – Рэканструкцыя памераў плінфы з выявай музыкаў

У старажытнарускі перыяд храмы будавалі з тонкай цэгля і ў навуцы яна атрымала назву плінфа. Плінфа, якая выкарыстоўвалася пры будаўніцтве Спаса-Праабражэнскага храма ў сярэднім мае памер 27,5 – 29,5 × 22,5 – 24,5 × 3 – 4 см. Для вырабу плінфы выкарытоўвалі раз'ёмную і нераз'ёмную формы. У Полацку на ўсіх помніках XI–XII стст. зафіксавана выкарыстанне раз'ёмнай формы. Гэта значыць, што дошкі ад формы раздымаліся на бакі. У такім выпадку на бакавых паверхнях фіксуюцца рэльефныя знакі і закраіны. Пастэль (верхняя паверхня) загладжвалася дошкай. У форме плінфа падсыхала, а потым яе вымалі і дасушвалі на адкрытым паветры. Відавочна, калі плінфа была яшчэ не высохшая, то на яе пастэль быў нанесены малюнак музыкаў. З малюнкам яна дасохла і патрапіла ў печ для абпалу, а потым – у кладку сцяны паўночнай галерэі. Пасля разбурэння галерэй, фрагменты дадзенай плінфы патрапілі ў слой будаўнічага смецця і ўжо адтуль былі выяўлены падчас археалагічных раскопак.

Традыцыя наносіць розныя малюнкi па вільготнай гліне плінфы была шырока распаўсюджанай. Археалагічныя і архітэктурныя даследаванні паказваюць, што гэта вельмі прыдатны матэрыял і яго актыўна выкарыстоўвалі для пісьма ці малявання на будаўнічай пляцоўцы. Так, падчас раскопак Спаса-Праабражэнскай царквы

² Выказваю шчырую падзяку кандыдату гістарычных навук, дацэнту кафедры агульнай гісторыі і метадыкі выкладання гісторыі БДПУ імя М. Танка І.Л. Калечыц за прадастаўленую інфармацыю.

вияўлена плінфа, разлінаваная нахштальт табліцы. Магчыма, гэта часовая дошка для настольнай гульні. Цікавая выява фрагмента пояса ў выглядзе пляцёнкі (абедзве знаходкі 2017 г.). Сустрэкаюцца розныя фрагменты ліній, нанесеных па сырой гліне [6]. Самай унікальнай знаходкай з’яўляецца фрагмент плінфы з чарцяжом храма-пахавальні на тэрыторыі Спаса-Еўфрасіньеўскага манастыра (знаходка 2017 г.) [6]. Плінфа з выявай музыкаў таксама адносіцца да катэрогіі ўнікальным артэфактаў.

Малюнак зроблены схематычна, з рэалістычнай прамалёўкай дэталей. Абодва музыкі на ўзроўні жывата трымаюць струнныя інструменты. Аналіз і пошук аналогій дазволілі папярэдне вызначыць, што гэта маглі быць гуслі, якія не маюць ігравога вакна. На правай выяве зафіксавана, што чалавек трымае інструмент левай рукой. Па левай выяве можна вызначыць, што чалавек іграе на інструменце правай рукой, а, магчыма, і двюма рукамі. У такім выпадку гуслі маглі падвешвацца поясам на плечы ці шыю. У музычным інструменце музыкі з правага боку налічваецца 6 струн. У левага – не больш трох. Такая розніца ў колькасці струн, асабліва ў левага музыкі, можа тлумачыцца іх схематычным пазначэннем. На наш погляд, адметнымі з’яўляюцца канцы музычных інструментаў. Відавочна, што яны маюць паўкруглае завяршэнне, што надае прадмету пэўную форму.

Дадзеная выява дазваляе рэканструяваць элементы адзення старажытнарускага перыяду. У аднаго з музыकाў на галаве апранута шапачка, кшталту калпачка. Верагодней за ўсё, што падобны галаўны ўбор характэрны для прадстаўнікоў забаўляльнай культуры – скамарохаў. Такім чынам і ўвесь касцюм папярэдне можна характарызаваць як касцюм скамароха. Адпаведным чынам аформлена адзенне, якое пакрывае плечы аднаго чалавечка. Вялікую цікавасць выклікаюць кропкі, якія пастаўлены ў розных частках на целе музыкаў і на музычных інструментах. Вызначыць іх прызначэнне, пакуль што, немагчыма.

Распаўсюджанасць гусяў на тэрыторыі Усходняй Еўропы грунтоўна даследавала Ф.Д. Гурэвіч. У старажытнарускім і заходнееўрапейскім мастацтве выявы музыкаў з вертыкальнапастаўленым струнным інструментам, часцей прамакутнай ці трапецыйпадобнай формы, шырока распаўсюджаны. [2, с. 278–280]. А вось выявы музыкаў з інструментам, пакладзеным гарызантальна, адзіночныя. Апошнія знойдзены на пласцінаквых бранзалетах з Кіеўскага і Стараразанскага скарбаў. У адным варыянце абодва датуюцца XII – XIII стст. [13, с. 72], у другім – XIII ст., але дакладнага вызначэння няма. Большасць даследчыкаў схільны меркаваць, што гэта шчыпковыя гуслі. Паветкін пазначае, што гуслі без ігравога вакна вядомы на Русі з XII ст. [13, с. 72]. Таксама, падчас раскопак старажытнага Гданьска, у пласце XII ст. была знойдзена дошка ад пяціструнных гусяў без ігравога вакна [19, с. 102–104]. Полацкую знаходку можна датаваць першай паловай – сярэдзінай XII ст. Відавочна, што выбар плінфы з’яўляецца часткай будаўнічага працэсу Спасакага храма. Існуе дзве версіі ўзвядзення царквы: адна вызначае перыяд будаўніцтва ў межах канца 1120 – 1130-х гг. [18], другая прыпадае на 1150-я – 1161 г. [16]. Гэтым жа перыядам мы можам прадаставаць і выяву музыкаў. Такім чынам, на аснове полацкай знаходкі мы маем схільнасць да больш старажытнай датыроўкі з’яўлення гусяў без ігравога вакна на тэрыторыі Усходняй Еўропы: першая палова – сярэдзіна XII ст.

Таксама, ў Полацку знойдзена не менш 5 варганаў. Яны вырабляліся з жалеза ў форме падкоўкі з падоўжанымі прамымі канцамі і спружынным язычком паміж імі. Знаходкі лакалізуюцца ў розных частках горада: адзін паходзіць з раскопак С.В. Тарасава на плошчы Свабоды і датуецца XIV – XV стст. [3]. Варган без язычка быў выяўлены ў 2002 г. падчас раскопак Д.У. Дука на плошчы Свабоды (па тэрыторыі былога езуіцкага калегіўма) і прадаставаны XV – XVII стст. [3]. Яшчэ адзін быў знойдзены падчас раскопак на Стрэльцы Ніжняга замка ў 2014 г. і датаваны XV – XVII стст. Прадмет моцнакаразіраваны, без язычка [5]. Чацвёртая знаходка варгана паходзіць з раскопак аўтара на тэрыторыі Запалоцкага пасада ў 2015 г., датуецца XV – XVII стст. Артэфакт моцна пашкоджаны карозіяй і мае страты [10]. Пятая знаходка лакалізавана ў межах Полацка, але дакладнай інфармацыі не стае.

Агульная колькасць керамічных свістулёк, выяўленых у Полацку, перавышае 100 адзінак. Усе яны знойдзены ў розных частках горада: на Вялікім пасадзе, у Запалоцці, на Задзвінскіх пасадах (найперш Экіманьскім), на тэрыторыі былога езуіцкага калегіўма. Даследаванням дзіцячых цацак, у першую чаргу, свістулёк прысвечаны асобны артыкул А.А. Салаўёва [14, с. 50]. Найбольш шырокараспаўсюджанымі вобразамі з’яўляецца свістулька-«конік» у двух варыянтах: са спаранымі пярэднімі нагамі і на расставаных нагах з выцягнутай дугой шыяй. Як правіла, па баках коніка рабілі адну ці дзве адтуліны. Унікальнай знаходкай з’яўляецца так званая свістулька-гаршчок «салавей», якая датуецца XVII – XIX стст., выяўленая на Верхнім замку і зараз захоўваецца ў фондах НППКМЗ [21]. Яна ўяўляе сабой невялікі гаршчок, да якога прымацаваны носік. Па тэхналогіі, для атрымання гуку трэба было наліць вады ўнутр і пры падачы паветра праз носік атрымлівалася прыгожае пералівістае гучанне.

Найбольшая колькасць гліняных свістёлёк у Полацку была знойдзена падчас раскопак Н.І. Здановіч і С.В. Тарасава на Вялікім пасадзе [3, с. 143]. Частка цацак была выяўлена ў межах пабудовы першай паловы XVIII ст., іх знешняе афармленне, прапорцыі і тэматыка адрозніваюцца ад вядомых цацак з іншых гарадоў Беларусі [3, с. 143]. Таксама з Полацку паходзіць унікальная цаца – верхнік з рэалістычна выкананымі часткамі адзежы. Яе абрысы падкрэслены ангобным роспісам. Для Полацкіх цацак характэрны ангобны роспіс, які прыдае свістулькам дэкаратыўны характар. Свістулькі маглі быць пакрыты палівамі карычневага і зялёнага колеру па ангобу [3, с. 143].

Значная колькасць керамічных свістулёк паходзіць з тэрыторыі Экіманьскага пасада. Так, падчас раскопак Д.У. Дука ў 2009 г. тут выяўлена чатыры свістулькі (тры ў шурфе 3 і адна ў шурфе 4) [7, с. 103]. Таксама, тут знойдзены шэраг цацак як пад’ёмны матэрыял: на агародах мясцовых жыхароў. Па пісьмовых крыніцах і вусных сведчаннях вядома, што Экімань з’яўлялася цэнтрам ганчарнай вытворчасці ў XVI – I-й пал. XX стст. [15, с. 38; 17, с. 474]. Тут шырока вырабляліся, у тым ліку, і керамічныя свістулькі (пераважная большасць – конікі).

У 2020 г. Полацкім цэнтрам рамёстваў і нацыянальнай культуры быў падрыхтаваны праект рэканструкцыі вырабу полацкіх гліняных свістулек. Па выніках дадзенай працы працэс стварэння свістулек быў унесены ў спіс нематэрыяльных культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. Рашэнне Рады ад 14.10.2020 г. № 04-01-02/8 было зацверджана Міністэрствам культуры 22.10.2020 г. пад № 75 і вызначана як унікальная з’ява «Традыцыйныя вобразы гліняных народных цацак Аршанскага Падняпроўя і Віцебскага Падзвіння і тэхналогія іх вырабу», куды ўваходзяць і полацкія свістулькі [20].

Заклучэнне. Такім чынам вызначана, што археалагічныя знаходкі музычных інструментаў у Полацку выяўлены ў вялікай колькасці. Яны прадстаўлены касцянымі свісцёлкамі, жалезнымі варганамі, бронзавымі бразготкамі, керамічнымі свістулькамі і інш. Дэталі струнных інструментаў прадстаўлены струнатрымальнікамі. Драўляных музычных інструментаў ці іх дэталей у культурных напластаваннях Полацка пакуль што не выяўлена.

Вельмі каштоўнай знаходкай з’яўляецца плінфа (старажытная цэгла) з выявай музыкаў. Папярэдне вызначана, што гэта маглі быць гусярыі, якія трымаюць перад сабой крылападобныя гуслі без ігравога вакна. Полацкую знаходку можна датаваць 1-й пал. – сяр. XII ст. На аснове дадзенага артэфекта вызначана датаванне з’яўлення гусяляў без ігравога вакна на тэрыторыі Усходняй Еўропы – не пазней першай паловы – сярэдзіны XII ст.

Асобнага даследавання патрабуе вывучэнне гліняных свістулек. У Полацку сфарміравалася свая асобная традыцыя вырабу цацак: гэта «конік» са спаранымі пярэднімі нагамі або на расстаўленых нагах з выцягнутай дугой шыяй. У 2020 г. працэс вырабу полацкіх свістулек быў унесены ў спіс нематэрыяльных культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь.

Пэўных тэндэнцый у лакалізацыі археалагічных артэфектаў, звязаных з музычнай культурай, не прасочваецца. Знаходкі зафіксаваны ў розных частках Полацка і выяўлены як у межах заможных сядзібных комплексаў, так і характэрны для гарадскіх нізоў. Вялікая колькасць керамічных свістулек сведчыць аб шырокім попыце на дадзеныя прадметы. Як адно з месцаў іх вытворчасці можна вызначыць Экіманьскі пасада, што быў цэнтрам вырабу керамікі XVIII – пач. XX стст.

ЛІТАРАТУРА

1. Войтехович, А.В. Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X – XII вв. / А.В. Войтехович. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 269 с.
2. Гуревич, Ф.Д. Изображение музыкантов Древней Руси / Ф.Д. Гуревич // Советская археология. – 1965. – № 2. – С. 278–280.
3. Дук, Д.У. Полацк XVI – XVIII стст: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2007. – 268 с.
4. Дук, Д.У. Рэчавы комплекс з раскопак на Запалоцкім пасадзе старажытнага Полацка ў 2004 і 2006 гадах / Д.У. Дук // Acta archaeologica Albaruthenica. – Минск : І.П. Логвінаў, 2009. – Vol. V (Вып. 5) / Уклад. М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч. – С. 19–45.
5. Дук, Д.У. Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі Ніжняга замка г. Полацка ў 2014 г. / Д.У. Дук // Архіў ІГНАНБ. Воп. 1. № 3308.
6. Дук, Д.В. Отчёт об археологических исследованиях на территории Полоцкого Спасо-Евфросиньевского монастыря г. Полоцке в 2017 г. Ч. 1. / Д.В. Дук, А.Л. Коц, Е.Н. Торшин, П.Л. Зыков, О.А. Емельянич, И.В. Магалинский // Архив ИИНАНБ. Дело № 3327а.
7. Дук, Д.У. Экімань у сацыятапаграфічнай структуры Полацка XV – XVIII стст. / Д.У. Дук // МАБ. – 2011. – № 21. – С. 99–114.
8. Калечыц, І.Л. Эпіграфіка Беларусі X – XIV стст. / І.Л. Калечыц. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 271 с.
9. Коц, А.Л. Навуковая справаздача аб правядзенні археалагічных раскопак на тэрыторыі Верхняга замка і Запалоцкага пасада г. Полацка ў 2016 г. Ч. 1. / А.Л. Коц // Архіў ІГНАНБ. Воп. 1. Знаходзіцца на зацвярджэнні ў павялічым камітэце.
10. Коц, А.Л. Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі Запалоцкага пасада г. Полацка ў 2015 г. / А.Л. Коц // Архіў ІГНАНБ. Воп. 1. № 3343.
11. Коц, А.Л. Ювелірная майстэрня XII ст. на Запалоцкім пасадзе старажытнага Полацка (па матэрыялах археалагічных раскопак 2013 г.) / А.Л. Коц // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 18–27.
12. Мядзведзева, В.У. Касцяная вытворчасць Полацкай зямлі IX – XIII стст. / В.У. Мядзведзева. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 236 с.
13. Поветкин, В.И. Музыкальные древности Новгорода / В.И. Поветкин // Новгородские археологические чтения : материалы науч. конф., посвящ. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской Археологической экспедиции А.В. Арциховского. – Новгород, 1994. – С. 67–74.
14. Салаўёў, А.А. Полацкая цацка XVII – XVIII стагоддзяў / А.А. Салаўёў // Мастацтва. – 2002. – № 5 – 6. – С. 50–52.
15. Соловьёв А.А. К вопросу о реконструкции исторической топографии Экимани / А.А. Соловьёв // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2013. – № 9. – С. 29–39.
16. Сарабянов, В.Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и её фрески / В.Д. Сарабянов. – М. : «Северный паломник», 2009. – 220 с.
17. Шидловский, С.О. Инвентарная опись имения Экимания (1846–1848) как источник для изучения хозяйственной культуры дворянства Полотчины 40-ых гг. XIX в. [Электронный ресурс] / С. О. Шидловский // Беларуская Падзвінна: вопыт, метадыка і вынікі павялічых і міждyscyплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. IV міжнар. навук. канф., Полацк, 19–20 красав. 2018 г. / Пад агул. рэд. А.І. Корсак. – Наваполацк : ПДУ, 2018. – 1 элек. аптыч дыск (CD-R). – С. 470–540.
18. Ярмохін, М.В. Дэндрахраналагічнае датаванне будаўніцтва Полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы / М.В. Ярмохін, А. Вітас, І.Л. Калечыц // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 8. – С. 13–17.
19. Jazdzewski, K. Kilka uzupełnień uw ag o geslach gdanskich / K. Jazdzewski // ZOW. – 1950. – С. 102–104.

20. Дзяржаўная установа “Віцебскі абласны метадычны цэнтр народнай творчасці” [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://omcnt.by/tradycyjnuyya-vobrazy-i-tehnalogiya-vygrabu-glinyanyh-narodnyh-czaczak-arshanskaga-padnyapro%d1%9eуа-i-viczebskaga-padzvinnya/>. – Дата доступу: 20.12.2021
21. Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://polotsk.museum.by/node/48555#&gid=1&pid=2>. – Дата доступу: 20.12.2021.

Паступіў 30.12.2021

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПОЛАЦКА XI – XIX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК)

А.Л. КОЦ

Древняя музыкальная культура Полоцка – тема, которая не исследована в отечественной науке. Целенаправленных археологических исследований в обозначенной области практически нет. Количество археологических находок, которые подтверждают распространение музыкальных инструментов, достаточно велико. Также найдены артефакты с изображением музыкантов. Уникальной находкой является фрагмент древнего кирпича (плинфы) с изображением музыкантов, вероятно гусяров. Изображение не только даёт информацию о музыкальных инструментах, но и о ряде деталей: одежда, обувь, композиционное размещение, иконография и стиль изображения и т.д. Артефакты XVI – XIX вв. также найдены в большом количестве. Наибольшая часть находок представлена керамическими свистульками. В 2020 г. возрождённая традиция изготовления свистулек была внесена в список нематериальных культурных ценностей Республики Беларусь.

Ключевые слова: Полоцк, археологические исследования, музыкальная культура, музыкальный инструмент, гусли, плинфа.

MUSICAL CULTURE OF POLATSK XI – XIX CENTURIES. (BASED ON MATERIALS FROM ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS)

A. KOTS

The ancient musical culture of Polotsk is a topic that has not been studied in domestic science. There is practically no purposeful archaeological research in the designated area. The number of archaeological finds that confirm the spread of musical instruments is quite large. In the cultural layer of Polotsk XI – XIII centuries. found at least. A unique find is a fragment of an ancient brick (plinths) depicting musicians, probably guslars. The image not only provides information about musical instruments, but also about a number of details: clothing, shoes, compositional placement, iconography and style of the image, etc. Artifacts of the 16th – 19th centuries also found in large numbers. Most of the finds are represented by ceramic whistles. In 2020, the revived tradition of making whistles was included in the list of intangible cultural values of the Republic of Belarus.

Keywords: Polotsk, archaeological research, musical culture, musical instrument, psaltery, plinth.

УДК 913.19.479.2

**СКИФЫ (ЦИСУРАЛЬСКИЕ И ТРАНСУРАЛЬСКИЕ)
ПО ДАННЫМ «ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ГЕОГРАФИИ» («АШХАРАЦУЙЦ»)**

д-р ист. наук, проф. А.Ж. АРУТЮНЯН
(Ереванский государственный университет)
e-mail: hakobharutyunyan@ysu.am

В «Древнеармянской географии» 34-й страной Азии названа Скифия, территориальное описание которой не соответствует ни одному сведению авторов Древности и раннего Средневековья. «Ашхарацуйц»овская Скифия – это территория, расположенная восточнее Урала до Тихого океана на востоке, в южном направлении доходит до современной Северной Индии и Китая. Скифы играли огромную роль в установлении связей между регионами современной Сибири и южными странами, а впоследствии – с территориями, находившимися восточнее и западнее Урала. Авторы «Ашхарацуйц» (Хоренаци и Ширакаци) почти ничего не упоминают об административно-территориальных делениях этого края, что подтверждает отсутствие государственности, несмотря на высокий уровень развития скифов. Согласно сведениям «Ашхарацуйц», очевидно, что прародиной этого народа была обширная территория восточнее Уральских гор и одноименной реки, доходившая на востоке до Тихого океана. В «Истории Армении» Хоренаци упоминает также о причерноморских скифах эпохи персидского царя Дария I.

Ключевые слова: «Древнеармянская география», «Ашхарацуйц», Мовсес Хоренаци, Анания Ширакаци, Скифия (Цисуральская, Трансуральская), скифы, Урал.

«Скифы, как и другие близкородственные им народы, обитавшие в I тыс. до н.э. в евразийских степях, не имели своей письменности, и потому социальную и политическую историю приходится воссоздавать преимущественно на основе сведений, сохранных в инокультурных источниках, и по археологическим данным» [1, с. 179].

Введение. Всё, что написано в данной преамбуле, соответствует исторической действительности. После этого можно поставить жирную точку и больше не изучать историю этого народа. Однако факты и свидетельства «Древнеармянской географии» или «Ашхарацуйц» (арм. – «Ашхарацуйц») не могут оставить равнодушным любого исследователя, желающего «раскрыть все тайны» скифской цивилизации (самоназвание: Skolotoi), упомянутой в армянском раннесредневековом источнике. Мы сознательно обходим вопросы исторической географии Скифии по «Ашхарацуйц» и обратимся к ним, если этого потребуют обстоятельства.

Сведения «Древнеармянской географии» о скифах необходимо дополнить сведениями античных и ранне-средневековых историков об этом народе и занимаемой ими территории, рассмотрев имеющиеся факты в сопоставительном анализе. Так, о скифах упоминают в разных аспектах Гесиод (Hesiod. Theogony. [2, §345], Геродот [3, III, 15 и дал.], Страбон [4, I, I, 13, II, 1, 10, 27, 28 и дал.], Плиний Старший [5, IV, I, 41, VII, II, 11 и дал.], Птолемей [6, VI, XV, 1–4], Иордан в своей работе «Гетика» [7, с. 44–52] и даже Гиппократ в труде «О воздухе, водах и местностях» [8, с. 26, 28] и т.д.

Армянские историки, к великому удивлению, очень скупо сообщают о скифах. В случае «молчания» Мовсеса Хоренаци ответ однозначен: являясь автором трех произведений («Ашхарацуйц», «Книга хрий» и «История Армении») в своих трудах он практически никогда не повторяет уже упомянутые им единожды сведения, поэтому в «Истории Армении» о скифах упоминается лишь один раз [9, II; 13]. Историк VII в. Себеос Скифией именуется территорию бывшего Мидийского царства, когда в Византии правил император Константин IV Палеолог (668–685 гг.), который (как и армяне) боролся против первых арабских нашествий [10, XL; 11, с. 214–215]. Это говорит о незабываемом следе, оставленном этим народом в жизни других народов данного региона. Армянский историк XII в. Маттеос Урхаеци (Матфей Эдесский) Скифской называет современную Ливийскую пустыню Африки [12, II. Страбон Скифскую пустыню располагает в Евксинском Понте. См. 4, I, III, 4, 7; О кавказских, а также ближне- и средневосточных скифах по данным ассирийских и урартских источников, см: 13, с. 13 Карта «К взятию Самарии ассирийцами»; с. 15, Карта «Во времена разграбления Суз ассирийским царем Ашшурбанипалом»]. Весьма любопытно сведение историка XIII–XIV вв. Степаноса Орбеляна, который пишет, что Сион в его время (в 30-х гг. VIII в.) процветал больше, чем в эпоху владыкования египтян и скифов на этой территории [14. XXXI. Согласно Страбону, там находилась крепость Скифополь. 4, XVI, II, 40; 15, с. 7 и слд.; 16, с. 35].

Что касается историографии изучения скифов, следует отметить, что в этой области сделано очень много. Среди данных исследований мы особо выделяем работы Б.А. Рыбакова, А.И. Иванчика, А.В. Подосинова, М.В. Агбунова, Д.С. Раевского, М.И. Артамонова, Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванова, М.В. Скржинской, Л.А. Ельницкого, Ф.Х. Гутнова, В.А. Ильинской, В.И. Абаева, В.Ю. Мурзина, Т.Т. Райс, Ж. Дюмезиля,

А.П. Смирнова, А.М. Хазанова, Е.В. Черненко, В.И. Георгиева, В.И. Гуляева, В.Б. Виноградова. У античных историков вопрос локализации и проживания скифов рассматривается от берегов р. Волги (у древних авторов – Ра) и дальше на запад до современной Германии, Венгрии и Румынии. Скифы продвигались также и на юг (в сторону Кавказа и южнее) [11, с. 214–215].

Основная часть. В исторической литературе топоним «Скифия» встречается с разными определениями: Великая, Малая (в Добрудже – Малая Скифия – династия, правившая ок. 330—70 гг. до н.э.), Геродотова, Кавказская, Европейская, Азиатская, Крымская (Тавроскифия – династия правила ок. 250 г. до н.э. – 250 г. н.э.), Киммерская, Нижнедунайская Скифия, Индо-Скифия, Земледельческая, Древняя (или Старая) Скифия и т.д. В ассирийско-вавилонских первоисточниках (а также в урартских) Закавказская Скифия более известна под названием «Ишкуза» (о кавказских, а также ближне- и средневосточных скифах по данным ассирийских и урартских источников [13, с. 13, Карта «К взятию Самарии ассирийцами», с. 15 Карта «Во времена разграбления Суз ассирийским царем Ашшурбанипалом»). Эта страна иногда упоминается также в варианте «Тартария», о которой подробнее поговорим ниже. М.В. Агбунов свою монографию назвал «Путешествие в загадочную Скифию», что также можно по праву считать одним из современных вариантов названия этого народа и его территории [11, с. 7 и дал.].

В противовес вышеперечисленным античным авторам, «Ашхарауц» упоминает крайне восточных скифов (на древнегреч. Σκύθης, Σκύθοι, на древнеарм. и арм. Скютия), повествует, откуда они начали свое продвижение, оговаривая западное направление. «Ашхарауц» четко очерчивает их западную границу у современных Уральских гор и находит, что вначале именно эти горы были границей двух миров – скифского и сарматского. Прежде чем остановиться на изучении вопроса возникновения скифской цивилизации по «Ашхарауц»у, нам следует определить границы самой Скифии. «Ашхарауц» упоминает: «Тридцать четвертой страной всеобщей Азии является Скифия, которая начинается с реки Атл и косой долготой распространяется на юго-восток, до горы Емавона, которая делит эту страну. Один из них Апахтарк, который является Туркестаном. [Граничит] на севере с Неизвестной и Незнакомой страной, на западе со страной Сарматов возле реки Атл. На юге – Гирканским морем, где проживают арийцы и индусы. От южной части (отрога) Емавона до горы Емода, которая также отделяет Скифию от Индии. На востоке Скифия граничит с Китаем» [17, с. 306–308; 18, с. 172–174; 19, с. 79]. Если все античные и раннесредневековые авторы, упомянутые в начале нашего изложения, Скифию не обнаруживают восточнее Уральских гор и одноименной реки, то в «Ашхарауц» мы находим совершенно иную картину. Западной границей этой «страны» «Ашхарауц» видит именно Урал (Уральские горы и реку Урал). Эти границы совпадают с вышеупомянутой Тартарией, от которой, как считают, происходит современное название Татария. Однако средневековая Тартария охватывала большую территорию – от Тихого океана до Каспия, в ее состав входили также Индия и Китай в целом [Современные исследователи находят, что название Тартария возникло в XIII в. Более подробно см. 20, р. 103–125; 21, р. 56; 22, с. 203–212].

Что касается южной границы Скифии, то контуры, представленные в «Ашхарауц»е, весьма четкие. Поскольку авторы армянского источника описывают границы с запада на восток, придерживаясь северной географической ориентации, то можно уверенно констатировать, что Емавон – это Гималаи, а горы Емода – это современные горы Куньлунь [23, с. 1–5; 24, с. 480–504; 25, р. 74–80; 26, р. 177–186]. Последние, как известно, простираются от Памира до Сино-Тибетских гор.

Итак, если сопоставить данное сведение о границах Скифии с упоминаниями любого античного или раннесредневекового автора, то сразу бросается в глаза очевидное отличие. В данном случае армянский источник V–VII вв. приобретает значение *первоисточника* в вопросе изучения первоначальной Родины скифского народа. Получается, что все остальные источники описывают границы проживания этого народа после его продвижения и переселения с востока на запад, «Ашхарауц» же упоминает их первоначальный статус. Фактически получается, что к названиям Скифии, которые мы перечислили выше, следует добавить и совершенно новый историко-географический термин – «ашхарауц»овская Скифия: в источнике приводятся не только границы первоначальной Скифии, но и показан уровень цивилизационного развития, который стал основной базой и отправной точкой для дальнейшего развития народов современной восточно-уральской России [27, с. 365–371]. Итак, мы можем без колебаний разделить Скифию на две условные части и впервые ввести в научный оборот историко-географические названия: 1) Цисуральская Скифия – «Cisural Scythia», которую можно именовать Дальневосточной Скифией, 2) Трансуральская Скифия «Transural Scythia» – так мы будем называть Западную Скифию.

Авторов «Древнеармянской географии» в важнейшем вопросе дополняет другой армянский историк Мовсэс Каланкатуаци. В главе «Родословня Иафета и его потомков» автор перечисляет и Скифию [после Савроматии, перед Фракией: [28, I, 2], где говорится о скифском языке. Автор говорит о западных скифах, однако это никак не влияет на положение вещей, поскольку скифский язык – это яфетический или индоевропейский, с множеством языковых групп и ветвей. По всей вероятности, скифский язык находится ближе всего к одной из восточных групп – иранскому, дардскому, индоарийскому, нуристанскому и тохарской языковым группам. В настоящее время скифский вместе с сарматским считают иранским языком и включают в восточно-иранскую подгруппу [29, с. 59–108]. Иногда скифо-сарматские языки называют также «магогийскими», по имени одного из сыновей Иафета, Магога (другие сыновья Иафета – Гомер, Мадай, Иаван, (Елиса), Фувал, Мешех и Фирас) [29, с. 90–101; 30, с. 42 и дал; 31, с. 72; 32, с. 25; 33, с. 9–46].

Далее в «Ашхарауц»е мы читаем: «[В Скифии] проживают сорок три племени, из которых одни рыбоды, а другой (в тексте упомянуто в единственном числе, однако не указано, о ком идет речь – дополнено нами А.А.)

питается молоком. Другая группа племени герибайцев (на арм. *һерибайцев* – дополнено нами – *А.А.*), которые живут возле Огненной страны, захваченной у них персами. Здесь есть, как говорят, и другие группы племен с дикими названиями, но их не следует упомянуть, т.к. под другими названиями мы их не знаем, кроме [племени] Бушх-а» [17, с. 306–307; 18, с. 173; 19, с. 79]. Итак, «Ашхарауцц» описывает расположение и развитие скифских племен в направлении север – юг, возле восточного берега Каспийского моря. И если северные племена скифов вели относительно цивилизованный образ жизни, то южные (локализовались у горы Копетдага) еще находились на уровне варварства. Это в том случае, что Иран находился на высоком уровне развития.

Данное упоминание подсказывает также, что скифы жили раздробленно, не имели единого государства. В этом случае никак нельзя оговорить факт политического объединения или попытки создания объединенного государства. Если одна часть северо-восточных скифов Прикаспия занималась охотой и собирательством, то другие активно использовали в еде молоко. Это говорит не только о развитии скотоводства, но и об их оседлости.

Что касается племени Бушх, то о нем упоминает армянский историк XIII в. Григор (Григорий) из Акна (ныне город Кемалие в Турции) в работе «История народа стрелков» (иногда данный труд называют «История татар (имеются в виду монголо-татары – *А.А.*)». Здесь мы читаем: «От Исава, сына Исаакова, произошли Исавиты, т.е. Скифы, черные, дикие, безобразные. От них родились Борамижи и Лезгины, обитающие в ущельях и в засадах и производящие многие злодеяния. Говорят, что идумеяне, т.е. франки (так армяне называли армян-католиков – дополнено нами *А.А.*), тоже от него происходят. Из смеси трех родов: Агари, Кетуры и Исава под влиянием зла возник безобразный народ татар, что означает: острый и легкий. Но Св. Нерсес называет их остатками родов Агари, смешанными с народами Гога, потомками Торгома, которые владеют Скифией, т.е. частью земли, заключающейся между рекою Атилем, горою Имаусом и Каспийским морем. На этом пространстве живут 43 народа, которые на варварском языке называются Хуж и Дуж, т.е. народы, живущие отдельно. ... Главный из этих народов называется бушх (или булх?), а другой – тугары, которые, по моему мнению, и есть татары [34, I, 3. Здесь следует отметить, когда опубликовали эту работу, то автором считали Магакию, который был иноком (также считали, что автором был Вардан Аревели (Вардан с Востока, или Вардан Великий – автор XIII в.). Но ныне считается, что автор Григор из Акна. См. 35, с. 8 и дал.]. Итак, согласно сведению Григора из Акна (на арм. яз. Григор Акнеци) можно восстановить территорию бушхов в XIII в. Согласно данным, полученным при сравнении двух текстов, они из Эльбурса-Копетдагских гор перешли на северную часть Каспийского моря, которую сейчас принято называть Прикаспийской низменностью. Что касается гор Имауса, то можно предположить, что это, по всей вероятности, Уральские горы [36, с. 12–13].

Далее в армянском первоисточнике мы читаем об административно-территориальных делениях Скифии. Авторами упомянуты области Согдиана или Сагастан и Саке. Об этих областях написано: «В двух этих [областях] находятся 15 богатых, знающих ремесло и торговлю племен. Они живут между Туркестаном и Арией, возле гор Емавона...» [17, с. 307; 18, с. 173]. У античных историков можно найти сведения как минимум о двадцати скифских племенах, но они их не «видят» восточнее Урала. Из всех двадцати племен, согласно сообщениям, около Урала жили исседоны [3, IV, 1–39], аргиппеи [3, IV, 23–24], аримаспы (по Геродоту) [3, IV, 13–16], меланхлены Азиатской Сарматии [3, IV, 20–21; 6, III, V, 19–25, VIII, 32]. Среди всех остальных отличились царские (племена авхатов, катиаров, траспиев и паралатов – все вместе они именуются «сколотами», то есть царскими, по Геродоту [3, IV, 6], кочевнические [3, IV, 11, 19], земледельческие [3, IV, 17], пахари [3, IV, 23 и дал.] и эллинские скифы [3, IV, 17; 37, с. 44 и дал.; 38, р. 42–45]. Помимо них существовало еще не менее 10 племен: абии, невры, фиссагеты, иирки, андрофаги, тавры и т.д. Трудно точно определить направление продвижения этих племен, однако можно констатировать, что все они – выходцы из районов «ашхарауцц»-овской Скифии, и с этой прародины, границы которой мы уже установили, они продвигались в разных направлениях, однако всегда в сторону запада. Итак, скифы не только стали осваивать территории современной Европейской России (западнее Урала, т.е. Транскифию), но и стали первыми распространителями более культурного образа жизни. Как минимум, они передали другим племенам и народам знания в области ремесел и торговли.

Далее авторы древнеармянского текста переходят к более подробному описанию Емавонских гор и пишут: «Имеет и другой отрог (Емавон – *А.А.*), который тянется в сторону Неизвестной страны. От локтя хребта, 300 миль севернее него есть одна дорога и постоялый двор (каравансарай – *А.А.*), откуда ходят в Китай, прибывая из Сагастана. Дорога из Сагастана до постоялого двора проходит через Каребург. Последнее находится в равнине Удивления» [17, с. 307; 18, с. 173; 39, с. 210]. Пока в исторической науке достаточно хорошо известно о тех дорогах Ближнего Востока и Средней Азии, которые, соединяясь с Великим Шелковым путем, создали единую систему сообщения. Относительно начала этой дороги (китайской и индийской) и тем более дорог, перекрещивающихся с Великим Шелковым путем, известно очень мало. Только в конце XX века историки стали обращать серьезное внимание на те отрезки Великого Шелкового пути, которые соединяли Китай, Среднюю Азию и Восточную Сибирь [40].

Сагастан (более общепринятый вариант названия этой области – Сакастан) – это тот же Систан, который до появления «Ашхарауцц» носил название Дрангиан и находился в юго-восточной части Ахеменидской державы, между Арией с севера и Карманией с юга. Итак, эта дорога пересекла Великий Шелковый путь, соединив юг с севером или Цисуральской Скифией, а Шелковый Путь, как известно, соединил Восток с Западом. Весьма любопытно название «Каребург» (арм. *Քարեբուրգ*; арм. звук *Ք/К* имеет промежуточное фонетическое положение между русс. звуками «Г» и «К», ближе к англ. «Q(q)»). Лексема *кар-* на арм. – «камень» (на современном

персидском *санг*), а слово «бург» переводится с армянского как *пирамида* (*бург* на нем. – *Burg* – означает крепость). Дорога из Сагастана до каравансарая проходила по современным территориям Афганистана, Туркмении или по самым южным районам нынешнего Казахстана (мало всего вероятно прохождение дороги по территории Туркменистана). Если изучить карту Великого Шелкового пути, то сразу бросается в глаза, что основная дорога в этой части имеет 3 разветвления: 1) Мерв – Самарканд – Коканд – Кульджа – Турфан – Аньси; 2) Балх – Кашгар – Аксу – Дуньхуан – Аньси; 3) Балх – Кашгар – Хотан – Дуньхуан – Аньси. После соединения этих разветвлений в Аньси уже одна дорога идет до города Лоян, который был столицей империи Восточная Хань (25–220 гг.) [41, с. 53–61; 42]. Все эти дороги были артефактами, и Каребург надо искать во всех трех вышеперечисленных ответвлениях Великого Шелкового пути. Можно также предположить, что Каребург – это город, имеющий каменные оборонительные стены, либо все строения города были из камня [42; 43, р. 35–36; 44, р. 65ff.].

Почему равнина называется «Удивление»? Скорее всего, после всех испытаний на этом пути путешественники достигали Бактрийской равнины (или Туранской низменности, которая охватывает часть территории Казахстана, Туркмении или Узбекистана), и резкий контраст местностей их удивил, поэтому равнина получила название *Удивление*. Оттуда без каких-либо препятствий можно было идти до Западной Сибири или одноименной низменности. Значит, и Сибирь уже была связана с этими территориями.

О дорогах древней Сибири впервые упомянули В.К. Андриевич (1838–1898 гг.) и П.Н. Буцинский (1853–1916 гг.). Однако реально Сибирь и ее дороги, а также торгово-экономические связи этого региона начали исследовать в конце прошлого столетия. Это было связано с тем, что как минимум в середине I тыс. до н. э. из Сибирских степей в направлении Запада стали продвигаться скифские племена, а в конце тысячелетия – гунны (хунну). Если до этого не было никаких дорог, связывающих Азиатскую и Европейскую части современной России, то эти два племени стали пионерами создания упомянутых путей. Общеизвестно, что Сибирь уже в эру правления Ахеменидов в Иране поставляла персам сибирские шубы, камни, в том числе драгоценные, лес и другие товары [45, с. 87 и дал., 307 и дал., 546].

В этом аспекте весьма любопытно свидетельство «Ашхарауиц» о торговцах и развитой торговле в Хорезме [17, с. 307; 18, с. 173]. Подобное упоминание есть также о содинах – зажиточных торговцах и ремесленниках (по «Ашхарауиц»у, последние жили между Туркестаном и страной Ариев [17, с. 307; 18, с. 173; 199, с. 79]. Что касается содинов, то здесь в тексте имеется небольшая неточность: правильное – Согдиана (Σογδιανή – на древнегреч.), рядом с которой (западнее) находится Хорезм (на территории современного Туркменистана и Узбекистана). Жители этих городов и областей, а также представители остальных скифских племен, число которых, по «Ашхарауиц»у, доходило до сорока трех, обеспечивали связь между Сибирью и Ираном.

В последнем упоминании о скифах авторы «Ашхарауиц»а говорят: «У них (жителей Хорезма –А.А.) в провинции Тур есть брусочек для точки и отборная стрела» [17, с. 306–307; 18, с. 174; 19, с. 79]. О «брусочке для точки» как минимум шесть веков спустя сообщает армянский врач Мхитар Гераци (середина XII – начало XIII века; на арм. *гераци*). Брусочек для точки на армянском называется *холозм*. Слово не древнеармянское (древнеарм. – *грабар*) [46¹, §76–77; 47]. Можно предположить, что *холозм* – это ошибочное название Хорезма. Этот камень использовали и в медицине. Что касается стрелы, то здесь имеется в виду не оружие (*arcus* у древних римлян или *τόξον* у греков, *axeh* на арм., *agig* на перс.). Данная лексическая единица в древнем и средневековом армянском означала цвет – красный, а если быть точнее – пурпурный камень, который, возможно, использовали при врачевании. Что касается провинции Тур, то это Туран, от названия которого происходят лексические единицы Туранская низменность, раса, племена, плита [48; 49, s. 155–157; 50, s. 250ff.].

Заключение. Итак, территория от востока Урала до Тихого океана была колыбелью возникновения скифской цивилизации. Об этом четко говорят сведения «Ашхарауиц»а. Отсюда скифы распространились в основном в западном направлении, а прародина скифской территории стала одним из очагов возникновения древнерусской цивилизации. Скифы первыми «проложили» дорогу с востока на запад и стали первопроходцами в этой отдаленной местности, распространяя зачатки цивилизации. Они сыграли большую роль в процессе градостроительства в этом регионе, первыми обеспечили торгово-экономические связи между Сибирью, Индией и Китаем, а также востоком и западом Урала. Об этом сообщают и данные археологических раскопок.

Не случайно русский поэт А.Я. Брюсов посвятил скифам следующее четверостишие:

Какими они были
Мы — те, об ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Эхидны, – скифы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бонгард-Левин, Г.М. Древние цивилизации / Г.М. Бонгард-Левин. – М. : Мысль, 1989. – 479 с.
2. Hesiod. Theogony / Hesiod. – 2-nd ed. – Baltimore and L. : J. Hopkins University Press, 2004. – 192 p.
3. Геродот. История / Геродот ; пер. с древнегреч. Г.А. Стратановского. – М. : Ладомир, 2002. – 739 с.
4. Страбон. География. В 17 кн. / Страбон. ; пер. с древнегреч. Г.А. Стратановского. – М. : Ладомир, 1994. – 940 с.

¹ Это работа Гераци имеет и второе название «Книга про лекарственные травы».

5. Pliny. *Natural History* / Pliny. – Cambridge, Mass.; L.: Harvard Univ. Press, 1957. – Vol. 2.: Books III–VII. Transl. by Rackham H. – 663 p. (LCL).
6. Ptolemaios. *Ptolemaios Handbuch der Geographie* / Ptolemaios. – Basel : Schwabe Verlag, 2006. Griechisch-Deutsch: Einleitung, Text und Übersetzung, Index. Herausgegeben von A. Stuckelberger und G. Grabhofs. 2. Teil. Bücher 5–8. – 1018 p.
7. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Иордан ; вступ. ст., пер. с латин., коммент. Е.Ч. Скржинской. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Алетейя, 1997. – 505 с. («Византийская библиотека». Источники).
8. Гиппократ. О воздухе, водах и местностях / Гиппократ ; пер. с древнегреч. В.И. Руднева. – М. : Биомедгиз, 1936. – 736 с.
9. Хоренаци, Мовсес. *История Армении* / Мовсес Хоренаци ; пер. с древнеарм. Г.Х. Саркисяна. – Ереван : Айастан, 1990. – 291 с.
10. Себеос. *История епископа Себеоса* / Себеос ; пер. с древнеарм. Ст. Малхасянца. – Ереван : Армфан, 1939. – 183 с.
11. Райс, Т.Т. Скифы. Строители степных пирамид / Т.Т. Райс. – М. : Центрполиграф, 2004. – 223 с.
12. Урхаеци, Маттеос. *Хронография* / Маттеос Урхаеци ; пер. с древнеарм. Г.М. Бартикяна. – Ереван : Изд. ЕГУ, 1991. – 540 с.
13. Мутафян, К. *Исторический атлас Армении. Ближний Восток и южный Кавказ с VIII века до Р.Х. до XXI века* / К. Мутафян, Э. ван Лёв. – М. : Тип. УП Принт, 2012. – 143 с.
14. Орбелян, Стефанос. *История Сюника* / Стефанос Орбелян ; пер. и коммент. А.А. Абрамяна. – Ереван : Советакан грох, 1986. – 616 с.
15. Абгунов, М.В. *Путешествие в загадочную Скифию* / М.В. Абгунов. – М. : Наука, 1989. – 191 с.
16. Раевский, Д.С. *Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей 1-го тыс. до н. э.* / Д.С. Раевский. – М. : Наука, 1985. – 256 с.
17. Ширакаци, Анания. *Избранные труды. Ашхарауцц* / Анания Ширакаци. – Ереван : Советакан грох, 1979. – С. 258–312 (400 с.). (на арм. яз.).
18. Акопян, А.А. *Ашхарауцц VII века* / А.А. Акопян // *Андес амсоря*. – 2015. – № 1-12. – С. 35–104. (на древнеарм. яз.).
19. Патканов, К.П. *Армянская география VII века по р. X. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому)* / К.П. Патканов. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1877. – 84 с.
20. Connell, C.W. *Western Views of the Origin of the «Tartars»: An Example of the Influence of Myth in the Second Half of the Thirteenth Century* / C.W. Connell // *The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asian Missions* / C.W. Connell. – L., New-York : Routledge, 2016. – P. 103–125.
21. Edson, E. *The World Map, 1300–1492. The Persistence of Tradition of Transformation* / E. Edson. – Baltimore : J. HopkinsUniver. Press, 2007. – 312 p.
22. Джаксон, Т.Н. *Скифия в «истории о древних норвежских королях» Теодорика Монаха* / Т.Н. Джаксон // *Индоевропейское языкознание и классическая филология. История и археология*. – 2015. – № 19. – С. 203–212.
23. Арутюнян, А.Ж. *К вопросу определения авторства древнеармянской карты (или «Ашхарауцц»-а)* / А.Ж. Арутюнян // *Интеграция мировых научных процессов как основа общественного процесса (М-1). Общество науки и творчества : сб. материалов I междунар. науч.-практ. конф., Казань, 28–29 мая 2013 г. ; под общ. ред. С.В. Кузьмина*. – Казань : КГУ, 2013. – С. 1–5.
24. Богданович, К.И. *Северо-западный Тибет, Куэнь-Лунь и Кашгария*. / К.И. Богданович // *Изв. Имп. Русского Географического общества*. – 1891. – Т. 27. – Вып. 1–6. – С. 480–504.
25. Luo, G. *The Aerial Picture and Map Analysis of the Modern Volcanoes in the Northern Part Tibet* / G. Luo // *Geographical research*. – 1987. – V. 6. – № 3. – P. 74–80.
26. *Distribution and Ages of Ashikule Volcanoes on the West Kunlun Mountains*. / B. Zheng [et al.] // *Bulletin of Glacier Research Publication. West China*. – 1989. – № 7. – P. 177–186.
27. Арутюнян, А.Ж. *К вопросу территории расселения древневосточных славянсогласно трудам Мовсеса Хоренаци* / А.Ж. Арутюнян // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2012. – № 2. – С. 365–371.
28. Каланкатуаци, Мовсес. *История страны Алуанк* / Мовсес Каланкатуаци ; пер. с древнеарм. Ш.В. Смбатяна. – Ереван : АН Арм. ССР, 1984. – 258 с.
29. Тохтасьев, С.Р. *Проблема скифского языка в современной науке*. / С.Р. Тохтасьев // *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. – Iași, 2005. – P. 59–108.
30. Клейн, Л.С. *Древние миграции и происхождение индоевропейских народов* / Л.С. Клейн. – СПб. : Изд. Санк-Петербург, 2007. – 226 с.
31. Иванчик, А.И. *К вопросу о скифском языке* / А.И. Иванчик // *Вестник древней истории*. – 2009. – № 2. – С. 62–88.
32. Абаев, В.И. *Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада* / В.И. Абаев. – М. : Наука, 1965. – 168 с.
33. Кулланда, С.В. *Скифы: язык и этнос* / С.В. Кулланда // *Вестник РГГУ. Сер. Востоковедение. Африканистика*. – 2011. – № 2(63). – С. 9–46.
34. Патканова, К.П. *История монголов инока Магакии, XIII века* / К.П. Патканова. – М. : Тип. Имп. Акад. наук, 1871. – 118 с.
35. Жамкочян, А.Г. *История народа стрелков* / А.Г. Жамкочян. – Ереван : Изд. ЕГУ. Научн. тр. Ереван. гос. ун-та, 1946. – 145 с.
36. Лысенко, Н.Н. *Этногенез и военная история иранских кочевников Евразии и период II века до н. э. – II века н. э.* : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / Н.Н. Лысенко. – Владикавказ, 2007. – 71 с.
37. Подосинов, А.В. *Скифия в историко-географической традиции античности и средних веков* / А.В. Подосинов, Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова. – М. : Аквилон, 2016. – 320 с.
38. Cunliffe, B. *The Scythians: Nomad Warriors of the Steppe* / B. Cunliffe. – Oxford : Oxf. Univer. Press, 2019. – 408 p.
39. *The Encyclopædia Iranica* / H. Algar [et al.]. – Vol. I. – L., N-Y. : Encyclopædia Iranica Foundation, Brill, 2014. – Fasc. 2.
40. Еманов, Е.Г. *Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII – XV в.* / Е.Г. Еманов. – Тюмень : Тюмен. гос. ун-т. МИ «РУТРА», 1995. – 232 с.
41. Мамлева, Л.А. *Становление Великого шовкового пути в системе трансквиализационного взаимодействия народов Евразии* / Л.А. Мамлева // *Vita Antiqua*. – 1999. – № 2. – С. 53–61.
42. Hansen, V. *The Silk Road: A New History* / V. Hansen. – Oxford : Oxf. University Press, 2012. – 328 p.
43. Kuzmina, E.E. *The Prehistory of the Silk Road* / E.E. Kuzmina. – Philadelphia : Univer. of Pennsylvania Press, 2008. – 264 p.
44. Sinor, D. *The Cambridge History of Early Inner Asia* / D. Sinor. – Cambr. : IndianaUniver. Press, 1990. – 532 p.
45. Киселев, С.В. *Древняя история Южной Сибири* / С.В. Киселев. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

46. Гераци, Мхитар. Утешение при лихорадках / Мхитар Гераци ; пер. с арм., введ. и коммент. Г.Г. Арутюняна [и др.]. – Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1955. – 267 с.
47. Кцоян, А.С. Мхитар Гераци – врач XII века / А.С. Кцоян. – Ереван : Айастан, 1968. – 64 с.
48. Allworth, E.A. Central Asia: A Historical Overview / E.A. Allworth. – Durham : Duke University Press Books, 1994. – 672 p.
49. Marquart, J. Ērānšāhmach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i / J. Marquart. – Berlin, 1901.
50. Nyberg, H.S. Die Religionen des alten Iran / H.S. Nyberg. – Leipzig, J.C. Hinrichs, 1938. – 506 p.

Поступила 28.07.2021

SCYTHIANS (CISURAL AND TRANSURAL) ACCORDING TO THE "ANCIENT ARMENIAN GEOGRAPHY" ("ASHKHARATSUYTS")

H. HARUTYUNYAN

In "Ancient Armenian Geography" Scythia is named the 34th country of Asia, the territorial description of which does not correspond to any information of the authors of Antiquity and the early Middle Ages. Scythia by "Ashkharatsuyts" is a territory located east of the Urals to the Pacific Ocean in the east, in a southern direction it reaches modern North India and China. The Scythians played a huge role in establishing ties between the regions of modern Siberia and the southern countries, and later with the territories located east and west of the Urals. The authors of "Ashkharatsuyts" (Khorenatsi and Shirakatsi) hardly mention anything about the administrative-territorial divisions of this region, which confirms the absence of statehood, despite the high level of development of the Scythians. According to the information of "Ashkharatsuyts", it is obvious that the ancestral home of this people was a vast territory east of the Ural Mountains and the same name river, which reached the Pacific Ocean in the east. In the "History of Armenia" Khorenatsi also mentions the Black Sea Scythians of the era of the Persian king Darius I.

Keywords: «Ashkharatsuyts», «Ancient Armenian Geography», Movses Khorenatsi, Anania Shirakatsi, Scythia (Cisuralian, Transuralian), Scythians, Ural.

УДК 616.9 (476) «11/15»

**«БЫСТЬ КАЗНЬ НА ПОЛОЧАНАХ»:
К ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОРОВЫХ ПОВЕТРИЙ В ПОЛОЦКЕ XI – XV вв.**

Д.С. ГРИЦКЕВИЧ*(Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск)*

Представлены результаты исследования письменных источников с целью выявления упоминаний о случаях эпидемий, имевших место в городе Полоцке в XI–XV вв. Исследование содержит подробный анализ трёх эпизодов массового распространения инфекций в городе в 1092, 1349 и 1464 гг.

*Наиболее распространённым объяснением возникновения эпидемии в 1092 году является отравление населения города паразитарным грибом, поражающим злаки, и последующим развитием гангренозной формы заболевания *ignis sacer* или «святой огонь». Иное объяснение недугу дают сами жители средневекового города. Как сообщает летописец, болезнь была принесена бесами и «навьями» (мертвецами), которые активно заражали тех, кто выходил на улицу. Эпидемия 1349 года имеет неизвестное происхождение, поскольку в Никоновской летописи содержится лишь краткая запись, констатирующая сам факт поветрия. Наиболее вероятно, что одной из предпосылок ее возникновения были природные катаклизмы и голод. Упоминания о моровом поветрии середины XV века содержатся в одном из писем полоцких горожан к жителям и администрации города Риги. Отсюда становится известно, что болезнь проникла в Полоцк из Риги с возвращающимися купцами. Эпидемия являлась продолжением моров, бытовавших в это время на территории западных городов.*

Ключевые слова: *Полоцк XI–XV вв., эпидемии, моровые поветрия, ignis sacer, чума, история повседневности.*

Введение. На протяжении веков человечество многократно сталкивалось с эпидемиями, вносившими серьёзные изменения в социальную, экономическую и политическую сферу, негативно сказывающимися на демографической ситуации отдельных государств. Широкое распространение болезней и наибольшие утраты претерпевали столицы или города, находящиеся на пересечении главных сухопутных или водных путей. Особую роль играли факторы активной мобильности и миграции населения. Одним из таких городов был Полоцк. Будучи центром княжества и его главным торгово-экономическим пунктом, город зачастую становился местом распространения заразных болезней. Эпидемии возникали ввиду экологических, экономических, военно-политических, демографических причин. Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать наиболее известные случаи эпидемий, имевших распространение в городе Полоцке в XI–XV вв.

Основная часть. Согласно летописям, в начале XI в. в Полоцке утвердилась местная княжеская династия потомков Изяслава Владимировича – сыновья Брячислав Изяславович и Всеслав Изяславович. Территория Полоцкой земли в XI–XII вв. доходила до Рижского залива (включая города Кукейнос и Герцике) и объединила города Минск, Витебск, Друцк, Лукомль, Заславль (Изяславль), Логойск, Браслав, Борисов, Орша и др. Сам Полоцк являлся «старшим» городом области [7, с. 12]. Выгодное расположение Полоцка на берегу Западной Двины (ответвление крупнейшего торгового сообщения Киевской Руси – «путь из варяг в греки»), способствовало активному развитию экономических связей. Однако изначально торговля на внутреннем рынке была более значима, чем на внешнем, поэтому изготовленные в городе товары предназначались для продажи в волости. В свою очередь, из сельской местности в Полоцк доставлялись продукты питания и сырье для ремесла [13, с. 373]. Согласно Г.В. Штыхову, в Полоцке XI–XIII вв. было развито кузнечное, литейное, кожевенное, гончарное, деревообрабатывающее, косторезное, камнетесное дело, стекольное производство [12, с. 56, 63, 72, 80, 88, 95]. В XI–XII вв. на территории города могло проживать около 4 тыс. человек [11, с. 89].

В конце XI века Полоцким княжеством правил князь Всеслав Брячиславович, также известный как Всеслав Чародей. К этому же периоду относится первое упоминание об эпидемии в городе (1092 г.). Согласно Лаврентьевскому списку: *«В лето 6600. Предивно бысть в Полоцьке в мечте, бываше в ноци тутен, станяше по улицы, яко человеци рицюще беси; аще кто вылезаше ис хоромины, хотя видети, абье уязвен будяще невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хором; посем же начаша в дне являтися на коних, и не бе их видети самих, но конь их видети копыта; и тако уязвляху люди Полоцкия и его область; тем и чловеци граголаху: яко навье бьють Полочаны. Се же знаменье поча быти от Дрьютьска»* [9, с. 92]. Летописец указывает на необычное в это время небесное знамение, предзнаменующее эпидемию – *«яко круг бысть посред неба превелик»*, и аномальную засуху – *«яко изгараше земля, и мнози борове взгарахуся сами и болота»* [9, с. 92].

Далее следует запись об эпидемии в Киеве, распространившейся в этом же году: *«В си же времена мнози чловеци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты (кресты – прим. автора), яко продахом корсты от Филипова дне до мясопуста 7 тысячь. се же бысть за грехы наша, яко умножилися греси наши и неправды. се же наведе на ны Бог, веля намъ имати покаянье и встягнути ся отъ греха, и отъ зависти, и отъ прочих злых дел неприязни»* [9, с. 92]. Как указывает Е.П. Борисенков, в XI в. в Киеве проживало около 50 тыс. жителей, из которых, с середины ноября 1092 г. по февраль 1093 г., погибло около 15% [2, с. 77]. По мнению В. Эккермана, эпидемия имела непосредственную связь с мором в Полоцке и повальными болезнями в Западной

Европе (1087 и 1094 гг.). Исследователь высказывает предположение о происхождении эпидемии, связывая ее с распространившейся в то время в Италии, Франции, Испании и Германии, болезнью – *ignis sacer* или «святой огонь». Среди проявлений заболевания выделяют судороги, воспаление и гангренозное поражение частей тела. Автор утверждает, что развитие *ignis sacer* могло быть связано с широким распространением *secale cornutum* или спорыньи [15, с. 3–4]. Эта же теория происхождения эпидемии озвучена в историко-медицинском исследовании второй половины XX в. «История эпидемий в России» (К.Г. Васильев, А.Е. Сегал) [3, с. 22].

Согласно современным биологическим исследованиям, заболевание под названием «огонь Святого Антония» развивалось вследствие отравления алкалоидами спорыньи. Случаи течения болезни, относящихся к Средневековью, описываются как ощущение горения рук и ног, сильные конвульсии, судороги, потеря сознания и галлюцинации. Затем следовала гангрена конечностей, почернение пальцев рук, как будто они были сожжены невидимым огнём [14, с. 5]. Однако население Полоцка конца XI в. связывало случившееся с появлением в городе сверхъестественных сил в лице неуловимых бесов и мертвецов – «...яко человеци ршцующе беси», «...и человеци глаголаху: яко навье быють Полочаны» [9, с. 92].

Начало XIV в. для Полоцкой земли ознаменовалось натиском со стороны ливонских немцев, которые, по предположению В.А. Воронина, могли ненадолго занять город. Это способствовало изменениям в политической жизни Полоцка и характеризовалось потерей авторитета княжеской власти и возвышению местного духовенства. В итоге, в данный период Полоцк – это феодально-теократическая республика, с православным епископом во главе. Тем не менее, к 1320-м гг. княжеская власть в городе была восстановлена, но авторитетные позиции епископа и в дальнейшем были высоки [5, с. 220].

С середины XIII в. Полоцкие земли начали постепенно интегрироваться в состав Великого Княжества Литовского. С начала XIV в. регион поочередно возглавляли брат великого литовского князя Гедемина – Воишь, сын Гедемина – Наримонт (Глеб) и сын великого литовского князя Ольгерда – Андрей. Это было непростое время для города и региона в целом. Наступательная политика литовских князей Гедемина и Ольгерда в отношении восточных регионов, военные столкновения с рыцарями-крестоносцами Тевтонского ордена и внутренняя борьба за власть в ВКЛ, все это негативно сказалось на развитии города и региона [5, с. 219, 221]. Торговые отношения, развивавшиеся между Полоцком и соседними регионами в XIV веке, имели сходные черты с предыдущим историческим периодом. Товар не отличался разнообразием – з Западу в город привозились соль и соленая рыба, ткани, металлы и изделия из них, вино, пиво и специи. Из русских земель в Полоцк доставлялись меха и воск [4, с. 392]. О ремесленной деятельности горожан XIV–XV вв. собрано небольшое количество материала, что объясняется Д.В. Дуком отсутствием строительных горизонтов того времени. Однако обнаружение в ходе археологических раскопок 2003 г. на территории кадетского корпуса фрагментов костерезной мастерской, позволяет утверждать об активной деятельности ремесленников этого направления [6, с. 123].

К середине XIV века относятся первые упоминания о самой смертоносной в истории человечества пандемии – чумы или «черной смерти». Ей предшествовали такие природные катаклизмы и бедствия, как сильные ливни в Южной и Западной Европе (1331 г.), неурожай в Ирландии, сильные засухи и голод в Китае, наводнения в европейских странах (1324 г.). Среди других предпосылок можно отметить войны, разорявшие Европу и провоцировавшие скопление людей в городах, антисанитарное состояние самих городов. На Руси продолжались набеги татаро-монгольского ига, княжеские междоусобицы, войны и голод [3, с. 26]. В 1330-е гг. возникшая эпидемия покинула изолированные регионы Центральной Азии и проникла на Запад, к середине 1340-х гг. появившись в его восточных регионах [16, р. 4]. Спустя некоторое время, чума распространилась по Сицилии, а в конце 1347 г. – по всей Италии. Позже проявилась в Далмации, Венеции, Флоренции, Тоскане. Продолжая двигаться на север, эпидемия достигла Англии, Германии и Австрии. В Восточную Европу чума переместилась на север с Балкан и Венгрии, на восток от Рейна. Попав на территорию прибалтийских стран, «черная смерть», переносимая через водные и сухопутные пути, была занесена в скандинавские города [17, р. 44–45]. В целом в Европе жертвами чумы XIV в., по данным разных источников, стали от 15 до 45 млн. человек [3, с. 27; 17, р. 45].

Летописные упоминания о чуме на Руси относятся к 1352 году: «В лето 6860. Того же лета бысть мор во Пскове силен зело и по всей земле Псковской; сице же смерть бысть скоро: храхнет человек кровию, и в третий день умираше, и быгша мертвыи всюду. Того же лета бысть мор сялен зело в Новограде и по всей земле Новгородской. Того же лета бысть мор силен зело в Смоленске, и в Киеве, и в Чернигове и в Суждале, и во всей земле Русской смерть люта, и напрасна и скоро; и бысть страх и трепет велий на всех человецах. В Глухове же тогда ни един человек не остана, вси измроша; сице же и на Белозере» [10, с. 223–224].

Достоверных летописных сведений о чуме в это время в Полоцке не сохранилось. В Никоновской летописи под 1349 г. кратко упоминается эпидемия неизвестного происхождения: «В лето 6857. Того же лета мор бысть на люди в Полотске» [10, с. 221]. Однако маловероятно, что это была вышеупомянутая эпидемия «черной смерти», скорее мор был связан с природными особенностями и недородом. Как отмечает С.И. Бараш, в 1349 г. зима в северо-западном регионе Руси была холодной, снежной, а весна – влажной и теплой. Лето выдалось дождливое, сам год голодный [1, с. 131]. По мнению В.А. Воронина, эпидемия «черной смерти» все же имела место в Полоцке, т.к. этому способствовали географическое расположение и торгово-экономические связи города [5, с. 221].

К XV в. Полоцк превращается в главный торговый город всей северной части ВКЛ. В этот же период наблюдается усиление роли полоцких местечей, во владении которых находились обширные территории Полоцких земель. Горожане являлись серьёзной военной силой, в преимуществе которых была более быстрая мобилизация в сравнении с бояре-шляхтой, проживающей в селах. Позже полоцкие мещане окажут влияние на развитие

событий в гражданской войне 30-х гг. XV в. Поддержка великого князя Свидригайло полочанами привела к осаде и сдаче города Сигизмунду Кейстутовичу в 1436 г. С середины XV в. наступило мирное и благоприятное время для развития города [5, с. 224–225]. В XV в. Полоцк продолжает поддерживать активные торговые связи с Ригой и Ливонским орденом, Новгородом, Псковом, Москвой, Тверью и другими городами. Однако в это же время существенными препятствиями для торговых отношений со странами Прибалтики являлись соперничество между Ригой и Ливонским орденом и агрессия по отношению к Полоцку со стороны немецких рыцарей [7, с. 20–21]. В течение XV в. Полоцк постепенно прекратил торговлю мехами, вместо этого вывозились лес и продукты его переработки, хлеб, лен и пенька [4, с. 393]. В город ввозились ткани, бумага, сельдь, вино, пряности, соль, металлы и готовые ремесленные изделия из них [7, с. 23]. Согласно С.В. Тарасову, в XV–XVI вв. на территории города проживало около 35 тыс. человек [11, с. 91].

К середине XV в. относится следующее упоминание о моровом поветрии в Полоцке. Сведения об эпидемии содержатся в сборнике документов «Полоцкие грамоты III – начала XVI в.» под названием «1465 г. января 12. Полоцк. Послание полоцких мещан и «всего посольства» бурмистру, совету и «всем мещанам» г. Риги с сообщением о прекращении эпидемии и с предложением возобновить торговлю» и гласят о следующем: «А такоже здес(е) появилось было поветрие на люди, на тых, которыи оу вас оу Ризе были, кормники и тяглеци, ино иныи на дорозе померли, а иныи, которыи оу город пришли, ино и на тых было. А н(ы)не оуже дал Б(о)г, тое поветрие оуналося, от Б(о)жья Нароженья и до сих мест оу нас того нет, Б(о)г помиловал» [8, с. 280–281]. Из текста сообщения можно понять, что эпидемия распространилась в город из Риги, вместе с возвращающимися по Двине полочанами. Некоторые из них умерли еще по дороге домой, остальные по прибытию в город имели признаки болезни и могли заразить других жителей Полоцка. Точная дата начала эпидемии неизвестна, однако авторы послания указывают дату ее окончания – «поветрие оуналося, от Б(о)жья Нароженья», т.е. после 25 декабря 1464 года.

Если обратить внимание на эпидемиологическую ситуацию в западных регионах, то становится понятно, что болезнь, прибывшая в Полоцк из Риги, является продолжением моров, бытовавших в соседних странах. В книге «Mór w Polsce w wiekach ubiegłych» авторства Ф. Гедройца приводятся факты распространения заразной болезни во множестве западных городов, в том числе поветрие было зафиксировано в Пруссии – «Powietrze w ten czas srogie w Prusiech było», Бресте-Куявском – «gdy morowa zaraza poczęła się coraz bardziej wzmaczać w Brześciu (Kujawskim), król Kazimierz wyjechał stamtąd do Kłodawy», Познани и Вехове – «w wielu okolicach Wielkiej Polski, jako to w Poznaniu, Wschowie i stronach przyległych wielkie czyniła spustoszenie», Вильнюсе – «Tegoż roku (1464) był mór w Wilnie». В последующие годы моровые болезни не прекращались, фиксировались с 1464 по 1467 года и затрагивали как города Польского государства, так и соседние регионы [18, с. 45–46].

Заключение. Таким образом, согласно письменным источникам, в Полоцке в период с XI по XV вв. эпидемии были зафиксированы в 1092, 1349 и 1464 гг. Причина распространения заразной болезни в 1092 г. видится учеными в массовом отравлении спорыньей и последующим развитием гангрены конечностей, именованной *ignis sacer* или «святой огонь». В свою очередь, летописец акцентирует внимание на рыщущих по городу бесах и «навьях», которые несли недуг в город и активно его распространяли среди жителей Полоцка. Данное описание является ярким примером представлений о болезни и ее восприятии средневековым человеком.

О распространявшейся в Полоцке эпидемии в 1349 году сохранилось мало информации. Краткая запись в Никоновской летописи лишь указывает на факт ее существования. Наиболее вероятными причинами появления мора можно считать влияние природных катаклизмов и возникновение голода. Эпидемия «чёрной смерти» или чумы приходит на земли Руси спустя несколько лет и, по мнению историков, распространяется среди населения Полоцкой земли.

Описание поветрия, случай которого был зафиксирован в письме полочан к жителям Риги в 1464 году, повествует о том, что болезнь была завезена на Полоцкие земли по водному торговому пути из Риги и попала в город с заразившейся еще в прибалтийском городе командой судна. Послание имело четкую цель – сообщить рижанам о прекращении эпидемии в Полоцке и восстановить прервавшиеся торговые связи. Изучение исторического контекста позволило предположить, что эпидемия являлась частью заразных болезней, которые были распространены в странах Запада в 1464 – 1467 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бараш, С.И. История неурожая и погоды в Европе / С.И. Бараш. – Л. : Гидрометеиздат, 1989. – 236 с.
2. Борисенков, Е.П. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. / Е.П. Борисенков, В.М. Пасецкий. – Л. : Гидрометеиздат, 1983. – 239 с.
3. Васильев, К.Г., История эпидемий в России / К.Г. Васильев, А.Е. Сегал. – М. : Медгиз, 1960. – 397 с.
4. Воронин, В.А. Основные тенденции торговли Полоцка во второй половине XII–XVI вв. / В.А. Воронин // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в X IV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н. Левко [и др.] ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О.Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 387–396.
5. Воронин, В.А. Полоцк в составе Великого Княжества Литовского / В.А. Воронин // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в X IV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и

- торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н. Левко [и др.] ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О.Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 219–232 с.
6. Дук, Д.У. Полацк і палачане / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.
 7. Полоцк: исторический очерк / АН БССР, Институт истории; редкол.: П.Т. Петриков [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1987. – 320 с.
 8. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / сост. А.Л. Хорошкевич. – М. : Университет Д. Пожарского, 2015. – Т. 1. – 864 с.
 9. ПСРЛ. – Т. 1.: Лаврентьевская и Троицкая летописи / Сост. Археограф. комиссией. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1846. – 267 с.
 10. ПСРЛ. – Т. 10.: Патриаршая или Никоновская летопись / Сост. Археограф. комиссией. – СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1885. – 244 с.
 11. Тарасаў, С.В. Полацк IX–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія / С.В. Тарасаў. – Мінск : Беларуская навука, 1998. – 183 с.
 12. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк (IX – XIII вв.) / Г.В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1975. – 136 с.
 13. Штыхов, Г.В. Торговые пути и связи Полоцкой земли IX–XIII вв. Клады / Г.В. Штыхов, Ш.И. Бектинеев // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в X IV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н. Левко [и др.] ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О.Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 373–379.
 14. Щеклеина, Л.М. Проблема спорыньи злаков (*Claviceps purpurea* (Fr.) Tul.): история и современность (обзор) / Л.М. Щеклеина, Т.К. Шешегова // Теоретическая и прикладная экология. – 2013. – № 1. – С. 5–12.
 15. Эккерман, В. Материалы для истории медицины в России / В. Эккерман. – Казань : Тип. В.М. Ключникова, 1884. – 55 с.
 16. Byrne, P. Daily life during the Black Death / P. Byrne. – London : Greenwood Press, 2006. – 326 p.
 17. Byrne, P. Encyclopedia of the Black Death / P. Byrne. – Oxford : ABC-CLIO, 2012. – 429 p.
 18. Giedroyc, Fr. Mór w Polsce w wiekach ubiegłych (zarys historyczny) / Fr. Giedroyc. – Warszawa : Kronica lekarska, 1899. – 140 s.

Поступила 26.12.2022

**BYST KAZN NA POLOCHANAKH»:
ON THE HISTORY OF THE SPREAD OF PESTILENCE IN POLOTSK 11th – 15th CENTURIES**

D. GRITSKEVICH

The article presents the results of a study of written sources in order to identify references to cases of epidemics that took place in the city of Polotsk in the 11th–15th centuries. The study contains a detailed analysis of three episodes of mass spread of infections in the city in 1092, 1349 and 1464.

The most common explanation for the outbreak of the epidemic in 1092 is the poisoning of the city's population with a parasitic fungus affecting cereals, and the subsequent development of a gangrenous form of the disease ignis sacer or "holy fire". Another explanation for the disease is given by the inhabitants of the medieval city themselves. According to the chronicler, the disease was brought by demons and "navi" (dead), who actively infected those who went outside. The epidemic of 1349 has an unknown origin, since the Nikon Chronicle contains only a brief entry stating the very fact of the plague. It is most likely that one of the prerequisites for its occurrence was natural disasters and famine. References to the pestilence of the middle of the XV century are contained in one of the letters of Polotsk citizens to the residents and administration of the city of Riga. From here it becomes known that the disease entered Polotsk from Riga with returning merchants. The epidemic was a continuation of the pestilences that existed at that time on the territory of western cities.

Keywords: Polotsk XI – XV centuries, epidemics, pestilence, ignis sacer, plague, history of everyday life.

УДК 94(476)''1911''

**ОТНОШЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
К ВВЕДЕНИЮ ЗЕМСТВ В ВИТЕБСКОЙ, МИНСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ****Е.И. ГОЛОВАЧ***(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

В статье раскрываются позиции членов местных отделов либеральных и правомонархических партий по вопросу введения земских учреждений в Витебской, Минской и Могилевской губерниях в 1911 г. Представители политических партий осознавали необходимость и важность создания органов земского самоуправления на территории белорусских губерний. Автор приходит к выводу, что они принимали активное участие в обсуждении различных аспектов, связанных с принятием соответствующего законопроекта Государственной думой Российской империи.

Ключевые слова: *политические партии, либеральные и монархические партии, земство, земские органы самоуправления, Государственная дума, законопроект, курии, белорусские депутаты.*

Введение. Земская реформа 1864 г. не получила распространения на территории Беларуси, что негативным образом сказывалось на социально-экономическом развитии края. Проекты Положений о земстве в западных губерниях, разработанные во второй половине XIX века, были отклонены Государственным советом, и только в начале XX в., когда произошли существенные изменения в общественно-политической жизни Российской империи, стало возможным формирование системы выборного земского самоуправления на территории белорусских губерний.

Основная часть. 14 марта 1911 г. вступил в силу указ Николая II «Положение о земских учреждениях 1890 года», по которому в Витебской, Волынской, Киевской, Минской и Могилевской губерниях создавались местные органы самоуправления. Положение 1890 г. было введено с существенными изменениями, которые были вызваны «потребностью обеспечения в земском управлении справедливых интересов русского населения в соответствии с заветами истории и принадлежащим сему населению первенствующим в этом крае значением» [1, с. 98]. Внесение изменений было обусловлено в первую очередь составом местного населения, представленном белорусами, поляками и др. национальностями [2, с. 81]. В Российской империи официально существовало понятие триединого русского народа, включавшего в себя русских, украинцев и белорусов. Под русским населением понимались белорусские крестьяне, чиновники, православные помещики.

Реализация проекта местного самоуправления привлекла внимание представителей местных отделов общероссийских либеральных и правомонархических партий, которые со страниц периодических изданий, думской трибуны пытались донести до общественности свою точку зрения по данному вопросу. Следует отметить, что законопроект «О применении положения о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г. в губерниях Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской» был внесен на рассмотрение III Государственной думы 11 марта 1911 г. по инициативе фракции «Союз 17 октября». Свои подписи под ним поставили 164 депутата, среди которых 18 являлись представителями белорусских губерний:

– Витебская губерния – В.Г. Амосенок (русский националист), П.Г. Доппельмайер (октябрист), Н.Н. Евреинов (октябрист), М.К. Ермолаев (русский националист), А.П. Сапунов (октябрист);

– Гродненская губерния – И.В. Войтюлик (русский националист), В.Л. Гаврилук (русский националист), В.К. Тычинин (русский националист), Б.С. Янушкевич (русский националист);

– Минская губерния – К.Т. Ермольчик (русский националист), А.Ф. Кучинский (русский националист), А.Н. Наливайко (умеренно-правый), И.Я. Павлович (русский националист), С.И. Соловьевич (русский националист), А.И. Юркевич (умеренно-правый), В.А. Якубович (русский националист);

– Могилевская губерния – Н.Н. Ладомирский (русский националист), К.Ф. Томашевич (русский националист) [3, с. 239–240].

Депутаты от белорусских губерний, выступившие в поддержку принятия законопроекта о введении земств в Северо-западном крае, были членами «Союза 17 октября» и Всероссийского национального союза (ВНС).

За год до депутатского проекта, 20 января 1910 г. П.А. Столыпин внес в Думу правительственный законопроект о введении земских учреждений в 6 западных губерниях. 25 января этот законопроект был передан в комиссию по местному самоуправлению, а также в финансовую комиссию [4, с. 158]. Рассмотрев законопроект, думская комиссия поставила на голосование вопрос о возможности применения земского положения в западных губерниях, однако результаты голосования оказались неожиданными, так как большинством голосов (23 против 18) земское положение было отвергнуто. Правые и русские националисты голосовали против принятия законопроекта.

Главную роль в комиссии играли члены «Союза 17 октября», которые заявили о том, что в целом поддерживают основную идею правительственного законопроекта. Ее суть заключалась в том, чтобы земство в западных губерниях находилось в руках русских, а не поляков. По рассматриваемому законопроекту определение числа гласных осуществлялось по двум признакам: 1) ценность недвижимого имущества и численность населения каждой национальности; 2) деление на две самостоятельные избирательные курии – русскую и польскую.

Значительным большинством голосов был принят только один признак для определения числа гласных – ценность недвижимого имущества. Последствием принятия такого решения явилось значительное увеличение численности поляков среди земских гласных. В качестве примера можно привести Минскую губернию, в которой число гласных увеличивалось с 16% до 27% [5, с. 209]. Следует отметить, что в этом пункте против правительственного законопроекта голосовали некоторые русские националисты. Шесть членов комиссии, из которых двое были представителями белорусских губерний (И.Я. Павлович – русский националист, Минская губерния; А.С. Вераксин – правый, Виленская губерния) высказались против несправедливого и неестественно высокого процента гласных польского происхождения [5, с. 209]. На заседании 23 марта 1910 г. думская комиссия отвергла не только все предложения правительства, но и предложения членов комиссии, которые заключались в том, чтобы предоставить достаточное представительство лиц русского происхождения в составе земских органов самоуправления. Итогом заседания стало принятие решения о том, что земство в лице земских собраний и председателей земских управ должно самостоятельно определять состав земского служилого элемента в национальном отношении [6, с. 211].

27 марта 1910 г. происходило голосование членов комиссии по местному самоуправлению по первой статье законопроекта, которая касалась введения в действие Положения о губернских и земских учреждениях в 6 западных губерниях с 1 июля 1910 г. При этом русские националисты и правые голосовали против принятия этой статьи. Поддерживая в целом идею создания земских органов самоуправления в западных губерниях и выступая за существенное преобладание русского населения в распорядительных и исполнительных органах земства, члены комиссии в то же время пришли к выводу, что содержание статей рассматриваемого законопроекта позволит «такому земству недостаточно обеспечивать русские интересы» [7, с. 227–228].

Изменения в правительственном законопроекте вызвали протест среди местного населения Северо-Западного края. Так, представители Витебской, Минской и Могилевской губерний выражали опасение, что правительственный законопроект в том виде, в котором он сейчас рассматривается, может принести огромный вред «русскому делу в крае, не только ослабив влияние русских людей и русской культуры, но и подняв значение экономически и культурно-сильных там поляков» [8, с. 266]. Кроме того, в этот период на страницах периодических изданий размещалось значительное количество статей, авторы которых свидетельствовали о том, что польские помещики притесняют русское население, захватили всю землю и остаются до сих пор «враждебно настроенными к России и русской государственности» [9, с. 205]. Так, из Вильно был отправлен протест русских общественных деятелей, которые отмечали, что в Северо-Западном крае происходит ополячивание местного населения. Виленские представители высказывали опасение, что с появлением земств произойдет не умиротворение края, а наоборот будет наблюдаться «небывалое обострение национальной розни» [9, с. 205].

Несмотря на то, что царское правительство не планировало вводить земские органы власти в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях, местное население названных территорий не осталось равнодушным к этой проблеме. Анализируя ситуацию, сложившуюся в думской комиссии по местному самоуправлению, представители вышеперечисленных партий высказывали мысль о том, что «не нужно нам никакого земства» [8, с. 266]. Так, 23 апреля 1910 г. на повестке дня общего собрания виленского общества «Крестьянин» стоял вопрос о введении земства. Члены общества отмечали, что в крае наблюдается ситуация, когда инородцы преследуют свои собственные интересы с целью укрепления своего положения. В результате среди русского населения подрывается чувство любви к родине и преданности государству. Поэтому позиция общества «Крестьянин» по данной проблеме заключалась в том, что в интересах Российской империи и коренного русского населения «земство в крае должно быть не инородческим, а безусловно русским» [10, с. 271]. Члены общества придерживались точки зрения, что поправки в правительственном законопроекте, сделанные в думской комиссии, недопустимы. Итогом работы общего собрания общества «Крестьянин» стало сформулированное постановление о том, при каких условиях введение земства в крае совместимо с интересами государства и местного русского населения. Данное постановление включало в себя четыре пункта:

- 1) число земских гласных необходимо распределять между русскими и поляками не только по площади землевладения, но и по численности населения каждой народности;
- 2) выборы гласных должны проводиться отдельно от русского и польского населения;
- 3) в земских управах председатель и не менее 2/3 членов обязательно должны быть русскими;
- 4) поляки могут занимать должности вольнонаемных служащих по каждой отрасли хозяйства в количестве не более 6% от общей численности польского населения в крае согласно переписи 1897 г. Однако должности учителей и заведывающих отделами земского хозяйства должны предоставляться исключительно лицам русского происхождения и православного вероисповедания [10, с. 271].

По мнению членов общества «Крестьянин», исходя из интересов края, необходимо внести две важные поправки в правительственный законопроект. Во-первых, предоставить крестьянам белорусских губерний не менее половины мест от общего числа гласных в земских органах самоуправления. Данная поправка объяснялась малочисленностью русских помещиков в белорусских губерниях, а также «преданностью местного крестьянского населения интересам русской государственности» [10, с. 272]. Во-вторых, предоставить крестьянам православного вероисповедания, занимающим какие-либо должности на государственной или общественной службе, с разрешения губернской власти право быть избранными в земства [10, с. 272].

Важной проблемой при обсуждении законопроекта о введении земств в белорусских губерниях являлся вопрос об избирательном цензе. Его размер для группы крупных землевладельцев некоторых губерний составлял

150 десятин. Сторонники снижения ценза предлагали уменьшить его размер хотя бы наполовину. Противники уменьшения ценза высказывали опасение, что в этом случае может возникнуть опасность излишней демократизации земских учреждений, которые «попадут в руки малокультурных или некультурных элементов» [11, с. 66].

В поддержку снижения избирательного ценза выступили члены Витебского русского губернского предвыборного комитета, которые считали, что согласно местным условиям необходимо снизить избирательный ценз для крупных и средних землевладельцев. Председатель местного комитета В.К. Стукалич (октябрист) отправил телеграмму на имя Председателя Совета Министров П.А. Столыпина, в которой он от имени населения Витебской губернии заявил, что выборное земство является «насушной потребностью края» [11, с. 66].

На страницах периодических изданий дореволюционного периода значительное внимание уделялось публикации материалов, касающихся права священнослужителей занимать должности председателей уездных и губернских земских управ. Так, авторы статьи в газете «Полоцкие епархиальные ведомости» придерживались позиции, что духовенство, входящее в состав органов земского самоуправления, может сослужить пользу православию. Данная позиция объяснялась следующим образом: 1) духовенство будет защищать православную часть местного населения от засилия иноверцев; 2) православное духовенство из-за близости к простому народу способно лучше всего понять психологию крестьянской части населения [12, с. 434]. Оживленные прения вызвало обсуждение данной проблемы Святейшим Синодом 13 июля 1911 г. На этот раз приводился аргумент о допустимости с точки зрения церковных канонов священнослужителям избираться в местные органы самоуправления. В результате было принято постановление, согласно которому священники в Северо-Западном крае могли принимать участие в деятельности земства только в качестве гласных [13, с. 447]. Приверженцы такого решения считали, что при совмещении духовными лицами нескольких должностей, они не смогут в полной мере выполнять свои пастырские обязанности. Вместе с тем, занимая какую-либо должность в земских органах управления, духовенство будет находиться в подчиненном положении по отношению к светской власти [13, с. 447].

4 марта 1911 г. Государственный совет, обсуждая законопроект о введении земских учреждений в 6 западных губерниях, отверг статью 6 этого проекта, согласно которой отменялись национальные курии. П.А. Столыпин, поясняя позицию правительства по данному вопросу, высказался о том, что, в западном крае влиятельным слоем населения являются поляки. Именно поэтому поляки получают преобладающее большинство в будущих избирательных собраниях при условии отсутствия дробления на национальные отделения [14, с. 163]. Следует сказать, что этим решением Государственный совет перечеркнул весь смысл правительственного законопроекта.

Отмена национальных курий вызвала активизацию обсуждения данной проблемы местным населением белорусских губерний. Так, члены Минского отдела «Союза 17 октября» и националисты призывали не верить «отвержению курий» и продолжать борьбу против принятия такого решения [15, с. 168–169]. В частности, на имя члена Государственного совета Я.Н. Офросимова от их имени была отправлена телеграмма, в которой высказывалось опасение, что решение законосовещательного учреждения вызовет «не успокоение, а ожесточенную борьбу за право жизни в духе русской истории» [15, с. 168–169]. В свою очередь минские крестьянские депутаты, входившие в состав фракции русских националистов в Государственной думе (К.Т. Ермольчик, А.Ф. Кучинский, А.Н. Наливайко, А.И. Юркевич) отмечали, что, несмотря на провал законопроекта западного земства в Государственном совете, они не теряют надежду на благоприятное решение данной проблемы [15, с. 168–169].

В марте 1911 г. на страницах ряда газет появилась информация о том, что несколько представителей белорусских губерний (М.К. Ермолаев – Витебская губерния; А.Ф. Кучинский – Минская губерния; И.В. Войцюлик – Гродненская губерния; А.Н. Наливайко – Минская губерния; К.Т. Ермольчик – Минская губерния; Б.С. Янушкевич – Гродненская губерния) вышли из состава фракции русских националистов в Государственной думе. Белорусские депутаты высказывали свою обиду по отношению к русскому дворянству, представители которого в Государственном совете объединились с поляками и проголосовали за принятие поправки, отменяющей национальные курии [16, с. 191].

Таким образом, законопроект о введении земства в 6 западных губерниях был одобрен Государственной думой, но 11 марта отклонен Государственным советом. В этот же день по решению Николая II был издан Высочайший указ, который объявлял перерыв в деятельности законодательных учреждений в период с 12 по 15 марта. 14 марта 1911 г. российский самодержец принял Высочайший указ, согласно которому рассматриваемый законопроект получил силу закона [4, с. 158].

Заключение. Подводя итоги, можно отметить, что введение органов земского самоуправления в Витебской, Минской и Могилевской губерниях осуществлялось на основе «Положения о земских учреждениях 1890 года», в которое были внесены существенные изменения. На рассмотрение представительного учреждения Российской империи поступило два законопроекта – от правительства и от фракции «Союз 17 октября». По сути оба проекта не содержали существенных отличий, кроме того, что октябристский законопроект выделялся большей детализацией. Важное внимание разработке и принятию законопроекта, предусматривавшего введение органов земского самоуправления в белорусских губерниях, уделяли в своей деятельности члены местных отделов либеральных и монархических партий. Наибольшую активность в решении данного вопроса проявляли октябристы и русские националисты, которые настаивали на корректировке правительственных инициатив, в первую очередь связанных с увеличением представительства «русской» части населения в органах местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаптева, Л.Е. Земские учреждения в России / Л.Е. Лаптева. – М. : ИГПРАН, 1993. – 133 с.
2. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. – СПб. : Гос. тип., 1912. – Ч. II: Законодательная деятельность. – 715 с.
3. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв III. Сессия IV. 1910–1911 гг. – СПб. : Гос. тип., 1911. – 2036 с.
4. Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: документы и материалы / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. – М. : Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. – 768 с.
5. П. Б. Законопроект о земстве западных губерний в комиссии Государственной думы / П. Б. // Окраины России. – 1910. – 3 апр. – С. 209–211.
6. Особое мнение 24 членов думской комиссии правых и националистов по вопросу о составе земских управ и земских служащих в западных губерниях // Окраины России. – 1910. – 3 апр. – С. 211–212.
7. Мотивы голосования членов комиссии по местному самоуправлению правых и националистов по ст. I законопроекта о введении земства в шести западных губерниях // Окраины России. – 1910. – 23 апр. – С. 227–228.
8. П. К. Два законопроекта / П. К. // Окраины России. – 1910. – 1 мая. – С. 265–267.
9. Обзор печати // Окраины России. – 1910. – 27 марта. – С. 205.
10. Обзорение событий и окраинная жизнь // Окраины России. – 1910. – 1 мая. – С. 271–272.
11. П. К. К вопросу о введении земских учреждений в Юго и Северо-Западных губерниях / П. К. // Окраины России. – 1911. – 29 янв. – С. 65–67.
12. Обзор печати // Окраины России. – 1911. – 16–23 июля. – С. 434.
13. Хроника // Окраины России. – 1911. – 30 июля – 6 августа. – С. 445–451.
14. Речь П.А. Столыпина в Государственном совете 4 марта // Окраины России. – 1911. – 12 марта. – С. 163.
15. Отзывы из Западного края по поводу отмены национальных курий // Окраины России. – 1911. – 12 марта. – С. 168–169.
16. Обзор печати // Окраины России. – 1911. – 19 марта. – С. 191.

Поступила 22.12.2021

**THE ATTITUDE OF LIBERAL AND RIGHT-MONARCHIST PARTIES
TO THE INTRODUCTION OF ZEMSTVO INSTITUTIONS IN VITEBSK,
MINSK AND MOGILEV PROVINCES**

E. GOLOVACH

The author of the article analyzes the positions of members of local departments of liberal and right-monarchist parties on the introduction of zemstvo institutions in Vitebsk, Minsk and Mogilev provinces in 1911. Representatives of political parties were aware of the need and importance of creating local self-government bodies on the territory of the Belarusian provinces. The author comes to the conclusion that they took an active part in the discussion of various aspects related to the adoption of the relevant project of law by the State дума of the Russian Empire.

Keywords: *political parties, liberal and monarchist parties, zemstvo, local self-government bodies, the State дума, project of law, curias, byelorussian deputies.*

УДК 392:273.2(476.5)

**СТАРАВЕРЫ ЗАХОДНИХ БЕЛАРУСКИХ ЗЕМЛЯЎ У 1920 – 1930-я гг.:
СПЕЦИФИКА РАССЯЛЕНИЯ І ДЫНАМІКА КОЛЬКАСЦІ***канд. гіст. навук, дацэнт У.Я. АЎСЕЙЧЫК**(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)**ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6433-0039>*

У артыкуле разгледжаны асаблівасці рассялення і прадстаўлены аналіз дынамікі колькасці стараверскага насельніцтва ў 1920 – 1930-х гг. на заходнебеларускіх землях, якія ў гэты час знаходзіліся ў складзе Польшчы. Міжваенны перыяд у польскай дзяржаве быў даволі спрыяльным для развіцця стараверскай супольнасці, значная частка якой якраз і пражывала на тэрыторыі Заходняй Беларусі. У артыкуле вылучаны асноўныя месцы кампактнага рассялення старавераў у рэгіёне, прасочана дынаміка іх колькасці на асобных адміністратыўных адзінках. Крыніцазнаўчую базу даследавання склаў комплекс статыстычных даных, архіўных і апублікаваных матэрыялаў. Прыходзім да высновы, што ў міжваенны перыяд амаль усё стараверскае насельніцтва Заходняй Беларусі было сканцэнтравана ў паўночнай яе частцы (у адпаведнасці з адміністратыўна-тэрытарыяльным падзелам таго часу гэта тэрыторыя Віленскай зямлі, пазней – Віленскага ваяводства). Лідарамі на колькасці стараверскага насельніцтва былі Браслаўскі, Дзісенскі і Свянцянскі паветы. На працягу ўсяго перыяда ў рэгіёне назіраецца ўстойлівае павелічэнне стараверскага насельніцтва, а таксама рост рэлігійных абшчын. У 1920 – 1930-х гг. рэгіён з’яўляўся важным цэнтрам стараверства на беларускіх землях.

Ключавыя словы: *стараверы, этнічныя групы, Заходняя Беларусь, рассяленне, дэмаграфія, этнакультурныя працэсы.*

Уводзіны. Адна з асноўных зон кампактнага рассялення старавераў на Беларусі лакалізуецца ў паўночна-заходняй яе частцы [1]. Стараверскае насельніцтва пачынае перасяляцца на гэтыя тэрыторыі яшчэ з сярэдзіны XVII ст. На працягу наступных стагоддзяў рэгіён адыгрывае істотную ролю ў развіцці стараверства не толькі на беларускіх землях, але і ўвогуле ва Усходняй Еўропе. Ён з’яўляецца адным з асноўных цэнтраў стараверства на беларускіх землях і ў сучасны перыяд: менавіта ў паўночна-заходняй частцы Беларусі знаходзіцца большасць стараверскіх абшчын у наш час.

Нягледзячы на гэта, гісторыя і культурныя традыцыі старавераў заходняга Падзвіння даследаваны дастаткова фрагментарна [2]. Калі яшчэ па гісторыі старавераў рэгіёна XVIII – пачатку XX ст. можна знайсці некаторую інфармацыю ў шэрагу дарэвалюцыйных публікацый (працы П.І. Карэцкага [3], А.А. Станкевіча [4]), манаграфіі А.А. Гарбацкага [5], даследаваннях літоўскага вучонага Г.У. Паташанкі [6], то іх гісторыя ў XX – пачатку XXI ст. вывучана слаба. Абдзялілі ўвагай навукоўцы і перыяд 1920 – 1930-х гг. – адзін з самых спрыяльных этапаў у развіцці стараверскай супольнасці на гэтых землях. У айчынай і замежнай навуцы адсутнічаюць комплексныя работы аб стараверах на заходнебеларускіх землях у міжваенныя гады. У той жа час некаторыя аспекты з гісторыі і культуры гэтай этнаканфесійнай групы былі прадстаўлены ў шэрагу публікацый. Так, сціслую інфармацыю аб асаблівасцях рассялення і традыцыйнай культуры старавераў Браслаўшчыны ў міжваенны перыяд знаходзім у даследаванні О. Хедэмана [7]. Этнограф М. Пецокевіч падрыхтаваў комплексную работу аб традыцыйных рамёствах старавераў Браслаўскага павету [8]. Асобныя аспекты гісторыі і традыцыйнай культуры старавераў Заходняй Беларусі даследавала Т.В. Дабжынская (Трафімава) [9; 10; 11]. Аналізам дзейнасці рускіх арганізацый у Польшчы ў 1921–1939 гг. у сферы культуры займалася В.Р. Швайко [12]. Характарыстыку культурнай і асветніцкай дзейнасці старавераў у Заходняй Беларусі ў 1920 – 1930-я гг. прадставіў А.М. Вабішчэвіч у артыкуле “Грамадска-культурная і рэлігійна-асветніцкая дзейнасць рускіх стараабраднакаў у Польшчы ў 1920 – 1930-я гады” [13]. А ў артыкуле “Старообрядцы как этноконфессиональное меньшинство в Польше (1918–1939 гг.)” даследчык засяродзіў увагу на становішчы старавераў у Польшчы ў міжваенны перыяд [14]. Некаторыя аспекты гісторыі і культуры старавераў Заходняй Беларусі былі разгледжаны і замежнымі вучонымі. Так, польская даследчыца І. Янушэўска-Юркевіч (J. Januszevska-Jurkiewicz) у манаграфіі “Нацыянальныя адносіны ў Віленскім краі ў 1920–1939 гг.” (2010) [15] разгледзела стараверскую супольнасць у рэгіёне. Асноўная ўвага даследчыцы была засяроджана на аналізе ўдзелу стараверскага насельніцтва ў палітычным жыцці краіны. Яна таксама ахарактарызавала гаспадарчую дзейнасць старавераў, прывяла некаторыя статыстычныя даныя. Яшчэ адзін польскі навукоўца С. Пастушэўскі (S. Pastuszevski) прадставіў агульныя рысы развіцця старавераў на заходнебеларускіх землях у міжваенны перыяд [16].

Такім чынам, як вынікае з гістарыяграфічнага аналізу, многія аспекты гісторыі і культуры старавераў Заходняй Беларусі міжваеннага часу так і не былі даследаваны. Сярод важнейшых пытанняў, якія патрабуюць першачарговай увагі, – выяўленне асаблівасцей рассялення старавераў у межах рэгіёна, а таксама аналіз дынамікі іх колькасці. Дадзены артыкул якраз і скіраваны на вырашэнне гэтых задач.

Храналагічныя рамкі даследавання ахопліваюць 1920 – 1930-я гг. Гэты перыяд лічыцца дастаткова спрыяльным ў развіцці стараверскай супольнасці ў паўночна-заходняй частцы Беларусі. У якасці рэгіёна даследавання

абрана тэрыторыя Заходняй Беларусі, якая ў адзначаны перыяд знаходзілася ў складзе Польшчы. Зыходзячы з асаблівасцей рассялення старавераў на гэтых землях, тэрытарыяльны межы даследавання будучь ахопліваюць толькі паўночную частку рэгіёна. У адпаведнасці з адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам 1920 – 1930-х гг. у рэгіён даследавання будучь уваходзіць беларускія землі Віленскага ваяводства (да 1925 г. мела назву Віленская зямля). Крыніцамі даследавання стаў комплекс статыстычных даных, архіўных і апублікаваных матэрыялаў.

Асноўная частка. Найбольш раннія звесткі аб колькасці старавераў у заходняй і цэнтральнай Беларусі пасля Першай сусветнай вайны дае перапіс насельніцтва, праведзены ў снежні 1919 г. на т.зв. “усходніх землях Польшчы”. Гэтыя тэрыторыі ў той час знаходзіліся пад кіраўніцтвам Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх земляў (Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich). Беларускія землі былі ўключаны ў тры акругі: Віленскую (Віленскі, Троцкі, Ашмянскі, Свянцянскі, Лідзкі, Гродзенскі, Навагрудскі, Браслаўскі, Дзісенскі паветы), Брэсцкую (Брэсцкі, Ваўкавыскі, Пружанскі, Слонімска, Кобрынскі, Пінскі, Мазырскі паветы), Мінскую (Мінскі, Бабруйскі, Барысаўскі, Слуцкі і Ігуменскі паветы) (малюнак 1). Адною з галоўных задач ГУУЗ была падрыхтоўка да ўсталявання польскай дзяржаўнасці на падкантрольных тэрыторыях, а для вырашэння дадзенай задачы неабходным лічылася вызначэнне структуры насельніцтва, якое там пражывала [17, s. 64]. Па гэтай прычыне і быў праведзены перапіс насельніцтва на гэтых землях. Некаторыя яго даныя былі апублікаваны яшчэ ў 1920 г. [18], але большасць захоўваецца ў архівах. Шэраг матэрыялаў перапісу знаходзіцца ў Цэнтральнай статыстычнай бібліятэцы ў Варшаве (Centralna Biblioteka Statystyczna) [19; 29]. Пры аналізе даных перапісу трэба мець на ўвазе, што яшчэ ў 1920-я гг. навукоўцы звярталі ўвагу на пэўную фармальнасць пры яго правядзенні. Аднак у асноўным гэтыя заўвагі датычыліся вызначэння этнічнай прыналежнасці насельніцтва, а не канфесійнай [17, s. 73–74].

Малюнак 1. – Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел беларускіх земляў, падначаленых ГУУЗ (1919 – 1920 гг.)

Як вынікае з даных перапісу 1919 г., у межах Віленскай, Брэсцкай і Мінскай акруг налічвалася 33 018 старавераў, што складала каля 0,85% ад усяго насельніцтва гэтых трох акруг (табліца 1).

Табліца 1. – Размеркаванне стараверскага насельніцтва на тэрыторыі, падначаленай Грамадзянскаму ўпраўленню Усходніх земляў (1919 г.)

Акруга	Колькасць старавераў, чал.	Доля ад усяго насельніцтва акругі, %
Віленская	27 224 ¹	1,67
Мінская	5 768	0,53
Брэсцкая	26	–

Крыніца: складзена аўтарам на аснове [19].

¹ Даныя, якія апублікаваў Е. Рамэр па выніках перапісу, некалькі адрозніваюцца. Ён налічыў у Віленскай акрузе 26 698 старавераў [18, s. 30].

З прыведзеных даных бачна, што амаль усё стараверскае насельніцтва пражывала ў межах Віленскай і Мінскай акруг. У Брэсцкай акрузе стараверы былі зафіксаваны толькі ў Мазырскім (19 чал.), Баранавіцкім (3 чал.) і Брэсцкім (4 чал.) паветах [19]. Віленская акруга з'яўлялася лідарам па колькасці стараверскага насельніцтва. У табліцы 2 прадстаўлена яго размеркаванне па паветах акругі.

Табліца 2. – Размеркаванне стараверскага насельніцтва па паветах Віленскай акругі (1919 г.)

Павет	Колькасць, чал.	Доля ад усяго насельніцтва павета, %
Браслаўскі	9 346	11,33
Дзісенскі	9 043	4,68
Свянцянскі	4 930	3,53
Віленскі	1 636	0,89
Г. Вільня	378	0,29
Вілейскі	894	0,42
Лідскі	526	0,28
Троцкі	323	0,35
Ашмянскі	140	0,07
Гродзенскі	8	–
Навагрудскі	–	–

Крыніца: складзена аўтарам на аснове [19].

На тэрыторыі Віленскай акругі найбольшая колькасць старавераў была зафіксавана ў Браслаўскім і Дзісенскім паветах. Браслаўскі павет быў утвораны з часткі былога Новааляксандраўскага павета Ковенскай губерні і Ілукштанскага павета Курляндскай губерні, а таму значная яго частка не ўваходзіць у сучасныя межы Беларусі. У 1920 г. тэрыторыі былога Ілукштанскага павета былі перададзены ў склад Латвіі. Акрамя таго, не ўсе землі былога Новааляксандраўскага павета з'яўляюцца ў сучасны перыяд беларускімі (тэрыторыі Дукшсцкай, Смолваўскай, Рымшанскай гмін знаходзяцца ў складзе Літвы). Уласна з усяго Браслаўскага павета да сучасных беларускіх тэрыторый адносяцца Браслаўская, Відзаўская, Дрысвяцкая, Опсаўская, Плюскай і Слабодкаўская гміны. З падлікаў вынікае, што на беларускія землі прыпадала каля 40% ад усяй колькасці старавераў Браслаўскага павета. Згодна з перапісам 1919 г. гэтая лічба не перавышала 4 тыс. чалавек. У агульным складзе насельніцтва найбольшая доля старавераў налічвалася ў Плюскай, Слабодкаўскай і Дрысвяцкай гмінах (табліца 3). Па колькасці стараверскага насельніцтва гэтыя гміны таксама лідзіравалі (бяруцца да ўвагі толькі сучасныя беларускія землі). Найменшая колькасць старавераў пражывала ў гмінах Опса і Браслаў [18, s. 37].

Табліца 3. – Колькасць стараверскага насельніцтва ў гмінах Браслаўскага павета (1919 г.)

Гміна	Колькасць насельніцтва, чал.	Доля старавераў, %
Браслаўская	10 538	2,4
Відзаўская	7 360	7,2
Дрысвяцкая	5 078	12,2
Опсаўская	7 695	3,9
Плюская	5 644	20,0
Слабодкаўская	9 018	10,2

Крыніца: складзена на аснове [18, s. 37].

Згодна з данымі перапісу 1919 г. лідарам па колькасці старавераў на беларускіх землях быў Дзісенскі павет. Найбольшая колькасць прыхільнікаў старых абрадаў на яго тэрыторыі пражывала ў Перабродскай гміне, тут налічвалася каля 3 тыс. старавераў, што складала 36,9% ад усяго насельніцтва гміны. Істотная колькасць таксама зафіксавана ў Ёдскай (каля 1,5 тыс. чалавек і 11,6% ад усяго насельніцтва), Нова-Пагосцкай (каля 1,3 тыс. чалавек і 15,4% ад усяго насельніцтва), Богінскай (каля 0,8 тыс. чалавек і 9,2% ад усяго насельніцтва), Друйскай (каля 0,65 тыс. чалавек, 7,6% ад усяго насельніцтва), Германавіцкай (каля 0,45 тыс. чалавек, 5,8% ад усяго насельніцтва) гмінах [18, s. 38].

Істотная доля старавераў зафіксавана ў Свянцянскім павеце. Але толькі ў Гадуцішскай (большая яе частка не адносіцца ў сучасны перыяд да беларускіх земляў), Камайскай, Лынтупскай і Свірскай гмінах іх доля ў агульнай структуры насельніцтва была істотнай (бяруцца да ўвагі толькі сучасныя беларускія землі). А ў Вілейскім павеце стараверы пражывалі амаль выключна ў Лучайскай, Манькавіцкай (тэрыторыя сучаснага Пастаўскага р-на) і Хоценчыцкай гмінах (сучасны Вілейскі р-н), але іх колькасць не была вялікай [18, s. 38, 41; 21, № 8].

Больш дакладную, поўную і сістэмную інфармацыю аб колькасці стараверскага насельніцтва, асабліва сяч яго рассялення на тэрыторыі Заходняй Беларусі даюць матэрыялы перапісу 1921 г. Данія аб стараверскім насельніцтве ў паветах Заходняй Беларусі, згодна з перапісам 1921 г., прадстаўлены ў табліцы 4. Пры гэтым трэба адзначыць, што матэрыялы перапісу няпоўна прадстаўляюць дэмаграфічную характарыстыку старавераў на паўночна-заходніх землях Беларусі. Частку Віленшчыны гэты перапіс не ахапіў. Акрамя таго, у навукоўцаў узнікаюць сур'ёзныя сумненні да даставернасці даных, атрыманых у ходзе перапісу.

Табліца 4. – Размеркаванне стараверскага насельніцтва па беларускіх паветах Віленскай зямлі, Навагрудскага, Палесскага і Беластоцкага ваяводстваў (згодна з перапісам 1921 г.)

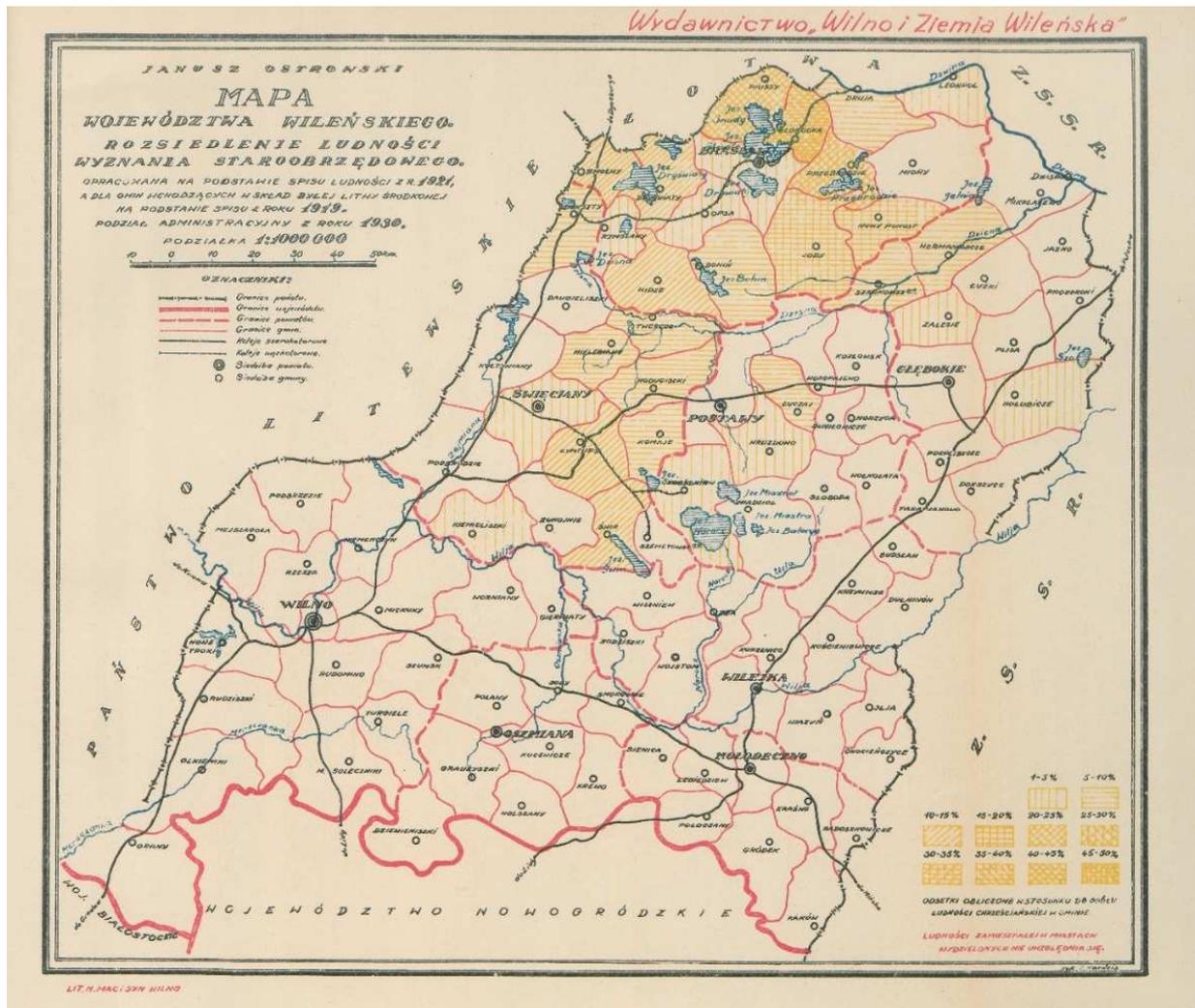
Павет	Колькасць старавераў, чал.	Доля старавераў, %
<i>Віленская зямля</i>		
Дзісенскі	9 638	5,57
Браслаўскі	5 482	8,75
Дунілавіцкі	719	0,64
Вілейскі	178	0,14
Свянцянскі	Перапіс не праводзіўся	
Ашмянскі		
<i>Навагрудскае ваяводства</i>		
Баранавіцкі	67	0,06
Лідскі	21	0,01
Валожынскі	5	–
Навагрудскі	4	–
Стаўцоўскі	2	–
Несвіжскі	1	–
Слонімска	–	–
<i>Палескае ваяводства</i>		
Лунінецкі	16	–
Брэсцкі	2	–
Пінскі	1	–
Драгічынскі	–	–
Кобрынскі	–	–
Косаўскі	–	–
Пружанскі	–	–
<i>Беластоцкае ваяводства</i>		
Гродзенскі	16	–
Ваўкавыскі	–	–

Крыніцы: складзена на аснове: [22, s. VI; 23, s. X; 24, s. X; 25, s. X].

Як бачна з прыведзеных даных, асноўная колькасць старавераў пражывала на тэрыторыі Віленскай зямлі (пазней – Віленскага ваяводства). На іншых беларускіх тэрыторыях, якія ўваходзілі ў склад Польшчы, у пачатку 1920-х гг. прыхільнікаў старых абрадаў пражывала мала. У Навагрудскім ваяводстве зафіксавана толькі 100 чалавек. Пераважная іх колькасць месцілася ў Баранавіцкім і Лідскім паветах (гл. табліцу 4). На тэрыторыі Палесскага ваяводства старавераў налічвалася яшчэ менш. На беларускіх землях ваяводства зафіксаваны толькі 19 чалавек (гл. табліцу 4). З іх 17 пражывала ў гарадах (у Лунінецкі – 15, Брэсце – 2) [24, s. X]. У беларускіх паветах Беластоцкай губерні старавераў амаль не налічвалася: толькі ў Гродзенскім павеце пражывала 16 чалавек (гл. табліцу 4).

У 1931 г. быў апублікаваны дадатак у выглядзе 12 карт да выдання “Wilno i Ziemia Wileńska” [21]. Сярод іх была і карта рассялення стараверскага насельніцтва ў Віленскім ваяводстве (малюнак 2). Яе аўтарам з’яўляецца Януш Астроўскі. Карта складзена на аснове даных перапісу насельніцтва ў 1921 г., а для тэрыторый, якія ўваходзілі ў Сярэдняю Літву – на аснове перапісу 1919 г. Адміністрацыйны падзел на гэтай карце быў прыведзены па стану на 1930 г. На карце паказана доля старавераў ў агульнай колькасці хрысціянскага насельніцтва кожнай з гмін Віленскага ваяводства. Падлікі праведзены без уліку насельніцтва гарадоў [26, s. 146–147], а таму рэальная доля старавераў у агульнай структуры насельніцтва гмін (разам з гарадскім і нехрысціянскім насельніцтвам) была значна меншай, чым гэта паказана на карце.

Лідарам па колькасці стараверскага насельніцтва на тэрыторыі Віленскай зямлі быў Дзісенскі павет. У агульнай структуры яго насельніцтва прыхільнікі старых абрадаў складалі 5,57% (гл. табліцу 4). Колькасцю старавераў у павеце асабліва вылучалася Перабродзкая гміна. На яе тэрыторыі, як вынікае з матэрыялаў перапісу 1921 г., пражывала 3 122 старавераў, што складала 38,18% ад усяго насельніцтва. Стараверскае насельніцтва фіксавалася больш чым у палове яе населеных пунктаў. Лідарамі па колькасці старавераў вылучаліся наступныя: в. Мацяшы (238 старавераў), в. Ніўнікі (226), в. Рудава (196), в. Маляўкі (162), в. Буеўшчына (152), в. Кублішчына (147), в. Запалоссе (130), в. Гайляшы (116), в. Зачарэўе (102), калоніі Іказнь (115) і Калеснікі (104). Значная колькасць старавераў была зафіксавана таксама ў паўночнай і заходняй частках Дзісенскага павета (Ёдская, Нова-Пагосцкая, Богінская, Друеўская, Германавіцкая, Чэрасаўская, Шаркаўшчынская гміны). Ва ўсходніх і паўднёвых землях павета прыхільнікаў старых абрадаў пражывала мала. На гэтай тэрыторыі параўнальна невялікая іх колькасць зафіксавана ў Залескай, Глыбоцкай і Пліскай гмінах. Аднак колькасць населеных пунктаў, дзе яны налічваліся, была зусім малой. Так, у Залескай гміне большая частка старавераў пражывала ў в. Залессе (212 з 307 чалавек). А з 232 прадстаўнікоў старога абраду, якія налічваліся ў Глыбоцкай гміне, 159 чалавек пражывала ў в. Ластавічы. Невялікая колькасць старавераў пражывала ў Лужкоўскай, Мікалаеўскай, Стэфанпольскай і Мёрскай гмінах [22, s. 39–76]. Асноўная маса старавераў павета пражывала ў сельскай мясцовасці. У той жа час у вялікіх населеных пунктах павета старавераў налічвалася вельмі мала. Так, у Дзісне пражывала толькі 10 старавераў, а ў Глыбокім – 13. Пры гэтым у мяст. Друя на 1921 г. налічвалася 207 старавераў [22, s. 39].

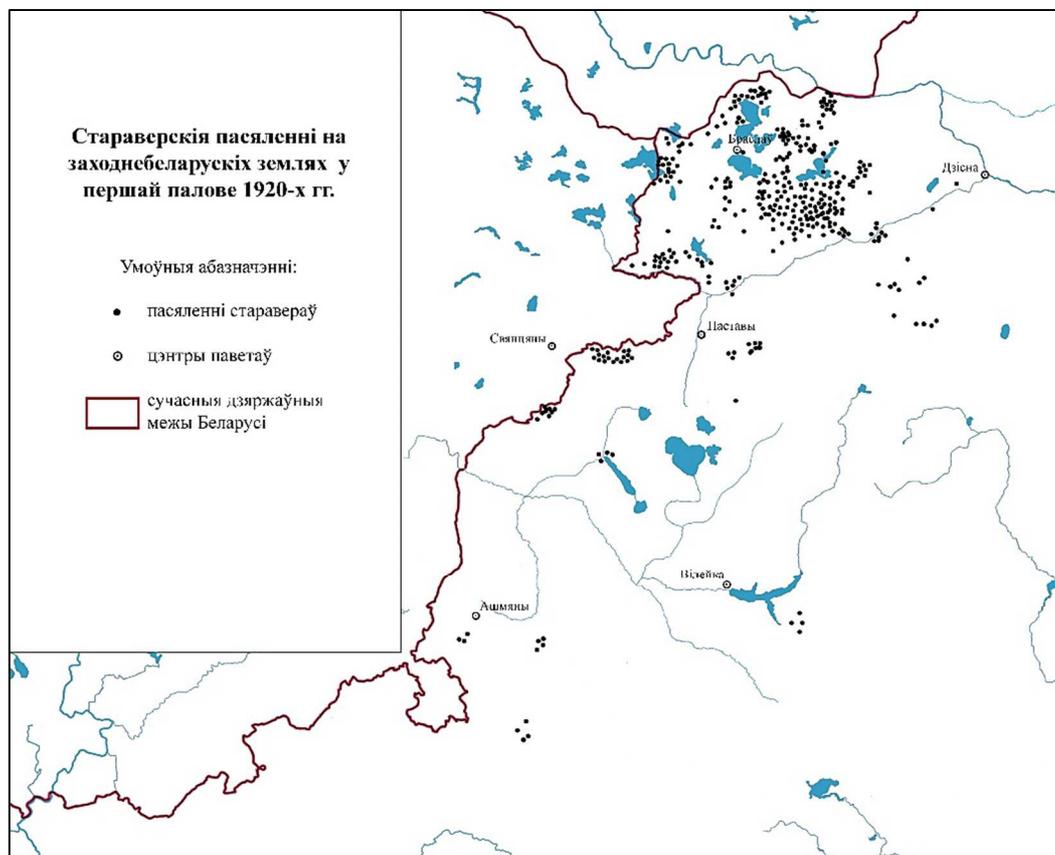
Малюнак 2. – Карта рассялення старавераў на тэрыторыі Віленскай зямлі паводле перапісаў насельніцтва 1919 і 1921 г. (складзена Я. Астроўскім)

Істотная колькасць старавераў зафіксавана ў Браслаўскім павеце. На яго тэрыторыі у 1921 г. пражывала звыш 5 тыс. чалавек, што складала 8,75% ад мясцовага насельніцтва. Матэрыялы перапісу сведчаць аб тым, што прыхільнікі старых абрадаў пражывалі ва ўсіх яго гмінах. На беларускіх землях павета лідарамі па колькасці старавераў былі Плюская, Відзаўская, Слабодкаўская і Дрысвяцкая гміны. Па долі старавераў у агульнай структуры насельніцтва Браслаўскага павета гэтыя гміны займалі лідуючыя пазіцыі. Асабліва вылучалася Плюская гміна. Згодна з перапісам 1921 г. у агульнай структуры яе насельніцтва стараверы складалі 20,92%. У Відзаўскай, Дрысвяцкай і Слабодкаўскай гмінах доля іх была ніжэйшай. Так, у Дрысвяцкай гміне яны складалі 13,29% ад усяго насельніцтва, у Відзаўскай – 12,02%, у Слабодкаўскай – 9,78%. У астатніх беларускіх гмінах павета колькасць старавераў была яшчэ меншай. Так, у Опсаўскай гміне яны складалі 4,03% ад усяго насельніцтва, а ў Браслаўскай гміне – толькі 2,69% [22, s. 3–20]. У гмінах, тэрыторыя якіх не адносіцца да сучаснай Беларусі, старавераў пражывала няшмат [22, s. 7–14]. Як і ў Дзісенскім павеце, пераважная колькасць старавераў сялілася ў сельскай мясцовасці. Іх колькасць у мяст. Браслаў была малой (11 чалавек). Толькі ў мяст. Відзы колькасць стараверскага насельніцтва была больш істотнай і ў 1921 г. дасягнула 200 чалавек [22, s. 7–19]. Сярод лідараў па колькасці старавераў у павеце былі наступныя населеныя пункты: в. Кірыліна (212), калонія Крываселле (180), в. Краснагорка (155), в. Рымуці (154), в. Мікалаюнцы (150), в. Шашкішкі (135), в. Булавішкі (134) [22, s. 3–20].

У пачатку 1920-х гг. Дунілавіцкі і Вілейскі паветы не з’яўляліся лідарамі па колькасці старавераў: на 1921 г. іх доля ў агульнай структуры насельніцтва была невялікай (0,64% – у Дунілавіцкім, 0,14% – у Вілейскім). Па колькасці стараверы саступалі каталікам, праваслаўным і іўдзеям. У Дунілавіцкім павеце стараверы пражывалі амаль выключна ў Лучайскай, Манькавіцкай, Мядзельскай і Пастаўскай гмінах. У Вілейскім павеце стараверскае насельніцтва зафіксавана толькі ў Хоценчыцкай, Ілінскай, Маладзечанскай і Алковіцкай гмінах, але іх колькасць і тут была нязначнай [22, s. 78–94].

Для больш нагляднай карціны і выяўлення асаблівасцей рассялення старавераў на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гг. была складзена карта-схема (малюнак 3), падрыхтаваная на аснове даных перапісу

1921 г., архіўных і апублікаваных крыніц. На ёй пазначаны населеныя пункты, дзе пражывалі стараверы². Паколькі амаль усё стараверскае насельніцтва пражывала ў межах Віленскай зямлі, то і на карце пазначаны толькі гэты рэгіён. Як сведчаць даныя перапісу 1921 г., а таксама іншыя статыстычныя і архіўныя даныя, у беларускіх паветах Навагрудскага, Палескага і Беластоцкага ваяводстваў месцаў кампактнага рассялення старавераў не было.

Малюнак 3. – Карта-схема рассялення старавераў на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гг. (складзена аўтарам)

Як бачна на карце, асноўныя арэалы стараверскіх пасяленняў рэгіёна былі сканцэнтраваны на тэрыторыі Дзісенскага і Браслаўскага паведаў. Пры гэтым у паўночна-ўсходняй і паўднёвай частках Дзісенскага паведа стараверскіх пасяленняў амаль не налічвалася. Стараверы насялялі тэрыторыю паведа на поўнач ад ракі Дзісна, на поўдзень ад ракі іх амаль не налічвалася (толькі пасяленні ў ваколіцах вв. Залессе і Ластавічы на тэрыторыі сучаснага Глыбоцкага р-на). У межах Свянцянскага паведа існавалі тры арэалы рассялення старавераў. Першы займаў паўночна-заходнюю частку сучаснага Пастаўскага раёна, яго цэнтрамі былі в. Апідамы і в. Кукляны. Яшчэ адзін з іх ахопліваў рэгіён у ваколіцах вв. Стрыпішкі, Ляшчынава, Грэчанішкі, Зароўе і інш. (знаходзіцца на самым поўначы Астравецкага р-на Гродзенскай вобл.) і пераходзіў на сучасныя літоўскія землі. Цэнтрам яшчэ аднаго было мяст. Свір (у сучасны перыяд пасёлак у Мядзельскім раёне Мінскай вобласці). У Дунілавіцкім павеце зафіксаваны два невялікія арэалы з цэнтрамі ў в. Захараўшчына і калоніі Лучай. Невялікія арэалы таксама існавалі ў Ашмянскім і Вілейскім паведах. Аналізуючы асаблівасці рассялення старавераў у паўночна-заходняй частцы Беларусі ў 1920-я гг., неабходна адзначыць той факт, што агульная структура арэалаў рассялення засталася такой жа, як і ў другой палове XIX – пачатку XX ст. [1].

На працягу 1920-х гг. стараверы Віленшчыны ўяўлялі сабой дынамічна развіваючыся супольнасць. У немалой ступені гэтаму спрыяла дзяржаўная палітыка польскіх улад: у заканадаўчым плане стараверы не былі абмежаванай групай, яны атрымалі ўсе канстытуцыйныя гарантыі этнічнага і канфесійнага характару. Гэта ў немалой ступені адбілася на дэмаграфічных працэсах у асяроддзі старавераў. На тэрыторыі Віленскай зямлі ў 1923 г. было зафіксавана 30 стараверскіх абшчын, кожная з якіх аб'ядноўвала ад 500 да 2000 прыхажан: у Вільні – 1, у Свянцянскім павеце – 9, у Браслаўскім – 5, у Дзісенскім – 10, у Дунілавіцкім – 2, у Ашмянскім – 1, у Віленска-Троцкім – 2 [27, s. 266]. На працягу першай паловы 1920-х гг. адзначаецца некаторае павелічэнне колькасці старавераў у гэтых паведах. Так, на 1924 г. у Віленскай зямлі пражывала 28 808 прадстаўнікоў культуры, у Дзісенскім павеце – 9 738, Браслаўскім – 5 562, Свянцянскім – 6 829, Дунілавіцкім – 760, Вілейскім – 188 [15, s. 456].

² На карце пазначаны толькі тыя населеныя пункты, дзе колькасць стараверскага насельніцтва перавышала 10 чалавек.

У навуковай літаратуры часам сустракаецца інфармацыя аб значна большай колькасці старавераў на тэрыторыі Віленскай зямлі ў 1920-х гг. Даволі часта [13, с. 105; 14, с. 165; 27, с. 266] сустракаецца лічба ў 60 тыс. чалавек, г.зн. удвая большая чым афіцыйна зафіксавана. Патлумачыць такую колькасць можна даволі прыблізнымі падлікамі, якія ажыццяўляліся ў гэты перыяд. Па ўсёй верагоднасці, такая колькасць старавераў растыражавалася на аснове даных, што прадставіў у 1923 г. у адказ на запыт Міністэрства па справах рэлігіі і народнай адукацыі сакратар стараверскай абшчыны ў Вільні, Барыс Піманаў. Паколькі значная доля інфармацыі аб колькасці старавераў у Віленскай зямлі ў сярэдзіне 1920-х гг. паступала якраз ад саміх старавераў, то прычыны тыражавання стануць зразумелымі. Так, у інфармацыі, якая падавалася Б. Піманавым, гаворка ішла пра дапушчэнне колькасці старавераў на тэрыторыі Віленскай зямлі да 60 тыс., але ў дакуменце гаворка вялася пра 30 абшчын, да якіх належала ад 500 да 2000 прыхажан [27, с. 266, с. 269]. Таму такая лічба атрымалася ад матэматычных падлікаў, а не рэальных даных (30 абшчын × 2 тыс. = 60 тыс.). За ўвесь міжваенны перыяд, як сведчаць статыстычныя даныя, колькасць старавераў Віленскага ваяводства не дасягала 60 тыс. чалавек.

У Віленскім ваяводстве ў 1920–1930-х гг. пражывалі амаль выключна стараверы-беспапоўцы [27, с. 266]. У 1930-х гг. налічвалася толькі адна абшчына старавераў-папоўцаў. Яна знаходзілася ў Віленска-Троцкім павеце ў Падбярэзскай гміне (в. Акмяна) і налічвала ў 1936 г. 46 асоб. Таксама 18 старавераў-папоўцаў пражывала ў Свянцянскім павеце (в. Зусіна і Геладня), 31 асоба – у Вільні [28, с. 67].

Апроч паветаў Віленскага ваяводства, на іншых землях Заходняй Беларусі старавераў на працягу 1920-х гг. амаль не налічвалася (як і па даных перапісу 1921 г.). Так, кіраўніцтва Навагрудскага ваяводства ў 1923 г. у адпаведнасці з рэскрыптам паведамляла ў міністэрства, што на тэрыторыі ваяводства прадстаўнікоў культа амаль няма, за выключэннем некалькіх дзясяткаў сем'яў у Слоніміскім павеце і некалькіх у Баранавіцкім павеце [27, с. 264]. А кіраўніцтва Беластоцкага ваяводства ў адпаведнасці з рэскрыптам паведамляла ў міністэрства, што ў Гродне і павеце “секты старавераў увогуле няма” [27, с. 264].

Тэндэнцыі да павелічэння стараверскага насельніцтва ў рэгіёне захоўваліся і ў другой палове 1920-х – пачатку 1930-х гг. Пэўную інфармацыю аб колькасці старавераў і месцах іх рассялення даюць даныя перапісу 1931 г. (табліца 5). Дакладна вызначыць колькасць старавераў на сучасных беларускіх землях на аснове апублікаваных даных гэтага перапісу даволі праблематычна ў сувязі з некалькімі прычынамі. Па-першае, невялікая частка Браслаўскага павета, а таксама значная частка Свянцянскага павета ў сучасны перыяд уваходзіць у склад Літвы. Па-другое, у апублікаваных даных перапісу інфармацыя аб стараверах прыведзена ў графе “іншыя хрысціянскія веравызнанні”. Праўда, як адзначалі даследчыкі, якія апрацоўвалі інфармацыю перапісу, у Віленскім ваяводстве да гэтай групы адносіліся пераважна стараверы [29, с. XI].

Як вынікае з даных перапісу 1931 г., лідарам па колькасці стараверскага насельніцтва ў Віленскім ваяводстве стаў Браслаўскі павет. На яго тэрыторыі пражывала больш паловы ўсіх старавераў беларускіх паветаў ваяводства (гл. табліцу 5). Такое хуткае павелічэнне стараверскага насельніцтва тлумачыцца не міграцыйнай ці іншымі дэмаграфічнымі працэсамі, а пераразмеркаваннем тэрыторый паветаў у выніку адміністраўна-тэрытарыяльнай рэформы. Згодна з распараджэннем Рады міністраў ад 26 чэрвеня 1925 г. значная частка былога Дзісенскага павета (Перабродзкая, Богінская, Ёдская, Нова-Пагосцкая, Друйская, Мёрская, Леонпальская, Чэрасская гміны) была перададзена ў склад Браслаўскага [30, роз. 472]. Менавіта Перабродзкая, Богінская, Ёдская, Нова-Пагосцкая гміны былі лідарамі па колькасці стараверскага насельніцтва ў Дзісенскім павеце. У выніку колькасць старавераў у Дзісенскім значна паменшылася, а ў Браслаўскім – істотна ўзрасла. Другім па колькасці старавераў у Віленскім ваяводстве стаў Свянцянскі павет. Істотна вырасла колькасць старавераў і ў Пастаўскім павеце³.

Табліца 5. – Размеркаванне насельніцтва “іншых хрысціянскіх веравызнанняў” па паветах Віленскага ваяводства згодна з перапісам 1931 г.

Павет	Колькасць, чал.	Доля прадстаўнікоў “іншых хрысціянскіх веравызнанняў”, %
Браслаўскі	16 183	11,3
Свянцянскі	8 687	6,37
Дзісенскі	2 174	1,36
Пастаўскі	1 568	1,57
Ашмянскі	757	0,72
Вілейскі	611	0,47
Маладзечанскі	215	0,18

Крыніца: складзена на аснове [29, с. 12].

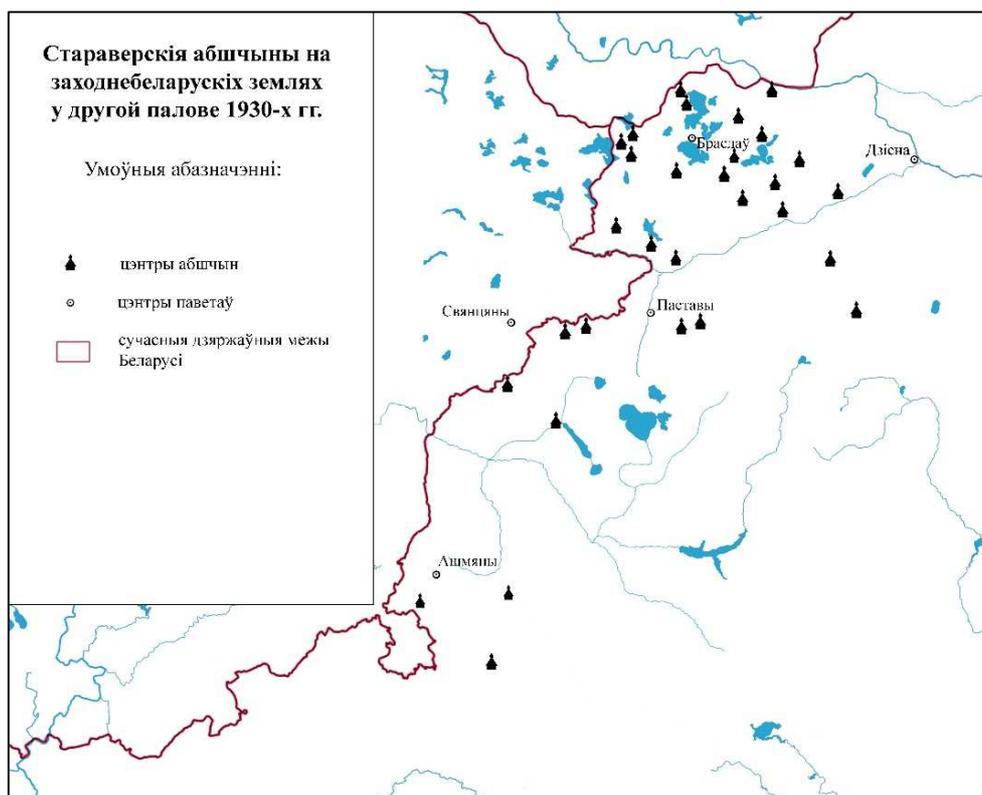
Статыстычныя і архіўныя крыніцы сведчаць аб устойлівым павелічэнні стараверскага насельніцтва, а таксама колькасці іх абшчын у рэгіёне на працягу 1930-х гг. Так, згодна з данымі на 1936 г. у Віленскім ваяводстве пражывала звыш 40 тысяч старавераў, якія ўтваралі 42 рэлігійныя абшчыны (табліца 6).

³ Пастаўскі павет быў утвораны ў сувязі з перайменаваннем Дунілавіцкага павета і пераносам павятовага цэнтра у Паставы. У яго склад таксама былі перададзены тры гміны са Свянцянскага павета. А Будслаўская гміна была перададзена з Пастаўскага ў Вілейскі павет [30, роз. 472].

Табліца 6 – Статыстычныя даныя аб колькасці стараверскіх абшчын, храмаў, духавенства і прыхажан у Віленскім ваяводстве на 1936 г.⁴ [27, s. 326]

Павет	Колькасць абшчын	Колькасць храмаў	Колькасць духавенства	Колькасць прыхажанаў
Браслаўскі	18	18	17	19 118
Дзісенскі	4	4	4	2 995
Ашмянскі	3	2	2	815
Пастаўскі	3	2	2	1 665
Свянцянскі	10	9	9	12 187
Віленска-Троцкі	3	3	3	1 963
г. Вільна	1	1	1	428
Усяго	42	39	38	42 777

Як вынікае з прыведзеных даных, пераважная большасць старавераў Віленскага ваяводства пражывала на беларускіх землях. У сучасных межах Беларусі на той час існавала 30 стараверскіх абшчын. Яны аб'ядноўвалі звыш 30 тыс. чалавек [27, s. 318–322, 326]. Геаграфія размяшчэння паказана на малюнку 4. Пры падліках стараверскага насельніцтва ў сучасных межах Беларусі пэўную цяжасць выклікае дакладнае ўстанаўленне колькасці старавераў, якія пражывалі на беларускіх землях Свянцянскага павета. Як вынікае з даных, у 1936 г. на беларускіх землях павета існавалі 4 стараверскія абшчыны ў Апідамах, Куклянах, Стрыпішках і Свіры, колькасць прыхажан у якіх складала 6 009 чалавек (3 245 – Апідамы, 1 315 – Кукляны, 826 – Стрыпішкі, 623 – Свір) [27, s. 319–320].

Малюнак 4. – Карта-схема размяшчэння стараверскіх абшчын на захаднебеларускіх землях у другой палове 1930-х гг. (складзена аўтарам)

Заклучэнне. Такім чынам, на аснове аналізу крыніц прыходзім да наступных высноў. У 1920 – 1930-х гг. у паўночна-заходняй частцы Беларусі пражывала значная колькасць стараверскага насельніцтва. У гэтым рэгіёне размяшчалася адна з найбуйнейшых кампактных зон рассялення старавераў на беларускіх землях. У азначаны перыяд рэгіён з'яўляўся адным з лідараў як па колькасці стараверскага насельніцтва, так і па колькасці іх рэлігійных абшчын. Асноўная маса старавераў пражывала на беларускіх землях Віленскага ваяводства (да 1925 г. мела назву Віленская зямля). У канцы 1930-х гг. на беларускіх землях Віленскага ваяводства налічвалася звыш 30 тысяч старавераў. Лідарамі па колькасці стараверскага насельніцтва ў ваяводстве былі Браслаўскі, Дзісенскі і Свянцянскі паветы. Асноўныя арэалы рассялення прыхільнікаў старых абрадаў канцэнтраваліся ў межах гэтых

⁴ Як вынікае з архіўных дакументаў, прыведзеныя даныя хоць і падаюцца на 1937 г., але сабраныя ў 1936 г. [26, s. 315, 318–322].

паветаў. Пераважная большасць старавераў рэгіёна пражывала ў сельскай мясцовасці. Толькі ў мястэчках Друя і Відзы налічвалася значная колькасць прыхільнікаў старых абрадаў. Аналізуючы асаблівасці рассялення старавераў у паўночна-заходняй частцы Беларусі ў 1920-я гг. прыходзім да высновы, што агульная структура арэалаў рассялення засталася такой жа, як і ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Дзякуючы дастаткова спрыяльным умовам для развіцця ў міжваенны перыяд у складзе Польскай дзяржавы, стараверская супольнасць рэгіёна заставалася на беларускіх землях дастаткова масавай і ў наступныя перыяды.

ЛІТАРАТУРА

1. Аўсейчык, У.Я. Рассяленне і дэмаграфічная характарыстыка старавераў паўночна-заходняй Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / У.Я. Аўсейчык // *Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія.* – 2021. – Т. 13. – № 1. – С. 57–67.
2. Аўсейчык, У.Я. Гісторыя вывучэння старавераў Паўночнай Беларусі / У.Я. Аўсейчык // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки.* – 2020. – № 1. – С. 18–32.
3. Корецкий, П.И. О раскольниках в Ковенской губернии / П.И. Корецкий // *Памятная книжка Ковенской губернии на 1863 год.* – Ковно : Тип. Ш. Соколовского, 1863. – Отдел II. – С. 1–46.
4. Станкевич, А. Очерк возникновения русских поселений на Литве / А. Станкевич. – Вильна : Губ. тип., 1909. – 140 с.
5. Гарбацкі, А.А. Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX стст. / А.А. Гарбацкі. – Брэст : БрДУ, 1999. – 202 с.
6. Потащенко, Г. Староверие в Литве: Вторая половина XVII – начало XIX вв. Исследования, документы, материалы / Г. Потащенко. – Вильнюс : Aidai, 2006. – 543 с.
7. Hedeman, O. *Historja powiatu Brasławskiego* / O. Hedeman. – Wilno : Polska Druk. Nakładowa «Lux», 1930. – 434 s.
8. Pieciukiewicz, M. *Cechy prymitywne w kulturze ludowej staroobrzędowców w pow. Brasławskim: teza magisterska* / M. Pieciukiewicz. – Wilno, 1938. – IV+66+6 s.
9. Добжинская, Т.В. Духовные старообрядческие наставники на Витебщине в первой половине XX в. / Т.В. Добжинская // *Весн. Бел. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.* – 2005. – № 1. – С. 12–15.
10. Трофимова, Т.В. Семейные обряды старообрядцев Витебщины в конце XIX – первой половине XX века / Т.В. Трофимова // *Рэлігія на памежжы: еўрарэгіён «Буг» : зб. навук. пр. / Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна.* – Брэст, 2008. – С. 81–89.
11. Добжинская, Т.В. Роль Высшего Старообрядческого Совета в Польше в довоенный период (1927 – 1929 гг.) / Т.В. Добжинская // *Весн. Віцеб. дзярж. ун-та імя П.М. Машэрава.* – 2004. – № 2(32). – С. 38–41.
12. Швайко, В.Г. Деятельность русских организаций в Польше по сохранению русской культуры в 1921 – 1939 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / В.Г. Швайко ; Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы. – Гродно, 2005. – 22 с.
13. Вабішчэвіч, А.М. Грамадска-культурная і рэлігійна-асветніцкая дзейнасць рускіх стараабраднікаў у Польшчы ў 1920 – 1930-я гады / А.М. Вабішчэвіч // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки.* – 2008. – № 1. – С. 101–108.
14. Вабишевич, А.Н. Старообрядцы как этноконфессиональное меньшинство в Польше (1918–1939 гг.) / А.Н. Вабишевич // *Славянский альманах.* – 2015. – Вып. 3–4. – С. 157–171.
15. Januszewska-Jurkiewicz, J. *Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie w latach 1920–1939* / J. Januszewska-Jurkiewicz. – Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2010. – 710 s.
16. Pastuszewski, S. *Staroobrzędowcy na ziemiach białoruskich* / S. Pastuszewski // *Roczniki Białkopodlaski.* – 2015. – Т. XXIII. – S. 159–207.
17. Łazowska, B. *Spis ludności na ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej w 1919 r.* / B. Łazowska // *Wiadomości Statystyczne.* – 2019. – № 10. – S. 63–76.
18. Romer, E. *Spis ludności na terenach administrowanych przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (grudzień 1919)* / E. Romer. – Lwów-Warszawa : Książnica Polska Towarzystwa Nauczycieli Szkół Wyższych, 1920. – 50 s.
19. *Grafik składu wyznaniowego narodowości i składu narodowościowego wyznań.* [Электронны рэсурс]. Wilno : Komisariat Generalny ZCZW [Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich], Centralne Biuro Spisu Ludności [rękopis]. – 1920. – 28 tabl. URL: https://statlibr.stat.gov.pl/F?func=full-set-set&set_number=000008&set_entry=000001&format=999.
20. *Grafik wyznaniowy i narodowościowy w procentach: okręgu: wileńskiego, brzeskiego, mińskiego łącznie z miastami, powiatów bez miast powiatowych, miast powiatowych; terenu objętego ZCZW [Zarządem Cywilnym Ziem Wschodnich].* [Электронны рэсурс]. Wilno : Centralne Biuro Spisu Ludności [rękopis]. – 1920. – 20 tabl. URL: https://statlibr.stat.gov.pl/F?func=find-b&request=Grafik+wyznaniowy+%5Bi%5D+narodowo%5C%9Bciowy&find_code=WRD&adjacent=N&local_base=CBS01&x=0&y=0&filter_code_1=WLN&filter_request_1=&filter_code_2=WYR&filter_request_2=&filter_code_3=WYR&filter_request_3=&filter_code_4=WFM&filter_request_4=&filter_code_5=WSL&filter_request_5=.
21. *Wilno i Ziemia Wileńska: 12 map ilustrujących stosunki wyznaniowe, narodowościowe, szkolne i t. p. Województwa Wileńskiego* / red. Zygmunt Hartung [et al.]. – Wilno : Lux, 1931. – 6+12 kart.
22. *Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników Pierwszego Powszechnego Spisu Ludności z dn. 30 września 1921 r. i innych źródeł urzędowych.* – Warszawa : Nakładem głównego urzędu statystycznego, 1923. – Т. 7. – Cz. 2: Ziemia wileńska (powiaty: Brasław, Duniłowicze, Dzisna i Wilejka). – VI, 119 s.
23. *Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników Pierwszego Powszechnego Spisu Ludności z dn. 30 września 1921 r. i innych źródeł urzędowych.* – Warszawa : Nakładem głównego urzędu statystycznego, 1923. – Т. 7. – Cz. 1: Województwo Nowogrodzkie. – X, 125 s.
24. *Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników Pierwszego Powszechnego Spisu Ludności z dn. 30 września 1921 r. i innych źródeł urzędowych.* – Warszawa: nakładem głównego urzędu statystycznego, 1924. – Т. 8: Województwo Poleskie. – X, 84 s.
25. *Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników Pierwszego Powszechnego Spisu Ludności z dn. 30 września 1921 r. i innych źródeł urzędowych.* – Warszawa : Nakładem głównego urzędu statystycznego, 1924. – Т. 5: Województwo Białostockie. – VII, 150 s.

26. Polskie mapy narodowościowe, wyznaniowe i językowe : bibliografia (lata 1827-1967) / opracował A. Gawryszewski. – Warszawa : IGI PAN, 1969. – 155 s.
27. Archiwum Akt Nowych (AAN). – Zespół 14: Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie. – Sygnatura 1270: Kościół Staroobrzędowy nieuznający hierarchii (1922–1939).
28. AAN. – Zespół 14: Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie. – Sygnatura 1272: Kościół Staroobrzędowy uznający hierarchię tzw. popowcy.
29. Drugi Powszechny Spis Ludności z dn. 9. XII 1931 r. : mieszkania i gospodarstwa domowe, ludność, stosunki zawodowe : województwo wileńskie. – Warszawa : Główny Urząd Statystyczny, 1936. – XXX, 164 s.
30. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 26 czerwca 1925 r. o zmianie granic powiatów na obszarze okręgu administracyjnego wileńskiego // Dziennik Ustaw. – 1925. – № 67. – poz. 472.

Паступніў 14.12.2021

СТАРООБРЯДЦЫ ЗАПАДНЫХ БЕЛАРУСКИХ ЗЕМЕЛЬ В 1920 – 1930-е гг.: СПЕЦИФИКА РАССЕЛЕНИЯ И ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ

В.Е. ОВСЕЙЧИК

В статье рассмотрены особенности расселения и представлен анализ динамики численности старообрядческого населения в 1920 – 1930-х гг. на западнорусских землях, находящихся в этот период в составе Польши. Межвоенный период в польском государстве был достаточно благоприятным для развития старообрядческого сообщества, значительная часть которого как раз и проживала на территории Западной Беларуси. В статье выделены основные места компактного расселения староверов в регионе, прослежена динамика их количества по отдельным административным единицам. Источниковедческую базу исследования составил комплекс статистических данных, архивных и опубликованных материалов. Приходим к выводу, что в межвоенный период почти всё старообрядческое население Западной Беларуси было сконцентрировано в северной её части (в соответствии с административно-территориальным делением того времени, эта территория Виленской земли, позже – Виленского воеводства). Лидером по численности староверов были Браславский, Дисненский и Свентянский поветы. На протяжении всего периода в регионе наблюдается устойчивое увеличение количества старообрядческого населения, а также рост религиозных общин. В 1920 – 1930-х гг. регион являлся важным центром старообрядчества на белорусских землях.

Ключевые слова: старообрядцы, этнические группы, Западная Беларусь, расселение, демография, этнокультурные процессы.

OLD BELIEVERS OF THE WESTERN BELARUSIAN LANDS IN 1920-1930S: SPECIFICS OF SETTLEMENT AND POPULATION DYNAMICS

U. AUSEICHYK

The article covers the peculiarities of settlement and provides the analysis of the population dynamics of the Old Believers population in 1920–1930-ies in the Western Belarusian lands, which at that time were the part of Poland. The interwar period was rather favorable for the development of the Old Believer community in the Polish state. A significant part of Old Believers during this period lived on the territory of Western Belarus. The article singles out the main places of compact residence of Old Believers in the region and traces the dynamics of their numbers in separate administrative units. The sources for the study are a complex of statistical data, archival and published materials. We conclude that during the interwar period almost the entire Old Believer population of Western Belarus was concentrated in its northern part (in accordance with the administrative territorial division of that time this territory of Vilna Land, later – Vilna Voivodeship). The leaders in the number of the Old Believers' population were Braslav, Disna and Svientiany counties. Throughout the period there was a steady increase in the Old Believer population in the region, as well as the growth of their religious communities. In the 1920s and 1930s, the region was an important center of Old Believers in the Belarusian lands.

Keywords: Old Believers, ethnic groups, Western Belarus, settlement, demography, ethno-cultural processes.

УДК 614.78(091)(476-25)

САНІТАРНЫ СТАН ГОРАДА МІНСКА Ў 1920-я гг.

Т.У. ПЕЦЮКЕВІЧ

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)

У артыкуле разглядаецца маладаследаваная праблема санітарнага стану беларускай сталіцы ў 1920-я гг. Санітарны стан горада вызначаецца як сукупнасць паказчыкаў, якія характарызуюць тэхналогіі і практыкі водазабеспячэння, выдалення адходаў, стан і забруджанасць гарадской тэрыторыі. Актуальнасць тэмы вызначаецца значнай роляй вышэйпералічаных паказчыкаў для паўсядзённага жыцця і здароўя насельніцтва. Аналізуюцца праблемы, якія ўплывалі на санітарны стан горада, і шляхі іх вырашэння. Санітарную сітуацыю ў Мінску 1920-х гг. можна ахарактарызаваць як складаную, што было звязана з адсутнасцю ў горадзе каналізацыйнай сістэмы, невысокай санітарнай культурай насельніцтва і вострым недахопам жылля. Нягледзячы на мерапрыемствы ўлад, накіраваныя на вырашэнне дадзеных пытанняў, у разглядаемы перыяд не адбылося перахода паказчыкаў санітарнага стану горада на больш высокі якасны ўзровень.

Ключавыя словы: горад, санітарны стан, водазабеспячэнне, забруджанасць, ачыстка.

Уводзіны. Значную ролю ў паўсядзённым жыцці гарадскога насельніцтва грае санітарны стан горада. Дадзены тэрмін можна вызначыць як сукупнасць паказчыкаў, што характарызуюць тэхналогіі і практыкі водазабеспячэння, выдалення адходаў, стан і забруджанасць гарадской тэрыторыі [1, с. 226]. Пытанне санітарнага стану горада з'яўляецца актуальным па прычыне яго значнага ўплыву на здароўе, якасць і працягласць жыцця насельніцтва. Праблема санітарнага стану гарадоў БССР закраналася пераважна ў працах, якія тычыліся пытанняў медыцыны. У прыватнасці, асобныя аспекты праблемы былі асвечаны на старонках часопіса «Беларуская медыцынская думка», які выдаваўся ў БССР у 1924 – 1929 гг. Пытанні ачысткі горада, стану крыніц водазабеспячэння, санітарнага надзора за якасцю вады разглядаліся ў артыкулах В.В. Казанскай, Д.І. Найдуса, П.М. Вядзернікава, Б.Я. Эльберта. Асобныя хібы эпідэміялагічнай і санітарнай сітуацыі ў гарадах закраналіся ў манаграфіі М.Я. Абраменка «Очерки истории здравоохранения Беларуси, 1917 – 1945 гг.».

Асноўная частка. Першым крытэрыем ацэнкі санітарнага стану горада з'яўляецца ступень яго чысціні. Асенізацыйнай працай па гораду займаўся паддзел ачысткі кіравання мясцовага транспарту (КМТ) Мінскага акруговага выканаўчага камітэту. Ачышчальныя збудаванні горада былі прадстаўлены ўбіральнымі калодзежамі і выграбнымі ямамі, большая частка якіх была пабудавана ў дарэвалюцыйны перыяд. Каналізацыйнай сістэмы ў 1920-я гг. Мінск не меў. Спосаб выдалення адходаў з горада быў выключна вывазным. У абавязкі КМТ уваходзілі ачыстка і рамонт убіральных калодзежаў, ачыстка сквераў, плошчаў, бульвараў, двух участкаў чыгункі, адлюў бадзяжных сабакаў [2, л. 32]. Адзінкай паддзелу ачысткі з'яўляўся асенізацыйны абоз, які ўяўляў сабой воз з параконнай бочкай. Апошняя атрымала такую назву таму, што яе везла пара коней. Абслугоўваючы персанал абоза складаўся з кучара і 2 – 4 рабочых. На сакавік 1925 г. асенізацыйныя працы ажыццяўляліся 53 рабочымі, у распараджэнні абоза знаходзіліся 48 коней [2, л. 43]. Вываз ажыццяўляўся па начах, кошт вывазу адной бочкі вар'іраваўся ад 1,25 да 2 руб. [3, с. 85]. Умоўна праца абоза падзялялася на два перыяды: зімні, калі ў сувязі з замярзаннем глебы попыт на асенізацыйныя паслугі падаў, і астатні час, калі абоз працаваў у нармальным рэжыме. Увесну КМТ арэндаваў коней Ваенведа, таму што сваіх не хапала. Напрыклад, згодна абавязанню, падпісанаму загадчыкам асенізацыйнага абоза Гурвічам І.Я., у арэнду браліся 10 коней 42-га Пушачэўскага кавалерыйскага палка. Арэндная плата складала 2 руб. 50 кап. за пару коней у суткі [2, л. 30].

КМТ, знаходзячыся на гаспадарчым разліку, працавала на падставе заключэння дамоў з прадпрыемствамі, арганізацыямі, жылтварыствамі, прыватнымі асобамі [2, л. 41]. Ачыстка магла праводзіцца як разова, так і на працягу пэўнага часу. Напрыклад, дамова, заключаная 15 мая 1925 г. з упаўнаважаным пральні «Новы быт» тав. Карповічам, утрымоўвала абавязальствы па разаваму рамонту і ачыстцы паглынальнага калодзежа па вул. Савецкай, 73. Кошт вывазу адной параконнай бочкі ці скрыні склаў 1 руб. 40 кап. [2, л. 33]. Згодна з дамовай, заключанай 23 сакавіка 1925 г. тэрмінам на 2 месяцы з членам кіраўніцтва жылтварыства № 24 тав. Эйдэльманам, КМТ браў на сябе ачыстку выграбных ям і скрыней для смецця, якія знаходзіліся ў веданні жылтварыства. Дадзеная паслуга каштавала 70 руб. у месяц [2, л. 34]. Аналагічная дамова ад 25 сакавіка 1925 г., падпісаная паміж КМТ і членамі кіравання жылтварыства № 11 тэрмінам на адзін год, абавязвала КМТ ачышчаць памыйныя ямы ў дамах жылтварыства. Акрамя гэтага, неабходна было вывозіць снег і лёд з прылеглых тратуараў. За прадстаўлення паслугі жылтварыства плаціла 75 руб. штомесячна, а на працягу снежня, студзеня і лютага за ўборку снега КМТ даплачвалася 25 руб. кожны месяц [2, л. 51].

У справах КМТ адзначалася, што канкурэнцыю паддзелу ачысткі складалі прыватныя абозаўладальнікі, чыі кошты былі ніжэйшыя. На 1926 г. прыватных абозаўладальнікаў налічвалася каля 40 [3, с. 85]. Такая канкурэнцыя вызначалася як «нездаровая», што аргументавалася «недобрасумленнымі» адносінамі да кліентаў і нізкай якасцю працы з пункту гледжання санітарнага аспекту [2, л. 41].

Сістэма выграбных ям і ўбіральных калодзежаў была недасканалай: у акружных гарадах нявывезенымі маглі заставацца да 2/3 усяго бруда [3, с. 86]. Грала ролю і недобрасумленнасць жыхароў, якія часта звальвалі смецце на агародах або бліжэйшых да горада палях, і нават на тэрыторыі домаўладанняў. У верасні 1921 г. на падставе праверкі, што праводзілася санітарнай дзяржаўнай камісіяй, за бруднае ўтрыманне падворкаў былі аштрафаваны па 50 тыс. руб кожны дамавыя камітэты будынкаў па вул. Захар'еўская, 26; Маскоўская, 11; Замкавая, 19; Старавіленская, 22. Дамавы камітэт домаўладання па вул. Старавіленская, 12 павінен быў заплаціць штраф у памеры 100 тыс. руб, а старшыня дамавога камітэту будынка № 2/36 на рагу Дваменцаўскай і Маскоўскай вуліц атрымаў арышт на 7 дзён [4, с. 4]. У пачатку 1923 г. камісіяй быў праведзены агляд санітарнага стану мінскіх двароў, у выніку якога з агледжаных 3510 двароў антысанітарнымі былі вызначаны 456 (13%) [5, с. 3].

Домаўладальнікі павінны былі сачыць за прылеглымі да іх будоў часткамі тратуараў. Узімку прадпісвалася ачышчаць іх ад снегу і льду, парушальнікам пагражаў штраф. Летам, пры неабходнасці, праводзіўся рамонт. Напрыклад, пастановай Мінскага павятова-гарадскога выканаўчага камітэта ад 13 мая 1924 г. жыхары немуніцыпалізаваных домаўладанняў, а таксама арэндатары і жылтаварысты абавязваліся да канца жніўня адрамантаваць тратуары, прылеглыя да іх дамоў. Кантроль за выкананнем пастановы ўскладваўся на міліцыю [6, л. 121].

У справядачы Мінакрвыканкама за красавік-снежань 1925 г. сітуацыя з выдаленнем адходаў характарызавалася наступным чынам: «Горад вырас настолькі, што пытанне каналізацыі з'яўляецца ў дадзены момант асноўным пытаннем здравааховы працуючых. Паветра, глеба, вада ў горадзе забруджана нечыстотамі, так як існуючая раней сістэма каналізацыі (убіральныя калодзежы) прыйшла ў поўную нягоднасць» [7, л. 37]. У 1926 г. «Звязда» пісала: «летам у горадзе амаль няма такой падваротні, адкуль не несла б «духмянасцю». Неабходна дамагчыся таго, каб ва ўсіх гарадах памыйныя ямы і прыбіральні агульнага карыстання былі ў спраўным стане» [8, с. 3]. На працягу 1920-х гг. востра стаяла пытанне будаўніцтва каналізацыі.

Крыніцамі водазабеспячэння жыхароў Мінска ў 1920-я гг. былі водаправод і калодзежы. Падключэнне да водаправоднай сеткі на 1923 г. мелі 1333 домаўладанні (21% ад агульнай колькасці), якія ў сваёй большасці былі камунальнымі і знаходзіліся ў цэнтральнай частцы горада [9, с. 46]. Водаправоднай вадой карысталіся 70% насельніцтва Мінска. Усяго водаправод, за выключэннем Мінска, мелі тры акружныя гарады – Віцебск, Магілёў і Мазыр, прычым адпаведны Мінску паказчык водазабеспячэння ў 70 – 80% мелі Віцебск і Мазыр. Магілёў забяспечваўся водаправодам толькі на 25% [10, с. 122].

Важным пытаннем для горада была якасць вады. Дзеля яе кантралявання перыядычна праводзіліся хіміка-бактэрыялагічныя аналізы. У 1923 г. аналіз вады са студняў паказаў незадавальняючую якасць паловы з іх [9, с. 49]. Аналізы водаправоднай вады, праведзеныя ў 1925 – 1926 гг. санітарна-гігіенічным аддзяленнем Беларускага дзяржаўнага санітарна-біялагічнага інстытута паказалі, што якасць вады «значна змянілася да горшага» [11, с. 199]. Невысокая якасць вады тлумачылася адсутнасцю каналізацыйнай сістэмы, што прыводзіла да забруджвання гарадской глебы. Бруд і адходы з выграбных ям і ўбіральных калодзежаў маглі трапляць у грунтовыя воды, якія выкарыстоўваліся водаправоднай станцыяй. Не выключалася магчымасць уплыву на якасць вады з боку Свіслачы, у якую злівалася вада з лазней, пральней, шпіталью і фабрык. Ступень забруджанасці ракі часам даходзіла да таго, што мясцовыя пекары даказвалі санітарным урачам, быццам лепшыя булкі атрымоўваюцца пры выкарыстанні рачной вады, а не водаправоднай. Верагодна, вялікая колькасць бактэрыі выконвала ролю дражджэй [12, с. 72]. На якасць вады ўплывала і няўдалася, з пункту гледжання рэльефу, месцазнаходжанне станцыі – нізіна, куды сцякаў бруд з верхняй густанаселенай часткі горада [12, с. 69]. Але, нягледзячы на гэтыя хібы, водаправодная вада мела больш высокую якасць у параўнанні з калодзежнай. Статыстычныя даныя за 1922 – 1923 гг. паказваюць, што 3-ці раён, жыхары якога карысталіся пераважна калодзежнай вадой, даваў 45% водных хвароб у адносінах да 1-га і 2-га раёнаў, якія забяспечваліся водаправодам [9, с. 49].

Гарадскія ўлады ўсведамлялі існуючую праблему і ўжо ў сярэдзіне 1920-х гг. пачалі распрацоўку праекта гарадской каналізацыі. У лютым 1926 г. праект мінскай каналізацыі абмяркоўваўся на пасяджэнні будаўнічай секцыі дзяржплана СССР, але быў адхілены па шэрагу прычын. Сярод іх былі недахоп фінансавання, недастатковы ўзровень тэхнічнай распрацоўкі праекта, а таксама адсутнасць распрацаванага плана забудовы і планіроўкі горада, без чаго нельга было вызначаць развіццё каналізацыйнай сістэмы. Тып існуючай гарадской забудовы ўяўляў сабой рэзкі кантраст: гарадскі ў цэнтры і сельскі на ўскраінах. Ва ўлік браўся і тапаграфічны характар горада – пагорыстасць тэрыторыі, моцная звлістасць і забруджанасць Свіслачы, зваротныя ад горада і ракі стокі. Улічваючы ўсе цяжкасці, было вырашана на працягу года скончыць тэхнічную распрацоўку праекта каналізацыі і выканаць папярэднія работы – заключыць у трубу р. Нямігу і ачысціць р. Свіслач [13, л. 107]. У 1926 г. для Нямігі быў пабудаваны падземны калектар, а ў 1930 г. пачала сваю працу мінская каналізацыя.

Адмоўным фактарам, маючым значны ўплыў на санітарны стан горада, быў жыллёвы крызіс, наступствам якога з'яўлялася высокая шчыльнасць засялення. У 1921 – 1922 гг. у Мінску рэзка пагаршаецца эпідэміялагічная сітуацыя, што было звязана з прытокам у горад бежанцаў. У выніку свайго памежнага месцапалажэння ён выконваў ролю транзітнага пункту для рэпатрыянтаў Першай сусветнай вайны і бежанцаў з галадаючых губерняў Паволжа. Толькі з лістапада 1921 па студзень 1922 г. праз Беларускаю эвакуацыйную камісію прайшло 88 436 бежанцаў. На чыгуначнай станцыі «Мінск» з цягнікоў было знята 18 847 чалавек, што складала болей за 50% бежанцаў, хворых на тыф [10, с. 93]. Бежанцы і рэпатрыянты не заўсёды мелі магчымасць праехаць праз мяжу, таму людзі асядалі ў Мінску, у выніку чаго сітуацыя з жыллём яшчэ больш абвастралася. На імя начальніка Цэнтрэвака паведамлялася, што Мінск «...запоўнены бежанцамі і чырвонаармейцамі датэрміновай службы. Жыллёвае пытанне вельмі абвострана і разгарнуцца ў горадзе амаль немагчыма» [14, с. 11]. Памер сярэдняй жылплошчы на

чалавека з 6,09 м² у 1923 г. зменшыўся да 4,72 м² у 1926 г. пры санітарнай норме ў 8 м² [15, с. 191]. Жыллёвае становішча размешчанага ў Мінску гарнізона таксама было складаным: у 1925 г. на чырвонаармейца прыходзілася 1,5 м² пры норме ў 6 м² [7, с. 34]. Балючасць жыллёвага пытання тлумачылася паступовым зносам існуючай жылплошчы, штогадовым прыростам насельніцтва і слабасцю новага будаўніцтва.

Кучнасць засялення і антысанітарныя стваралі спрыяльнае асяроддзе для распаўсюджвання інфекцыйных захворванняў. У 1922 г. на 10 тыс. чалавек насельніцтва Мінска ў сярэднім прыходзілася 622 эпідэмічных захворвання, а ўжо ў 1923 г. сітуацыя нармалізуецца, і лічба зніжаецца да 114 выпадкаў на 10 тыс. чалавек [16, с. 53]. Для барацьбы з інфекцыйнымі захворваннямі і перадухлення эпідэміяй у 1920-я гг. быў прыняты шэраг захадаў. Напрыклад, для папярэджвання інфекцый у сферы абслугоўвання, асобы і прадпрыемствы, жадаючыя адчыніць гандлёвую кропку, лазню, цырульню, рэстаран і г.д., павінны былі атрымаць дазвол ад Мінакрэдрава аб адпаведнасці памяшкання санітарным нормам. Рабочыя і служачыя сталовак і харчовых прадпрыемстваў абавязваліся раз на месяц праходзіць медыцынскі агляд [17, л. 620]. У 1929 г. было прынята рашэнне аб стварэнні пры дамах, камунах-інтэрнатах і жыллёвых кааператывах санітарных камісій. Камісія ў складзе пяці чалавек абіралася з ліку жыхароў домаўладання і абавязвалася сачыць за правільным карыстаннем жыллімі і нежыллімі памяшканнямі, будынкамі водазабеспячэння, рэгулярнасцю ўборкі і своєчасовым вывазам бруду [18, с. 43].

Асобная ўвага надавалася барацьбе з шаленствам жывёлы. Загад па Мінскай павятова-гарадской міліцыі ад 8 ліпеня 1925 г. адзначае, што «ўкусы шалёнымі жывёламі набылі характар эпідэмічнага бедства» [6, л. 312]. Пры падзрэнні на шаленства ўладальнік абавязваўся ізаляваць жывёлу і паведаміць мясцовым уладам. Надзор за выкананнем пастанова ўскладаўся на міліцыю і ветэрынарны нагляд. Дзеля барацьбы з распаўсюджваннем шаленства гарадскія ўлады вырашалі праблему наяўнасці бадзяжных сабак. 12 красавіка 1926 г. Мінаквыканкам выдае абавязковую пастанову, згодна з якой усе сабакі горада падлягалі рэгістрацыі, павінны былі мець знак на шыі, на вуліцы быць толькі ў намордніку і ашыўніку. Сабакі, што не мелі вышэйпералічанага, аўтаматычна адносіліся да бяздомных, і падлягалі адлову. Адловам займалася КМТ, у выдзенні якога знаходзіўся ізалятар для сабак [17, л. 389].

Адным са сродкаў барацьбы з эпідэміямі была санітарна-асветніцкая праца для павышэння санітарнай культуры насельніцтва і прапаганды здаровага ладу жыцця. У 1921 г. у Мінску быў адчынены дом санітарнай асветы, які аб'яднаў у сабе элементы клуба, музейна-выставачнай установы, навукова-метадычнага цэнтра. Праводзіліся лекцыі па гігієне і санітарыі ў клубах профарганізацый, пры амбулаторных прыёмах у медыцынскіх установах з наведвальнікамі вяліся размовы па санітарнай асвеце. На базе Беларускага Пастэраўскага інстытута Наркамздрава БССР арганізаваліся «нядзельнікі», на якіх чыталіся цыклавыя лекцыі з дэманстрацыяй вопытаў, аналізаў вады і ежы з мэтай зацікавіць насельніцтва дзейнасцю інстытута і папулярызаваць санітарныя веды [19, с. 37]. Па заканчэнні лекцыйнага курса слухачы Інстытута сталі арганізатарамі на прадпрыемствах перыядычных экскурсій ў гарадскія лячэбна-санітарныя ўстановы. Пры падтрымцы Дзяржаўнага выдавецтва БССР, Глаўпалітасветы, Беларускага Таварыства Чырвогана Крыжа ажыццяўлялася выданне санітарна-асветніцкай літаратуры, плакатаў, брашур. Для санітарнай прапаганды пачалі выкарыстоўваць і кіно. З гэтай мэтай Белдзяржкіно набыла шэраг фільмаў навукова-грамадскага характару, такіх як «Аборт», «Праўда жыцця (сіфіліс)», «Дарога да шчасця». Фільмы па санасвеце дэманстраваліся як у кінатэатрах, так і ў клубах і народных дамах [20, с. 94].

Заклучэнне. У цэлым санітарную сітуацыю ў Мінску 1920-х гг. можна вызначыць як складаную. Галоўнай праблемай гэтага перыяду была адсутнасць у горадзе каналізацыйнай сістэмы. Недасканаласць вывазнага спосабу выдалення адходаў прыводзіла да забруджвання глебы і зніжэння якасці вады, што спрыяла росту захворванняў на тыф і дызентэрыю. Для вырашэння дадзенай праблемы ў другой палове 1920-х гг. быў распрацаваны праект каналізацыі і праведзены падрыхтоўчыя работы, у выніку чаго мінская каналізацыя пачала працу ў 1930 г.

Другім фактарам, які негатыўна ўплываў на санітарны стан горада, стаў востры недахоп жылля. Памер сярэдняй жылплошчы на чалавека з 6,09 м² у 1923 г. зменшыўся да 4,72 м² у 1926 г. пры санітарнай норме ў 8 м². Жыллёвае будаўніцтва не паспявала забяспечваць жыллём гарадское насельніцтва. Высокая шчыльнасць засялення спрыяла развіццю антысанітарны.

Для паляпшэння санітарнай сітуацыі ў Мінску з боку гарадскіх улад былі прыняты шэраг пастановаў, згодна з якімі для адкрыцця прадпрыемства сферы абслугоўвання неабходна было атрымаць дазвол Мінакрэдрава аб адпаведнасці памяшкання санітарным патрабаванням. Для павышэння бытавой культуры насельніцтва вялася актыўная санітарная прапаганда, у якой былі задзейнічаны медыцынскія ўстановы і інстытуты, друк і кіно. Нягледзячы на ўсе намаганні, у 1920-я гг. не адбылося перахода на больш высокі якасны ўзровень у параўнанні з дарэвалюцыйным перыядам водазабеспячэння і выдалення адходаў. Водаправод не быў мадэрнізаваны, 30% насельніцтва працягвала карыстацца калодзежнай вадой, дзейнічала вывазна-асветніцкая сістэма асенізацыі. Прычынамі такой сітуацыі былі недахоп фінансавання, адсутнасць распрацаванага плана пашырэння горада і хаатычнасць забудовы, што ўскладняла правядзенне камунікацый.

ЛІТАРАТУРА

1. Котов, А.С. Санитарное состояние и благоустройство города Череповца в 1920-е годы / А.С. Котов // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 25. – № 185. – С. 226–232.
2. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф. 152. Воп. 1. Спр.8.

3. Ведерников, П.М. К вопросу о водоснабжении и канализации в окружных городах БССР / П.М. Ведерников // Беларуская мэдычная думка. – 1925. – Т. 2 – № 12–13. – С. 82–88;
4. Па Менску // Савецкая Беларусь. – 1921. – 16 верасня. – С. 4.
5. Наше коммунальное хозяйство // Звезда. – 1923. – 6 февраля. – С. 3.
6. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф.3. Воп. 1. Спр. 44.
7. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 158.
8. За здоровый быт и гигиену // Звезда. – 1926. – 20 лютага. – С. 3.
9. Казанская, В.В. Водоснабжение и канализация гор. Минска/ В.В. Казанская // Белорусская медицинская мысль. – 1924. – № 2–3. – С. 46–50.
10. Абраменко, М.Е. Очерки истории здравоохранения Беларуси, 1917—1945 гг. / М. Е. Абраменко. – Гомель : ГомГМУ, 2013. – 240 с.
11. Эльберт, Б.Я. Отчет за 2 года (1924-1926 г.) / Б.Я. Эльберт // Записки Белорусского государственного санитарно-бактериологического института. – Минск : Беларус. медыч. думка: часопіс, 1926. – Т. 1. – С. 177–204.
12. Найдус, Д.И. Характеристика водопроводной воды гор. Минска на основании данных химического анализа / Д.И. Найдус // Беларуская мэдычная думка. – 1925. – № 6–8. – С. 69–74.
13. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 100.
14. Бабков, А.М. Деятельность Белорусского управления по эвакуации населения (январь—август 1921 г.) / А. М. Бабков // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2011. – № 5. – С. 9–16.
15. Шуб, И. Экономический обзор Минского округа / И. Шуб // Советское строительство. – 1927. – № 5. – С. 177–195.
16. Левин, Б.Е. Минск в санитарных очерках. Очерк 2-й / Б.Е. Левин // Беларуская мэдычная думка. – 1926. – № 4–6. – С. 51–63.
17. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 126а.
18. Санітарны зборнік законаў, палажэнняў і інструкцый, дзейных у БССР / Народны камісарыят аховы здароўя. – Менск [Мінск] : выданне НКАЗ БССР, 1930. – 291 с.
19. Соколов, В.А. Ближайшие задачи санитарного просвещения в Белоруссии / В.А. Соколов // Белорусская медицинская мысль. – 1924. – № 4–5. – С. 34–37.
20. Соколов, В.А. Санитарное просвещение в Белоруссии / В.А. Соколов // Беларуская мэдычная думка. – 1925. – № 3. – С. 91–96.

Паступіў 17.12.2021

САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ ГОРОДА МИНСКА В 1920-е гг.

Т.В. ПЕТЮКЕВИЧ

В статье рассматривается малоисследованная проблема санитарного состояния белорусской столицы в 1920-е гг. Санитарное состояние города определяется как совокупность показателей, характеризующих технологии и практики водообеспечения, удаления отходов, состояние и загрязнение городской территории. Актуальность темы определяется существенной ролью вышеперечисленных показателей для повседневной жизни и здоровья населения. Анализируются проблемы, влияющие на санитарное состояние города, и пути их решения. Санитарную ситуацию в Минске 1920-х гг. можно охарактеризовать как сложную, что было связано с отсутствием в городе канализационной системы, невысокой санитарной культурой населения и острым недостатком жилья. Несмотря на мероприятия властей, направленные на решение данных вопросов, в рассматриваемый период не осуществлялось перехода показателей санитарного состояния города на более высокий качественный уровень.

Ключевые слова: город, санитарное состояние, водообеспечение, загрязненность, очистка.

THE SANITARY CONDITION OF THE CITY OF MINSK IN THE 1920S

T. PETSUKEVICH

The article deals with the little-studied problem of the sanitary condition of the Belarusian capital in the 1920s. The sanitary condition of the city is defined as a set of indicators characterizing the technologies and practices of water supply, waste disposal, the condition and pollution of the urban area. The relevance of the topic is determined by the significant role of the above indicators for the daily living conditions and health of the population. The problems that had an impact on the sanitary condition of the city and the ways to solve them are analyzed. The sanitary situation in Minsk in the 1920s can be defined as difficult, which was due to the lack of a sewer system in the city, a low sanitary culture of the population and an acute shortage of housing. Despite the measures taken by the authorities aimed at solving these issues, during the period under review there was no transition of indicators of the sanitary condition of the city to a higher quality.

Keywords: city, sanitary condition, water supply, pollution, cleaning.

УДК 355.233.11

**ФИЗИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА ШКОЛЬНИКОВ
В СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ (1924 – 1925 гг.)**

*канд. ист. наук В.Д. КРЮКОВСКИЙ
(Белорусский государственный университет, Минск)*

Рассматривается работа государственных органов и общественных организаций по физическому воспитанию и военно-прикладной подготовке учащихся школ, раскрывается накопленный, в ряде мест успешный, опыт. Анализируются причины, препятствовавшие проводимой деятельности, связанные с несогласованностью действий республиканских ведомств, нехваткой учителей физкультуры, недостатком гимнастических залов. Указывается, что физические упражнения во многих школах проводились на примитивном уровне, в сельской местности нередко не выполнялись. Небольшим было количество военных кружков, мало в них занималось учащихся школ. В целом военно-спортивная подготовка со школьниками осуществлялась продуманно и решила планируемые задачи.

***Ключевые слова:** физическое воспитание, военно-прикладная подготовка, техническая база, учителя, спортивные кружки, стрелковые тир, школьники.*

Введение. Деятельность государственных органов по физическому и патриотическому воспитанию подрастающего поколения привлекала к себе внимание многих исследователей. В историческом аспекте, например, большое научное и практическое значение представляют труды П.Г. Чигринова [1; 2]. В монографии и диссертационном исследовании анализируются марксистско-ленинская методология военно-патриотического воспитания, деятельность партийных организаций по воспитанию морально-политической готовности трудящихся к защите социалистического Отечества, партийное руководство спортивной и оборонно-массовой работой, содержание, формы и методы военно-спортивной подготовки населения. Но вопросы физического и военно-патриотического воспитания школьников ограничиваются лишь отдельными примерами. Деятельность партийных, комсомольских, других общественных организаций по физическому и военно-патриотическому воспитанию трудящихся и молодежи освещаются в ряде кандидатских диссертаций. Интерес в этой связи вызывают исследования Е.В. Пиульского и В.Ф. Кушнера [3; 4]. Они написаны на исследовании большого массива фактического материала. Авторы раскрывают накопленный опыт деятельности партийных и комсомольских организаций в обеспечении морально-политической подготовки трудящихся и молодежи к защите Родины, практику военно-спортивной работы государственных и общественных структур с юношами и девушками, шефские связи трудовых коллективов с частями Красной армии. Однако проблемы физической и военной подготовки учащихся школ в диссертациях не рассматривались. Монография Д.Н. Хромченко рассматривает оборонно-массовую деятельность патриотических организаций БССР в 1920 – 1940-е годы. Но аспекты физического воспитания и военной подготовки школьников ограничиваются в книге отдельными примерами [5].

Интерес для изучения проблем физического воспитания подрастающего поколения, истории и методики патриотической работы с молодежью представляют научные исследования в области педагогики. В докторской диссертации К.А. Куликовича [6] освещаются приемы военно-спортивного обучения юношей и девушек накануне Великой Отечественной войны. В кандидатских диссертациях В.И. Шаврука, Г.П. Коваленко [7; 8] раскрываются методика проведения спортивных занятий с детьми и подростками, опыт военно-патриотической работы со школьниками в 1920 – 1930-е годы. Этапы развития системы физического воспитания детей, школьников и молодежи, физкультурного образования, подготовки квалифицированных специалистов физкультуры и спорта в БССР, история университета рассматриваются в коллективном труде профессорско-преподавательского состава БГУФК [9]. Формы и методы патриотической деятельности комсомола республики с молодежью в 1920 – 1930 гг. освещаются в сборниках очерков и научных статей [10]. Отдельные вопросы физического и патриотического воспитания подрастающего поколения рассматриваются в многочисленных публикациях белорусских историков, философов и педагогов.

На основании изучения научных исследований и другой литературы можно сделать вывод, что государственная политика физического воспитания, военно-прикладной подготовки школьников ССРБ остается малоисследованной.

Цель данной статьи – проанализировать в масштабах республики эффективность работы партийных, советских органов, советов физкультуры, военкоматов, общественных организаций, командования войсковых частей по вовлечению учащихся школ в регулярные занятия физической культурой и спортом, некоторой военной подготовке, изучить накопленный опыт, приемлемый для использования на современном этапе, вскрыть проблемы, препятствовавшие осуществляемой деятельности.

Источниковой базой публикации послужили фонды государственных архивов Республики Беларусь. Исследователем изучены архивные дела ЦБ КП(б)Б, ЦК ЛКСМБ, окружных парткомов и исполкомов советов, военных комиссариатов. Это позволило получить сведения о деятельности партийных, советских органов, советов физкультуры, военкоматов, войсковых частей, общественных организаций по руководству физическим воспитанием и военно-прикладной подготовкой учащихся школ. Практически весь используемый материал впервые вводится в научный оборот. Методология статьи основана на принципах объективности и историзма.

Основная часть. Образование СССР, воссоединение в составе ССРБ восточно-белорусских земель создали благоприятные условия для развития социально-политической и культурно-национальной жизни белорусского народа, укрепления обороноспособности страны. Опасность новой большой войны, необходимость сохранения боеспособности армии в условиях ее кардинального сокращения склонили партийное и советское руководство Советского Союза к проведению военной реформы 1924–1925 гг. В связи с мероприятиями по преобразованию Красной армии существенно повысилась значимость военно-физической подготовки учащихся школ. Не случайно в решениях XIII ВКБ(б), VIII КП(б)Б, VI РЛКСМ, VII ЛКСМБ съездов партии и комсомола, прошедших с мая по июль 1924 г., партийным и государственным органам, общественным организациям были поставлены задачи активизации работы по физическому воспитанию и военной подготовке детей, подростков и молодежи. 13 июля 1925 г. ЦК РКП(б) принимает постановление «О задачах партии в области физической культуры», в нем указывается рассматривать физкультуру не только с точки зрения воспитания и оздоровления, но и как одну из сторон военного обучения подрастающего поколения [9, с. 12].

В ССРБ развернулось массовое движение юношей и девушек за здоровый образ жизни, было организовано отделение Всесоюзного общества «Динамо», в целях научно-методического обеспечения развития спорта при Высшем совете физической культуры создаётся межведомственная научно-техническая комиссия. Для определения задач укрепления здоровья учащейся молодежи в июне прошло первое Всебелорусское совещание работников советов физической культуры. Для популяризации физкультуры и спорта в республике впервые были организованы физкультурная неделя (14–22 июня) и праздник физической культуры (17–22 августа 1924 г.). В ходе их проведения организовывались митинги, парады школьников и молодежи, лекции, беседы в рабочих клубах, учебных заведениях, показательные соревнования по легкой атлетике, гимнастике, спортивным играм, велоспорту. В мае 1925 г. состоялось второе республиканское совещание советов физкультуры, в ноябре 1925 г. прошел второй Всебелорусский съезд физкультурников, определившие алгоритм физкультурной и военной работы с учащимися учебных заведений [11, лл. 706–713].

Представляет интерес практика физического воспитания и некоторой военной подготовки школьников в Оршанском округе. 31 мая 1924 г. на расширенном заседании коллегии агитпропа партийного комитета с участием руководства ряда отделов исполкома, патриотических организаций был рассмотрен вопрос «О физкультурной и оборонно-массовой работе с детьми и подростками». В ходе обсуждения проблемы были заслушаны доклады председателя физкультурного совета, ответственных работников отделов образования, здравоохранения, комсомола и профсоюзов. В принятом решении руководство физической и военной подготовкой школьников возлагалось на окружной совет физической культуры. На заседаниях физкультурного совета, в состав которого входили представители комсомола, отделов образования, здравоохранения, народного комиссариата труда, военного комиссариата, спортобщества «Динамо» и патриотических общественных организаций, дважды в месяц заслушивались отчеты первичных физкультурных ячеек о проделанной работе, утверждались текущие планы, основные направления военно-спортивной деятельности.

Первоочередное внимание уделялось подбору, обучению, переподготовке кадров. В июне 1924 г. в Орше тренировали школьников и молодежь три профессиональных инструктора. Все они получили образование до октября 1917 г., после революции тренировали мальчиков и девочек в отрядах скаутов и с идеологической точки зрения не соответствовали новым задачам физического воспитания. Для устранения этого противоречия летом 1925 г. весь инструкторский состав прошел повышение квалификации при окружной ассоциации физкультурного самообразования и был аттестован проверочной комиссией окружного совета физкультуры. Ежедневно во всех учебных заведениях Орши инструкторы проводили двухчасовые учебно-методические занятия с учителями физической культуры, классными руководителями и пионервожатыми, в ходе которых рассматривались проблемы физического воспитания детей и подростков, военизации спортивных занятий, организации военно-физкультурных игр [12, лл. 12а–14; 13, лл. 149об., 155об.].

Проблема нехватки педагогических кадров для сельской местности решалась путем подготовки помощников инструкторов из числа увлекающихся спортом рабочих, крестьян и комсомольцев на двухнедельных курсах окружного совета физкультуры. Учебные занятия проводились ежедневно 8 часов с понедельника по субботу. В дополнение к спортивным дисциплинам рассматривались вопросы истории международного коммунистического движения, красного спортивного интернационала, военизации спорта. На курсах в марте 1925 г. прошли подготовку 18 помощников инструкторов. Эффективно проводились курсы подготовки помощников инструкторов физкультуры в Бобруйском, Витебском, Минском и Могилевском округах, в 1925 г. в республике посредством такой формы обучения прошли подготовку 200 помощников инструкторов [13, л. 45].

Уделялось внимание развитию материально-технической базы физического воспитания. При большинстве учебных заведений имелись площадки для физкультурных занятий и спортивных игр. В окружном центре при обществе «Динамо» за счет средств народного комиссариата внутренних дел был построен стационарный стрелковый тир. Тир на воздухе, оборудованные с финансовой помощью исполкомов, действовали при всех районных советах физкультуры, военкоматах и красноармейских подразделениях. На территории войсковых частей гарнизона, пунктах военного обучения окружного и районных военкоматов действовали военно-спортивные городки. Эта база активно использовалась при проведении занятий со школьниками и молодежью. Исполкомами, профсоюзными организациями и трудовыми коллективами оказывалась помощь ячейкам физической культуры в приобретении спортивного имущества: наклонных лестниц, ковров для борьбы, гирь, гантелей, штанг различного веса, лыж с палками,

ядер, дисков, наконечников для копий, физкультурной формы. Как показало изучение архивных документов, поданные в окружной совет физкультуры заявки спортивных ячеек на получение необходимого оборудования и инвентаря были удовлетворены к июлю 1925 г. на 75% в городах, 15% – в деревнях [14, лл. 155–158].

Основное внимание уделялось физическому воспитанию, оздоровлению, спортивным играм школьников, военизации спорта. В июне 1924 г. учащиеся Орши тренировались в четырех коллективах физкультуры: при городской школе второй ступени занималось 20 мальчиков и девочек, спортивной секции рабфака – 64 учащихся, кружке физкультуры военкомата – 30 мальчиков, физкультурной ячейке 79 полка 27 стрелковой дивизии – 64 школьника [15, л. 149об.]. В рассматриваемый период значительно повысилась роль физической культуры в общественно-политической жизни общества. В соответствии с решением народного комиссариата просвещения ССРБ с сентября 1924/1925 учебного года в большинстве городских, ряде местечковых, некоторых деревенских школах вводилось изучение физкультуры, в Оршанском округе ее осваивало 1235 учащихся. В масштабах республики новый предмет изучали 38 742 мальчиков и девочек, из них 4179 учащихся сельских школ [13, л. 46].

Улучшалась работа в физкультурных ячейках общественных организаций, трудовых коллективов и по месту жительства. Так, в январе 1925 г. в округе имелось 4 первичных ячейки физкультуры с числом тренирующихся: 86 комсомольцев, 144 школьника и 615 пионеров. В сентябре действовало 20 ячеек, в кружках которых тренировались 4333 физкультурника, в том числе 760 членов профсоюзов, 552 комсомольца, 700 пионеров, 2321 учащийся школ [12, л. 268; 15, л. 155об.]. С началом 1925/1926 учебного года физическая культура в обязательном порядке изучалась во всех учебных заведениях ССРБ. О количестве школьников, изучавших этот предмет на 1 октября 1925 г. дает представление таблица 1. При школах функционировали спортивные кружки (таблица 2).

Таблица 1. – Количество школьников, изучающих физкультуру с 1 октября 1925 г.

Наименование округов	Могилевский	Слуцкий	Калининский	Оршанский	Бобруйский	Витебский	Полоцкий	Борисовский	Мозырский	Минский	Всего
Количество школьников	7183	2672	2668	2447	2975	10738	2144	4264	560	18963	54614

Таблица 2. – Число занимающихся в спортивных кружках при школах с 1 октября 1925 г.

Наименование округов	Могилевский	Бобруйский	Мозырский	Оршанский	Калининский	Полоцкий	Витебский	Слуцкий	Борисовский	Минский	Всего
Количество кружков	15	7	–	8	7	1	–	7	8	–	53
Мальчиков	650	333	–	493	325	18	–	100	207	–	2126
Девочек	338	192	–	217	250	12	–	400	164	–	1573

Важнейшее значение придавалось военизации физкультуры, развитию военно-прикладных видов спорта. По указанию окружного совета физкультуры учебные классы, спортивные кружки делились на взводы, отделения, звенья с назначением старших. Каждое занятие начиналось с построения, все передвижения осуществлялись строем, иногда с песней. При проведении уроков отрабатывались элементы военной подготовки: броски учебных гранат, метание дисков, копий, толкания ядер, упражнения на деревянном коне, элементы армейского рукопашного боя, преодоление полосы препятствий, бег в противогазовых масках и др. Для отработки строевых приемов, основ тактических передвижений, навыков пользования маской Зелинского, стрельбы из стрелкового оружия практиковалось приглашать на уроки физической культуры офицеров воинских частей, инструкторов военкоматов, сотрудников спортивного общества «Динамо». Периодически занятия проводились на территории спортивных городков, полигонов, стрельбищ воинских частей и военкоматов, где мальчики и девочки знакомились с открытыми в полный профиль окопами, образцами военно-инженерных сооружений и заграждений, учились преодолевать полосу препятствий, определять расстояние до целей на глаз, правилам стрельбы из стрелкового оружия. В сборных и учебных пунктах военкоматов, ленинских уголках воинских частей офицеры знакомили школьников с имеющимися образцами оружия, учили правильной разборке, сборке и смазке трехлинейной винтовки.

Группа школьников регулярно посещала стрелковую секцию общества «Динамо», мальчики и девочки обучались некоторым навыкам меткой стрельбы из стоящих на вооружении красноармейских частей и войск ГПУ винтовок и пулеметов. При обществе функционировал стационарный стрелковый тир, где обучались основам стрельбы более 100 детей и представителей молодежи. При тире работала детско-юношеская секция, в которой занималось 20 школьников. Стрелковые кружки учащихся школ от 10 до 30 человек действовали при всех воинских частях гарнизона, окружных, районных военкоматах и советах физкультуры.

Деятельность государственных органов, общественных организаций округа по физическому воспитанию, военно-прикладной подготовке школьников отмечалась как положительная на пленумах, заседаниях бюро и секретариатов ЦК ЛКСМБ (1924–1927 гг.), втором Всебелорусском съезде физкультурников (ноябрь 1925 г.). Успешно решались вопросы военно-спортивного обучения учащихся школ в Горецком, Городокском, Кличевском, Копытском, Кохановском, Лепельском, Осиповичском, Полоцком, Сенненском, Толочинском, Червенском районах, городах Бобруйске, Борисове, Витебске, Минске, Могилеве, Слуцке [16, лл. 42, 54; 17, лл. 55–57; 18, лл. 219, 318; 19, лл. 26, 32; 20, лл. 35, 37, 67; 21, л. 76]. Тем не менее, в физическом воспитании и военной подготовке школьников наличествовали проблемы и недостатки. Слабо согласованными в работе с детьми и подростками были отношения между государственными учреждениями. Физической и военно-прикладной подготовкой мальчиков и девочек занимались исполкомы советов, отделы образования, здравоохранения, советы физкультуры, военные комиссариаты, руководство войсковых частей, но, как показало изучение документов, взаимосвязанности в их действиях не было. Проведенная рабоче-крестьянской инспекцией весной 1925 г. проверка деятельности республиканских ведомств, отвечающих за постановку физкультурной и военно-прикладной подготовки учащихся школ, показала, что в их работе полностью отсутствует взаимодействие. Каждое учреждение строило свою военно-спортивную деятельность по отдельным планам, без какой-либо координации с другими организациями, что приводило к параллелизму в работе. Например, республиканский совет физкультуры совершенно не владел данными о количестве школьников, занимающихся военно-физической подготовкой при спортивных комитетах воинских частей, такая деятельность не анализировалась [16, л. 57].

Проведению физкультурной и военной подготовки с мальчиками и девочками препятствовали недостаток в школах, физкультурных обществах удовлетворительных гимнастических залов, оборудования и инвентаря. Спортивные площадки многих учебных заведений, как правило, представляли собой необорудованные участки местности для игр и установленные на них примитивные тренажеры: турники, параллельные брусья. Такое положение было характерно для городов Калинковичи, Мозыря, Шклова. Хуже обстояли дела в сельской местности. Например, в начальных школах Бельинковичского, Каролинского, Озаричского, Рясненского районов полностью отсутствовали помещения для занятий физкультурой и какие-либо спортивные принадлежности, при учебных заведениях даже не имелось простейших детских площадок. Естественно в 1924/1925 учебном году уроки физической культуры в этих учебных заведениях не проводились. [22, л. 122; 23, л. 337].

Неумело в ряде мест проходило преподавание нового предмета. Гимнастические упражнения во многих школах проводились учителями, совершенно не разбирающимися в вопросах спорта, санитарно-гигиенические условия в местах проведения уроков нередко были неудовлетворительными. Так, в большинстве начальных учебных заведений Житковичского, Костюковичского, Луполовского, Туровского районов физкультурные занятия с мальчиками и девочками проводились в школьных коридорах или обычных учебных классах, совершенно не приспособленных для таких целей. Уроки из-за неосведомленности учителей в вопросах спорта проходили в форме рассказов, опросов о задачах введенного курса или простейших упражнений утренней физзарядки. Количество часов на изучение физкультуры отводилось от одного до двух в неделю. Естественно, эффект от такой учебной работы был крайне низким [16, л. 125; 22, л. 235].

Множество проблем возникало в процессе военизации физической культуры. Архивные документы свидетельствуют, что военно-физкультурная подготовка во многих школах проводилась эпизодически, без плана, в сельской местности нередко отсутствовала. В большинстве районов количество физкультурных, военно-технических кружков при военкоматах, войсковых частях, добровольных пожарных обществах и дружинах было незначительным, численность занимающихся в них школьников, как правило, составляла от 10 до 30 мальчиков и девочек. В Краснопольском, Лельчицком, Наровлянском, Пропойском районах в 1924 – 1925 гг. не было создано ни одного такого кружка [13, л. 44; 24, л. 144]. На примитивном уровне находилась техническая база военно-спортивных ячеек. Во многих из них не хватало самого необходимого: гимнастических лестниц, канатов, деревянных коней, турников, параллельных брусьев, физкультурной формы. Особенно неблагоприятно обстояли дела в военно-стрелковом спорте. В масштабах республики в октябре 1925 г. функционировало лишь 12 стационарных стрелковых тиров, 6 из которых находились в Минске. В Борисовском, Витебском, Мозырском, Оршанском, Полоцком, Слуцком округах имелось лишь по одному такому тире, в Бобруйском, Калининском и Могилевском не имелось ни одного стационарного тира для стрельбы. Незначительным было количество стрелковых кружков. Из имеющихся в республике 16 кружков 5 находились в Минске, 3 – в Витебске, по 2 – в Борисове, Полоцке и Слуцке, по 1 – в Могилеве и Орше. Не имелось ни одного стрелкового кружка при обществе «Динамо» в Бобруйском, Калининском и Мозырском округах. Конечно, кружки по обучению школьников стрельбе из боевого оружия имелись в тирах на воздухе при всех воинских частях и военкоматах, но общее число обучающихся в них школьников, как свидетельствуют архивные материалы, не превышало 20–30 человек. Это, конечно, не соответствовало задачам обеспечения физической и военной подготовки подрастающего поколения ССРБ в период проведения военной реформы [16, л. 47].

Заключение. Архивные источники, материалы прессы свидетельствуют о том, что в 1924 – 1925 гг. в ССРБ складывались основы системы физического воспитания и военно-прикладной подготовки школьников. Руководством военно-физической подготовкой мальчиков и девочек занимались советы физической культуры, военкоматы, отделы народного образования, общественные патриотические организации. В ходе обучения инструкторского состава, учителей на специализированных курсах и учебно-методических занятиях рассматривались вопросы физической подготовки мальчиков и девочек, военизации физкультуры. Учащиеся школ занимались укреплением здоровья в ходе плановых уроков, а также в спортивных и военно-технических кружках. Значительное внимание уделялось военизации физкультуры, военно-прикладной подготовке мальчиков и девочек.

В ряде районов физическое воспитание и изучение основ военной подготовки школьников осуществлялись на высоком уровне. Накопленный опыт спортивной и оборонно-массовой работы с учащимися школ требует вдумчивого осмысления и, по мнению автора, возможен для использования на современном этапе.

На качество проводимой деятельности отрицательно влияли слабая техническая база учреждений образования и военно-физкультурных ячеек, низкая спортивная компетентность учителей. В ряде школ уроки физической культуры, внешкольные военно-спортивные занятия проводились в коридорах или обычных учебных классах, не отвечающих техническим и санитарно-гигиеническим нормам. Физические упражнения во многих учебных заведениях проводились на примитивном уровне, в сельской местности нередко не выполнялись. Занятия физкультурой нередко проходили в форме рассказов о задачах спортивно-массовой работы и простейших упражнений утренней зарядки. Имеющееся количество и численность военно-технических кружков в ССРБ не отвечали потребностям времени. Небольшим было число стрелковых кружков, где число занимающихся там школьников также было невелико.

Исследование показало, что физическое воспитание и военно-прикладная подготовка школьников, несмотря на имеющиеся проблемы и недостатки, сыграли огромную роль в подготовке подрастающего поколения к защите Родины. Абсолютное большинство солдат, мужественно и стойко сражавшихся в годы Великой Отечественной войны во имя Победы с фашистскими захватчиками, получили основы волевых качеств, идейной убежденности, стойкости, физической и начальной военной подготовки в период школьного обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чигринов, П.Г. Военно-патриотическое воспитание трудящихся. Из опыта работы компартии Белоруссии (1926 – 1941 гг.) / П.Г. Чигринов. – Минск : Беларусь, 1981. – 207 с.
2. Чигринов, П.Г. Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в период построения и упрочения социализма 1926 – июнь 1941 г. (на материалах Компартии Белоруссии) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.01 / П.Г. Чигринов ; Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Минск, 1985. – 43 с.
3. Пикульский, Е.В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1926 – 1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Е.В. Пикульский ; М-во высш. и сред. спец. образования БССР [и др.]. – Минск, 1975. – 26 с.
4. Кушнер, В.Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921 – 1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.Ф. Кушнер ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1976. – 25 с.
5. Хромченко, Д.Н. Оборонно-массовая работа общественных организаций Беларуси в 1920 – 1940-е годы / Д.Н. Хромченко. – Минск : БНТУ, 2017. – 204 с.
6. Куликович, К.А. Развитие физической культуры и спорта в Белорусской ССР (1945 – 1970 гг.) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13734 / К.А. Куликович ; Моск. гос. ин-т физ. культуры. – М., 1972. – 53 с.
7. Шаврук, В.И. Внеурочная политико-воспитательная работа в школах Белорусской ССР (1920 – 1965 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / В.И. Шаврук ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1967. – 22 с.
8. Коваленко, Г.П. Становление и развитие физического воспитания общеобразовательной школы советской Белоруссии (1917 – 1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Г.П. Коваленко ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1972. – 22 с.
9. Белорусский государственный университет физической культуры: о времени, о спорте, о себе / Белорус. гос. ун-т физ. культуры ; под общ. ред. М.Е. Кобринского. – Минск : БГУФК, 2007. – 398 с., ил.
10. Комсомол – нашей доблестной партии сын : из истории Ленинского Коммунистического Союза Белоруссии : сб. очерков / редкол.: А.К. Зинин, А.А. Маркевич. – Минск : Госиздат БССР, 1960. – 492 с.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1757.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1791.
13. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 54.
14. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 641.
15. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 610.
16. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 64а.
17. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 37.
18. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 70.
19. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 71.
20. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 72.
21. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1106.
22. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1787.
23. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1789.
24. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1790.

Поступила 01.06.2021

PHYSICAL AND MILITARY TRAINING OF PUPILS IN SOVIET BELARUS (1924 – 1925)

U. KRUKOUSKI

The work of state bodies and public organizations on physical education and military-applied training of pupils is considered. The successful experience accumulated in a number of places has been revealed. The reasons hindered the ongoing activities associated with the inconsistency of actions of republican departments, the lack of physical education teachers, and the lack of gymnasiums have been analyzed. It is indicated that physical exercises in many schools were carried out at a primitive level, in rural areas they were often not performed. The number of military circles was small, and there were few school students in them. In general, military-sports training with pupils was carried out thoughtfully, and it solved the planned tasks.

Keywords: *physical training military-applied training, technical base, teachers, sports clubs, shooting ranges, boys and girls, pupils.*

УДК 94(476) «1931-1941»

**ПРОВЕДЕНИЕ ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
В ОРГАНАХ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ БССР В 1931 – 1941 гг.****А.Н. ТЮТЮНКОВ***(Могилевский институт МВД Республики Беларусь)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8143-2945>

В статье рассматриваются вопросы проведения политико-воспитательной работы в органах Рабоче-крестьянской милиции БССР в 1930-х годах. Обосновывается тезис о создании в рамках политико-воспитательной работы системы повышения общеобразовательного и культурного уровня работников милиции, информированности их в вопросах внутренней и внешней политики государства, пропаганды качественного исполнения должностных обязанностей, система контроля за усвоением информации. Особое внимание в ней уделялось вопросам служебной дисциплины и законности работниками РКМ. В то же время имелись различия в практике наложения дисциплинарных взысканий на различные категории работников милиции.

Ключевые слова: Рабоче-крестьянская милиция, политико-воспитательная работа, дисциплина, оборонная работа, культурно-массовая работа.

Введение. В начале 1930-х годов важнейшими задачами политического аппарата Рабоче-крестьянской милиции (далее – РКМ) в политико-воспитательной работе (далее – ПВР) стало повышение общеобразовательного и культурного уровня работников милиции, обеспечение достаточной информированности в вопросах внутренней и внешней политики, соблюдения личным составом требований дисциплины и законности. Опыт, накопленный в период создания ПВР в милиции, вполне может быть востребован в современных реалиях. В то же время данные вопросы глубоко не изучены отечественной исторической наукой. В своих исследованиях отдельные аспекты проведения ПВР рассматривали А.Ф. Вишневецкий [1, с. 82] и Д.Н. Понуждаев [2, с. 136]. Однако названными авторами констатировался только факт проведения ПВР в 1930-х годах. В рамках исследования интересным источником представляется ведомственная периодическая печать, в частности, газета политотдела Главного управления Рабоче-крестьянской милиции НКВД БССР «На варце Кастрычніка», в которой имеется значительный объем фактологического материала.

Основная часть. 2 сентября 1931 года увидела свет директива «О задачах агитационно-массовой работы в РКМ БССР» – первый документ об организации ПВР после структурной перестройки РКМ. Уже первый раздел директивы требовал вовлечения в политико-воспитательную работу всего личного состава и был посвящен «массовой работе», которая представлялась инструментом охвата партийным влиянием широких масс, усиления связи с ними, мобилизации их активности вокруг генеральной линии партии¹.

Были определены основные направления ПВР. Это глубокое изучение с личным составом решений партии и правительства; обеспечение высокого качества боевой и политической подготовки; пропаганда достижений в учебе и службе; жесткая критика недостатков; интернациональное воспитание личного состава на основе изучения национальной политики партии; повышение общей грамотности и культуры одновременно с антирелигиозной пропагандой; развертывание социалистического соревнования и ударничества. В дальнейшем эти направления ПВР корректировались, и к 1941 г. выглядели следующим образом:

- повышение политической грамотности работников милиции;
- пропаганда добросовестного исполнения служебных обязанностей и обеспечение укрепления дисциплины и законности;
- воспитание готовности к защите страны от внешнего агрессора и пропаганда изучения военного дела;
- повышение общекультурного уровня работников милиции.

Приоритетным при проведении ПВР было повышение политической грамотности работников милиции, так как знания в области внутренней и внешней политики, истории Советского государства должны были подготовить работника к успешному исполнению своих обязанностей.

Формы политической учебы были достаточно разнообразны: лекции, доклады, политинформации, кружки по изучению теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма, истории партии, внутренней и внешней политики государства [3, с. 75]. Основные темы были определены в 1931 г.:

- о работе милиции на фронте борьбы с бандитизмом и охраны революционного порядка;
- об участии РКМ вместе с Красной Армией и органами ГПУ-ВЧК в деле борьбы с белополяками и контрреволюцией;
- о военно-политической учебе;
- о соцсоревновании и ударничестве;
- о партучебе;

¹ Аб задачах агітацыйна-масавай работы ў Рабоча-сялянскай міліцыі БССР (15.12.1931) // НАРБ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 54. Л. 4–24.

- о ходе выполнения лозунгов «Часть без единого дисциплинарного взыскания»;
- об участии в социалистической реконструкции сельского хозяйства;
- о ходе перестройки партийной, комсомольской, профсоюзной работы в связи с реорганизацией милиции².

С течением времени основным содержанием работы по политической грамотности стало проведение мероприятий по разъяснению значения важнейших внутривластных и внешнеполитических событий. В целом, ПВР живо откликалась на изменение актуальности внешнеполитической и внутривластной повестки дня. Например, календарным планом проведения политических занятий с рядовым составом Дриссенского РОМ Витебской области на январь 1936 г., было предусмотрено изучение следующих тем с последующей проверкой усвоения: «первый чекист-организатор и руководитель ВЧК ОГПУ Ф. Держинский и В. Менжинский; ВЧК-ОГПУ в борьбе с белогвардейскими заговорами и науськиваниями; разгром кулачества, контрреволюции и вредительства; руководитель НКВД СССР и проверенный железный соратник В. Менжинского тов. Г.Г. Ягода»³. Знаковые общественно-политические события непосредственно влияли на содержание ПВР. Так, после вступления в силу Конституции СССР 1937 г. в стране должны были пройти избирательные кампании: от выборов сельских советов до выборов в Верховный Совет СССР [4, с. 8]. На это сразу же отреагировали политаппараты, и предстоящие выборы обсуждались в подразделениях и на страницах ведомственной печати.

Работу по повышению политической грамотности можно условно разделить на мероприятия, охватывающие весь личный состав, и мероприятия для членов партийных и комсомольских организаций. К первой группе относятся политзанятия (проводимые по графику) и ежедневные политинформации, стенная печать, кружки политпросвещения, политбои, обсуждение решений партии и правительства, а также подписка на ведомственную и республиканскую печать. Использовали даже такие формы работы, как громкие читки. В декабре 1935 г. в Дриссенском РОМ состоялись читки речей В.М. Молотова на совещании стахановцев (газета «Правда» от 19 октября 1935 г.), Г.К. Орджоникидзе на совещании стахановцев (газета «Правда» от 18 октября 1935 г.), письма И.В. Сталину от лучших машинистов Донецкой железной дороги (газета «Правда» от 16 октября 1935 г.)⁴. Повышение политической грамотности стало неотъемлемой частью учебы руководящего состава РКМ⁵ и первоначальной подготовки вновь принятых милиционеров⁶. Вторая группа мероприятий более разнообразна по формам и включала в себя: кандидатские школы политграмоты для кандидатов и сочувствующих; начальные школы по изучению ленинизма; предметные кружки (истории ВКП(б), ленинизма, политэкономии, экономполитики и др.); школы-курсы пропагандистов; вечерние комвузы; курсы партактива; заочные курсы партактива и курсы марксизма-ленинизма. Результаты политической учебы ежеквартально рассматривались на собраниях партийных организаций РОМ⁷.

В работе партийных ячеек нашли свое отражение и кампании против врагов народа. Постановление общего партийного и комсомольского собрания РО НКВД м. Бельничичи 4 марта 1938 г. по вопросу «Информация о процессе правотроцкистского блока» гласило: «Все материалы, проходящие о вопросе правотроцкистского блока необходимо проработать со всеми работниками коллектива РО, для чего поручить т. Чернецову проработать и осудить преступную наглую предательскую деятельность фашистских выродков и присоединиться нашему коллективу к требованиям трудящихся страны, строящих социализм, с требованием РАСТРЕЛА фашистских собак Бухариных, Рыковых, Ягод и др.»⁸.

Создание информационного поля и воздействие на работников милиции обеспечивала ведомственная печать. Приоритетность тем ярко прослеживается в ведомственной газете «На варце Кастрычніка». Из 1592 публикаций в сохранившихся номерах блок, посвященный содержательной стороне политической грамотности, составил 694 материала (43,59%). При этом информация о внутренней и внешней политике советского государства содержится в 487 публикациях (70,17%), доведение и разъяснение позиции руководства страны и РКМ по различным актуальным вопросам деятельности милиции в 137 публикациях (19,74%), знания об истории страны, партии, милиции в 70 публикациях (10,08%). Отражение вопросов внешней политики в ведомственной печати резко усилилось в 1938 г., что свидетельствовало о насущной потребности в донесении до населения в целом и работников РКМ в частности «правильной» оценки внешнеполитической ситуации и формирования готовности защищать страну. Например, Китай и республиканская Испания оценивались однозначно позитивно, и события подавались как борьба народов с «угнетателями» в виде японских оккупантов либо «фашизма». Также оправдывался Советско-Японский конфликт и участие советских специалистов в войне в Испании. Материалы должны

² Абежнае распараджэньне ГК РСМБ ад 23.10.1931 // НАРБ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 54. Л. 33.

³ Календарны план правядзеньня палітзаняў з рядовым складом аддзяленьня РКМ Дзержынскага РО НКВД БССР на январь месяц 1936 г. // ГАВО. Ф. 132-П. Оп. 3. Д. 844. Л. 27.

⁴ План правядзеньня гомкіх чіткаў газет і худохвештнай літэратуры сярод работнікаў аддзяленьня РКМ Дрысненскага РО НКВД БССР на декабрь 1935 года // ГАВО. Ф. 132-П. Оп. 3. Д. 844. Л. 25.

⁵ Плян вучобы каманднага складу кіраўніцтва Гарадокскай райміліцыі на жнівень месяц 1931 году // ГАВО. Ф. 132-П. Оп. 3. Д. 688. Л. 3.

⁶ Прыказ начальніка ўправленьня РК міліцыі НКВД БССР Могілеўскай абласці №26 ад 8 марта 1940 года // Арх. УВД Могілісполкома. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 29-30.

⁷ Плян працы партыйнай ячэйкі на снежань м-ц 1931 г. // ГАВО. Ф. 132-П. Оп. 3. Д. 688. Л. 22.

⁸ Пратакол агульнага Парт Комсомольскага сабрания РО НКВД (м.Бельнічы) ад 4 марта 1938 года // ГАОМГО. Ф. 45. Оп. 1а. Д. 331. Л. 33.

были консолидировать население в готовности защитить страну: «Няхай запамятаюць фашысты, што ім не здаб-раваць, калі яны нападуць на нас. Услед за непераможнай Чырвоная Арміяй на абарону сваёй любімай радзімы падыміцца ўвесь наш народ. Няхай усе фашысцкія падпальшчыкі вайны ўлічаць урок, які атрымалі японскія за-хватчыкі ад нашых пагранічнікаў і байцоў Далёкаўсходняга Чырвоназнамённага фронту. Мы, работнікі РС міліцыі адзінадушна заяўляем аб сваёй гатоўнасці ў любы момант па закліку партыі і ўрада, па закліку любімага правадыра і друга ўсяго прагрэсіўнага чалавецтва – таварыша Сталіна стаць на абарону нашых свяшчэнных граніц»⁹.

С первой половины 1939 г. было начато освещение отношений с Финляндией. Отдельно рассматривалась деятельность нацистской Германии. До подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (23 августа 1939 г.) внешнеполитическая деятельность Германии оценивалась негативно. Так, 25 июня 1938 г. была опубликована статья «Германские планы захвата Чехословакии». В ней осуждается агрессивная политика Гитлера по отношению к Чехословакии, утверждается, что Германия нацелена на оккупацию этой страны и лишь обстоятельства пока не позволяют реализовать эти планы: «Германские фашисты не перестают угрожать Чехословакии»¹⁰. Однако после августа 1939 г. тон статей меняется кардинальным образом. Так, в номере от 3 сентября 1939 г. размещено сообщение В.М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 августа 1939 г. «О ратификации Советско-Германского договора о ненападении»¹¹. В сообщении говорится о том, что попытки западных держав поссорить СССР и Германию не удалась и договор обеспечивает добрососедское существование двух государств. Важным было и польское направление внешней политики в свете освещения жизни белорусов в Западной Беларуси.

Значительное внимание уделялось освещению внутривнутриполитических событий. В ходе анализа данной группы материалов нами установлено, что основными видами публикаций стали:

1. Материалы, содержащие важнейшие нормативные документы, решения партии и правительства. Например, в номере от 31 января 1933 г. озвучены задачи первого года второй пятилетки: «У другой пяцігодцы галоўнай задачай высоўваецца барацьба за асваенне новай вытворчасці, за ўздым вытворчасці працы, за ўсебаковае палепшанне якасці прадукцыі і працы <...> У другой пяцігодцы галоўнейшай задачай у галіне сельскай гаспадаркі зьяўляецца барацьба за ўздым ураджайнасці, павышэнне таварнасці і палепшанне якасці сельска-гаспадарчай працы, перавы-хаванне калгасных мас у сацыялістычным напрамку і арганізацыйна-гаспадарчае замацаванне калгасаў»¹².

2. Информация о важнейших общественно-политических событиях различного уровня. 17 ноября 1937 г. на первой странице номера было опубликовано сообщение «Аб рэгістрацыі кандыдатаў у дэпутаты Саюза Саюза Вярхоўнага Савета СССР. Пастанова Менскай гарадской акруговай па выбарах у «Совет Саюза выбарчай камісіі», в котором сообщалось о регистрации в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР Ворошилова Климентия, члена ВКП(б) с 1903 г., Народного Комиссара обороны СССР, первого маршала Советского Союза, выдвинутого на общих собраниях ряда предприятий Минска»¹³.

3. Информация о достижениях Советского государства. Так, 12 марта 1933 г. была опубликована выдержка из обращения 1-го Всесоюзного съезда колхозников-ударников ко всем крестьянам-колхозникам СССР: «Зараз вас, калгаснікаў, савецкая ўлада мае права запытаць: “Ну добра, зямлі вам дана ўволю; паўтараста тысяч трактараў і сотні тысяч розных сама навейшых машын вы атрамалі; кожны дзень рабочыя рыхтуюць для вас новыя сотні трактараў, камбайнаў, аўтамабіляў; мільярды рублёў крэдытаў за апошнія тры гады мы вам прадставілі; дзесяткі мільёнаў пудоў бяспроцантнай насеннай і харчовай пазыкі дала вам дзяржава за гэтыя гады, пакуль вы станавіліся на ногі. Дзесяткі тысяч аграномаў, тэхнікаў, арганізатараў пасланы вам у дапамогу”»¹⁴.

4. Информация о победах над внутренними врагами. Позиция правительства в отношении побежденных фракций партии большевиков очень четко отражалась в материалах газеты. Авторы публикаций не стеснялись в выражениях: «Мы ні на хвілініну не павінны забываць слоў таварыша Сталіна аб капіталістычным акружэнні. Тра-цкісцка-бухарынскія агенты фашызма, як вядома, нямаюць нашкодзілі народнай гаспадарцы Беларусі. Большевікі БССР і ўвесь народ заняты зараз ліквідацыяй вынікаў гэтага гнуснага шкодніцтва»¹⁵.

Основными способами обеспечения качественного исполнения должностных обязанностей работниками милиции стали соцсоревнование, доведение информации о примерах добросовестного исполнения обязанностей, дисциплинарная практика. Отдельное внимание необходимо уделить соблюдению законности и дисциплины работниками милиции как важнейшему индикатору эффективности ПВР. Отсутствие преступлений, совершенных работниками РКМ, антисоветских выступлений и настроений являлось важнейшим критерием эффективности ПВР в каждом конкретном подразделении¹⁶.

⁹ Гатовы стаць на абарону нашых свяшчэнных граніц // На варце Кастрычніка. – 1938. – 5 жніўня – С. 1.

¹⁰ Нежданов Г. Германские планы захвата Чехословакии // На варце Кастрычніка. – 1938. – 25 чэрв. – С. 4.

¹¹ О ратификации Советско-Германского договора о ненападении // На варце Кастрычніка. – 1939. – 3 вер. – С. 1–4.

¹² Лісецкі. Задачы першага году другой пяцігодкі // На варце Кастрычніка. – 1933. – 31 студз. – С. 1.

¹³ Аб рэгістрацыі кандыдатаў у дэпутаты Саюза Саюза Вярхоўнага Савета СССР. Пастанова Менскай гарадской акруговай па выбарах у Совет Саюза выбарчай камісіі // На варце Кастрычніка. – 1937. – 17 лістап. – С. 1.

¹⁴ Зараз вас, калгаснікаў, савецкая ўлада мае права запытаць // На варце Кастрычніка. – 1933. – 12 сак. – С. 1.

¹⁵ Аправадаем высокую ўзнагароду // На варце Кастрычніка. – 1937. – 17 лістап. – С. 1.

¹⁶ Протокол общего собрания первичной парторганизации Дриссенского РО НКВД БССР от 28 дек. 1935 г. // ГАВО. Ф. 132-П. Оп. 3. Д. 849. Л. 2.

Социалистическое соревнование развернулось в РКМ еще в 1929 г. с целью совершенствования деятельности милиции. В 1931 г. в гарнизоне милиции города Могилева все подразделения были охвачены соцсоревнованием, 134 ударника шефствовали над отстающими, в деятельности кружков и школ по повышению политической грамотности и уровня профессиональной подготовки было задействовано 97% работников [1, с. 117], уже к концу 1932 г. им было охвачено большинство подразделений милиции БССР [1, с. 25–32]. Руководством РКМ соцсоревнование рассматривалось как важнейшее средство повышения качества исполнения служебных обязанностей и в предшествующий период. Непосредственно организация социалистического соревнования была возложена на партийные и комсомольские организации¹⁷. Итоги соцсоревнования подводились партийными организациями РОМ еженедельно¹⁸. Партийные организации некоторых подразделений (г. Витебск) прямо требовали, чтобы все члены партии и комсомольцы являлись активными участниками социалистического соревнования: «Агульны партсход абавязвае кожнага члена і кандыдата партыі і камсамольца ў партыйным парадку быць удзельнікам у соцспарборніцтве. Партарганізацыя прапануе кожную декаду правераць кожнага партыйца і камсамольца, яго авангардную ролю і абгаварыць вынікі соцспарборніцтва партыйцаў на партсходах»¹⁹.

Можно выделить три уровня соцсоревнования: между работниками (индивидуальное)²⁰, между подразделениями²¹, между РКМ республик (БССР и УССР)²². Условия соцдоговора, как правило, касались качественного исполнения служебных обязанностей, усвоения учебного материала в рамках профессиональной и политической подготовки, соблюдения служебной дисциплины и их профилактики. Например, в 1940 г. начальник военного учета стола 3-го городского отделения РКМ НКВД г. Белостока заключил договор социалистического соревнования со своим коллегой из 2-го отделения по следующим пунктам: «своевременно являться на работу, как утром, а также и вечером, не иметь ни одного опоздания; изучить Руководство по учету в/обязанных рядового и мл. нач. состава на отлично, а также вести учет согласно Руководства; регулярно посещать командирскую учебу, изучать и усваивать на «хорошо» пройденные темы, а также самостоятельно изучать Краткий Курс Истории ВКП(б) и конспектировать его; проверить к 1-му мая 41 года все домоуправления находящиеся на наших территориях с целью выявления нарушителей в/учета; прочесть не менее 2-х художественных книг, а также ежедневно читать газеты; своевременно реагировать на жалобы трудящихся и быть вежливым с гражданами»²³. В 1933 г. условия договора соцсоревнования между взводами ведомственной милиции Мозырского района, заключенного на срок с 1 января по 1 апреля 1933 года, предусматривали:

- 1) недопущение дисциплинарных проступков;
- 2) обеспечение закрепления на службе в рядах РКМ всего личного состава до конца второй пятилетки;
- 3) выполнение всех контрольных цифр боевой и политической подготовки без неудовлетворительных оценок и с не менее 50% оценок – «хорошо»;
- 4) своевременное изучение всех решений партии и правительства;
- 5) охват марксистско-ленинским воспитанием всех коммунистов и комсомольцев и не менее 60% беспартных;
- 6) ежедневное проведение агитационной массовой работы со всем личным составом взводов;
- 7) хорошее овладение военной техникой;
- 8) охват всего личного состава соцсоревнованием и ударничеством;
- 9) сохранение гражданского и государственного имущества;
- 10) улучшение работы милицейского хозяйства;
- 11) организация ячейки «Динамо»;
- 12) организация изобретательской и рационализаторской деятельности работников подразделений;
- 13) оборудование ленинского уголка, общежития и столовой;
- 14) ежемесячно направлять материалы о работе своих подразделений в газету «На варце Кастрычніка»²⁴.

Проверка реализации договоров и подведение итогов осуществлялись руководителями подразделений, поллитработниками и партийными организациями.

Вершиной соцсоревнования в РКМ в изучаемый период стало заключение в мае 1939 г. договора соцсоревнования между РКМ БССР и УССР. Контролировать реализацию и проверять выполнение условий должен был политотдел главного управления РКМ НКВД СССР. Проверка выполнения условий договора была приурочена к XXII годовщине РКМ. Договор был размещен в газете политотдела главного управления РКМ НКВД БССР «На варце Кастрычніка» и был доступен для изучения всем работникам милиции²⁵.

¹⁷ Плян працы бюро парткалектыву Менскага гарнізону міліцыі на час з 15/VII–па 1/X–31 г. // ГАВО. Ф. 132-П. Оп. 3. Д. 688. Л. 5.

¹⁸ Плян працы бюро парткалектыву Менгарміліцыі на снежань 1931 г. // ГАВО. Ф. 132-П. Оп. 3. Д. 688. Л. 25.

¹⁹ Пастанова агульнага гарнізоннага партз'езда ад 25/V/-34 г. па дакладу т. Хоніка аб майскім пленуме ЦК КП(б)Б і задачы РСМ // ГАВО. Ф. 132-П. Оп. 3. Д. 134. Л. 4.

²⁰ Соц. договор // ГАООГрО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 731. Л. 66.

²¹ Плян працы парт'ячэйкі пры Гарадоцкай райміліцыі на май месяц 1932 г. // ГАВО. Ф. 132-П. Оп. 3. Д. 688. Л. 42.

²² Выполним взятые социалистическое обязательства // На варце Кастрычніка. 1939. 7 мая. С. 3.

²³ Соц. договор // ГАООГрО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 731. Л. 67.

²⁴ Кашчэяў. «Выклікаем на сацспарборніцтва» / Кашчэяў // На варце Кастрычніка. 1933. 31 студз. С. 2.

²⁵ Выполним взятые социалистическое обязательства // На варце Кастрычніка. 1939. 7 мая. С. 3.

Серьезным инструментом информационного воздействия, пропаганды качественного исполнения служебных обязанностей и профилактики нарушений дисциплины стала ведомственная газета «На варце Кастрычніка». Значительное количество публикаций посвящено качественному исполнению своих обязанностей работниками РКМ, членами общественных формирований при РКМ, их успехам в учебе, общественной жизни. Всего достоянием милицейской общественности стали фамилии 1475 работников, членов общественных формирований. В ходе анализа публикаций нами выделено 2 группы материалов. Первая группа – публикации о работниках милиции, отличившихся в «резонансных» ситуациях: раскрытие преступлений, предотвращение чрезвычайных происшествий и т.д. Публикации, как правило, объемны и достаточно подробно раскрывают деятельность конкретных работников и членов общественных формирований. Подробное описание свидетельствует о желании руководства РКМ не только донести до работников положительный пример, но и показать, что успех будет обязательно замечен и поощрен. Это могла быть статья о раскрытии громкого жестокого преступления, и незначительной кражи. Так, 28 ноября 1939 г. на страницах газеты был опубликован репортаж о раскрытии сотрудниками уголовного розыска громкого преступления – убийства в Могилеве женщины с ребенком: «Но убийца все же был вскоре найден. Вот его объяснения: “Она мне была знакома. Узнавши, что муж в армии, решил ограбить. Пришел и попросил одолжить топора. Когда она отвернулась, обухом этого топора я ударил ее по голове. Она упала на спину. Я ударил еще два раза по голове. Потом сложил вещи в чемодан. Закричал ребенок и его ударил топором. После закопал топор в печку, в попел, и ушел. Дверь запер на замок, ключ выбросил <...> Думал, что сделал все «чисто» и ни за что не поймают”»²⁶.

Вторая группа – публикации о сотрудниках, чьи успехи в повседневной службе, учебе, общественных делах являются примером для остальных. В номере от 26 февраля 1933 г. рядом со статьей методического содержания «Роля і задачы малодшага камандзіра ў РС міліцыі» опубликована заметка «Бярыце прыклад з т. Качэргава»: «Камандзір 2-га аддзялення, 2-га ўзводу 1-га д-на Качэргаў Г.С., батрак, камандзір Чырвонай арміі, у міліцыі 3 м-цы. Ведае склад у карауле і інтэрнаце, прапрацоўвае сацагавары, наладжвае чытку і разбор газет. Займаўся вывучэньнем зброі і асваеньнем часьцей. Уцягнуў 7 чал. у партасьвету і 7 чал. у гурткі клюбу. Сам прымае удзел у спорце, уцягнуў аддзяленьне, цікавіўся бытам і ўмовамі жыцьця»²⁷. С качественным исполнением служебных обязанностей неразрывно связаны вопросы соблюдения законности и требований дисциплины в РКМ. Необходимость работы по укреплению дисциплины, в том числе и в милиции, была отражена еще в трудах В.И. Ленина: «Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся» [5, с. 3]. С точки зрения государства милиционер должен был являться образцом и примером для граждан в соблюдении законности и трудовой дисциплины.

В то же время проблемы с дисциплиной среди работников милиции имелись. Так, еще приказ начальника Главного управления милиции БССР 1927 г. требовал от всех начальников отделений милиций для укрепления дисциплины усилить воспитательную работу с личным составом и при изучении состояния работы учитывать результаты данной работы [3, с. 74]. Данный подход в РКМ был закреплен в Положении о рабоче-крестьянской милиции от 25 мая 1931 г., в котором для работников оперативно-строевого и административно-хозяйственного состава милиции устанавливалась воинская дисциплина [6, с. 109]. В мае 1933 г. в Минске состоялся республиканский слет милицейских работников, посвященный вопросам дисциплины и соблюдению законности. Всего на слете присутствовало более 150 делегатов и много гостей-минчан²⁸. В первом же докладе было отмечено, что в РКМ еще много фактов недисциплинированности. Ни одно подразделение РКМ не выполнило лозунг «Часть без единого проступка», чтобы быть достойным получить «Переходное Знамя, врученное правительством БССР, как боевому органу диктатуры пролетариата, охраннику революционной законности, верному стражу гражданской социалистической собственности»²⁹. Однако в дальнейшем от практики проведения мероприятий республиканского масштаба, видимо, было решено отказаться, и данная работа перешла в плоскость работы руководителей и политорганов непосредственно с личным составом.

Газета политотдела также активно участвовала в работе по укреплению дисциплины и законности, созданию атмосферы нетерпимости к нарушениям, обеспечению информирования работников РКМ о допущенных проступках³⁰. Всего в газете опубликована 691 статья по данной тематике и размещена информация о 501 работнике милиции, допустившем различные проступки. Из 527 работников, подвергшихся критике на страницах ведомственной газеты, 74 относятся к категории руководителей подразделений, что составляет 14,04%. Наложение дисциплинарных взысканий правами Народного Комиссара НКВД БССР практиковалось только в отношении работников центрального аппарата ведомства при совершении работниками резонансных проступков³¹.

Необходимо отметить, что основной уровень применения дисциплинарной практики (мер поощрения и взыскания) составляли областные управления РКМ. Благодаря сохранившимся документам общую картину

²⁶ Захош, Б. На страже интересов советских граждан / Б. Захош // На варце Кастрычніка. – 1939. – 28 лістап. – С. 3.

²⁷ Бярыце прыклад з т. Качэргава // На варце Кастрычніка. – 1933. – 26 лют. – С. 2.

²⁸ 2-3 мая 1933 г. у гор. Менску адбыўся першы ўсебеларускі злет міліцэйскіх работнікаў // На варце Кастрычніка. – 1933. – 14 мая. – С. 1.

²⁹ Усе нашы сілы, энергію і здольнасці на ліквідацыю маючыхся недахопаў у рабоце // На варце Кастрычніка. – 1933. – 14 мая. – С. 1.

³⁰ Сярэдняя ап’яненне // На варце Кастрычніка. – 1941. – 8 сак. – С. 4.

³¹ Приказ Народного Комиссара внутренних дел БССР от 29 апр. 1940 г. // Арх. МВД Респ. Беларусь. Ф. 50. Оп. 3. Д. 8., Л. 19.

можно представить на примере Могилевской области. К тому же, изучая документы за 1940 г., мы можем увидеть срез уже сложившейся и устоявшейся с 1931 г. дисциплинарной практики.

Всего в 1940 г. сотрудники РКМ Могилевской области 250 раз привлекались к дисциплинарной ответственности приказами по ГУРКМ НКВД БССР и УРКМ НКВД Могилевской области. На протяжении 1940 г. лица начальствующего состава (имеющие специальные звания, а, следовательно, окончившие двухгодичные школы милиции или успешно прошедшие соответствующий стаж милицейской работы и выдержавшие установленные испытания по программе указанных школ) привлекались к ответственности 65 раз, лица младшего начальствующего и рядового состава, служащие и рабочие – 185 [7, с. 133]. Анализ практики применения мер дисциплинарного взыскания позволяет выявить отличия в подходе к определению меры наказания для лиц начальствующего состава РКМ и остальных работников. К начсоставу практически не применялась такая мера, как увольнение (приказами УРКМ НКВД БССР уволено всего 2 сотрудника по приговору суда)³². Арест применялся почти в 9 раз реже (7 раз в отношении начсостава против 68 у младшего начсостава, милиционеров и служащих). Основными наказаниями для начсостава были строгий выговор (17 фактов), выговор (13), постановление на вид (9), указание на недостатки (11), т.е. те виды взысканий, которые обеспечивали выполнение ими своих служебных обязанностей в дальнейшем. По нашему мнению, это связано с дефицитом образованных кадров и отрицательными последствиями ежедневного отсутствия руководителя на рабочем месте [7, с. 136–137]. Структура наказаний работников из числа младшего начсостава, милиционеров и служащих существенно отличалась. Основными видами взысканий являлись арест без исполнения либо с исполнением должностных обязанностей (68 фактов), увольнение (31), выговор (22), строгий выговор (18). Также в аттестационном порядке из органов РКМ в 1940 г. было уволено 13 сотрудников не имеющих специальных званий.

В условиях постоянного доведения до работников милиции информации об агрессивном внешнеполитическом окружении необходимость сформировать готовность стать на защиту страны в условиях прямого военного противостояния была весьма актуальна. Данная задача реализовывалась в виде пропаганды оборонной работы в тесной связи с профессиональной подготовкой. Данное направление в военизированной организации всегда было актуальным: стрельба из стрелкового оружия, лыжные гонки, походы в противогазах, гимнастика и т.д. Оборонная работа рассматривалась и как часть повседневной боевой подготовки, и как элемент готовности к защите страны в случае внешней агрессии. Особенностью данного направления было то, что непосредственная реализация мероприятий осуществлялась различными общественными организациями, действовавшими в подразделениях милиции – Осоавиахим, профсоюзы, Динамо.

Основными способами пропаганды изучения военного дела стали соревнования по различным прикладным видам спорта, которые поддерживались руководством наркомата. Победители награждались приказом наркома внутренних дел, их достижения широко освещались в ведомственной печати и доводились до всего личного состава. Например, по итогам лыжных соревнований начальствующего и рядового состава органов и частей милиции БССР, проведенных 23–24 февраля 1937 г., на дистанции 10, 20 и 35 километров, в условиях сильной метели, победители были поощрены приказом Народного Комиссара внутренних дел БССР и награждены ценными подарками: малокалиберными винтовками и часами. Приказ был доведен до всего личного состава РКМ НКВД БССР³³. На уровне отдельных подразделений оборонная работа находилась под патронажем партийных организаций. Например, в плане работы парторганизации Бельничского РО НКВД на февраль 1937 г. в разделе «Массовая работа» было запланировано следующее мероприятие: «Т.т. Шевченко и Юревичу к 10.2–1937 г. организовать с членами ОСО и профсоюза вылазку на лыжах с участием всего оперативного состава для сдачи норм ГТО на 1-степень»³⁴. Значительный фактологический материал представлен в ведомственной печати, в частности, в газете политотдела «На варце Кастрычніка» опубликовано 113 материалов по исследуемой тематике (7,09% от всех материалов).

Вопросы повышения общекультурного уровня работников милиции были непосредственно увязаны с эффективностью ПВР, так как усвоить большой объем значимой политической информации могли работники с достаточно широким кругозором. Нами выделено несколько основных направлений культурно-массовой работы:

- организация художественной самодеятельности в подразделениях РКМ (песенные, хоровые, инструментальные кружки) с участием жен и детей работников;
- организация чтения художественной литературы;
- организация экскурсионных поездок, посещений учреждений культуры (кино, театр).

Центрами культурной жизни подразделений в изучаемый период стали клубы и библиотеки, которые действовали в РКМ с начала 1920-х годов. В начале 1930-х годов, с появлением полиаппарата, их деятельность активизировалась. Стала повседневной практика организации струнных и духовых оркестров, кружков, ансамблей. Началась демонстрация кинофильмов. Деятельность лучших коллективов освещалась в газете «На варце Кастрычніка», публиковались их фотографии. В каждом подразделении появились «Ленинские уголки», которые оформлялись стендами с политически значимым содержанием, стенгазетами органа милиции, а также помещения для чтения лекций, проведения политбоев, дискуссий, вечеров вопросов и ответов. Новой чертой стало широкое использование в ПВР истории органов внутренних дел [1, с. 123–124].

³² Приказ начальника управления РК милиции НКВД БССР от 19 дек. 1940 г. // Арх. УВД Могоблисполкома. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1/2., Л. 138.

³³ Приказ Народного Комиссара внутренних дел БССР от 3 марта 1937 г. // Арх. МВД Респ. Беларусь. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5. Л. 47–48.

³⁴ План партработы парторганизации Бельничского РО НКВД на февраль м-ц 1937 года // ГАООМГО. Ф. 45. Оп. 1а. Д. 331. Л. 3.

Заключение. Подводя итог исследования, мы можем утверждать, что в 1930-е гг. в РКМ в рамках проведения политико-воспитательной работы была создана система повышения общеобразовательного и культурного уровня работников милиции, информированности их в вопросах внутренней и внешней политики государства, пропаганды качественного исполнения должностных обязанностей, система контроля за усвоением информации. Был создан инструмент информационного воздействия на работников ведомства в виде газеты политотдела ГУРКМ БССР «На варце Кастрычніка». Особое внимание уделялось вопросам соблюдения служебной дисциплины и законности работниками Рабоче-крестьянской милиции. Привлечение к дисциплинарной ответственности руководителей за допущенные ими проступки происходило с учетом их ценности как квалифицированных специалистов, необходимых ведомству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневецкий, А.Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг.: историко-правовые аспекты / А.Ф. Вишневецкий ; науч. ред. В.М. Фомин. – Минск : Тесей, 2000. – 224 с.
2. Понуждаев, Д.Н. Могилевская милиция в довоенный период (1917 – первая половина 1941 г.) / Д.Н. Понуждаев. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2019. – 172 с.
3. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987 / В.Н. Савичев [и др.] ; под ред. В. А. Пискарева. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.
4. Бакулин, В.И. Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года и его место в политической жизни советского общества [Электронный ресурс] / В. И. Бакулин // Вест. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер. Гуманитар.и соц. науки. – 2019. – № 5. – С. 5–14. – Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/705101>. – Дата доступа: 29.04.2021.
5. Новиков, В.В. Политико-воспитательная работа по укреплению дисциплины в советской милиции : лекция / В.В. Новиков. – М. : Высш. школа МВД СССР, 1970. – 28 с.
6. Положение о рабоче-крестьянской милиции от 25 мая 1931 г. // Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917–2007) / сост. К.И. Барвинок [и др.] ; под ред. канд. ист. наук, доц. К.И. Барвинка, д-ра ист. наук, проф. А.Ф. Вишневецкого ; авт. ист. очерка К.И. Барвинок, А.Ф. Вишневецкий ; М-во внутр. дел, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.
7. Тютюнков, А.Н. Дисциплинарные взыскания как средство укрепления дисциплины в органах Рабоче-крестьянской милиции Могилевской области в 1940 году / А.Н. Тютюнков // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2017. – № 9. – С. 133–139.

Поступила 03.01.2022

CONDUCTING POLITICAL AND EDUCATIONAL WORK IN THE BODIES OF THE WORKERS AND PEASANTS MILITIA OF THE BSSR IN 1931–1941

A. TSIUTSIUNKOU

The article considers the issues of political-educational work in the bodies of Workers' and Peasants' Militia of the BSSR in the 1930s. The article substantiates the thesis that there was created a system of raising the general educational and cultural level of militia officers, informing them about the domestic and foreign politics of the state, propaganda of qualitative performance of their official duties, the control system for information assimilation within the framework of political-educational work. Particular attention was paid to the issues of service discipline and legality by the RCM employees. At the same time, there were differences in the practice of imposing disciplinary penalties on various categories of police officers.

Keywords: *Workers and Peasants Militia, political and educational work, discipline, defensive work, cultural-mass work.*

УДК 94(476) «1939»

ПОЛОЦК И ПОЛОЦКИЙ ГАРНИЗОН В СЕНТЯБРЬСКИХ СОБЫТИЯХ 1939 ГОДА

С.П. КОПЫЛ

(Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник)

Версальский мирный договор 1919 г. не только закрепил окончание Первой мировой войны, но и создал предпосылки к территориальным претензиям многих европейских государств. Советско-польская война 1919 – 1921 гг. привела к разделению белорусского народа на две части. Западная Белоруссия оказалась в составе Польши. Несправедливость такого положения была устранена в результате освободительного похода Красной армии в сентябре 1939 г.

Ключевые слова: Полоцк, гарнизон, пограничные войска, армия, группа войск, мировая война, Западная Беларусь, Рижский договор.

Введение. Неверная оценка Польшей реалий того времени, политика «умиротворения» нацистской Германии со стороны Англии и Франции, вынужденный советско-германский пакт о ненападении привели к политическому кризису, который перерос в мировую войну. Дипломатия уступила место военным организациям государств, которые являются силовым инструментом решения политических задач. Ярко это проявилось и в сентябре 1939 г.

Основная часть. По данным автора к началу описываемых событий войска Рабоче-крестьянской Красной армии и Пограничных войск Народного комиссариата внутренних дел БССР на территории Полотчины включали в себя:

- 1) 5-ю стрелковую Краснознаменную дивизию имени Чехословацкого пролетариата (военные городки Задвинье, Экимань, Ветрино, Спасский военный городок);
- 2) 50-ю стрелковую дивизию (Зеленый городок, Боровуха 1-я);
- 3) 61-й укрепленный район (Боровухи 1-я и 2-я, Ветрино, 163-й км). В 1938 г. УР имел 263 долговременные огневые точки на 452 станковых пулемета и 10 взводов противотанкового огня);
- 4) 25-ю легко-танковую бригаду (Боровуха 1-я);
- 5) 8-й отдельный дивизион бронепоездов (Громы), по одним данным – в составе двух БЕПО, по другим – трех БЕПО;
- 6) Полоцкий гарнизонный военный госпиталь (г. Полоцк, здания бывшего Кадетского корпуса);
- 7) Военный аэродром (ныне микрорайон Аэродром г. Полоцка);
- 8) 5-й артиллерийский полк противовоздушной обороны (ПВО) из состава 1-й бригады ПВО (Задвинье);
- 9) 2-ю роту воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) 8-го батальона ВНОС из состава 1-й бригады ПВО (г. Полоцк);
- 10) Полоцкий районный военный комиссариат (РВК) (г. Полоцк, ул. Ленина);
- 11) Управление военного коменданта ж.д. участка и станции Полоцк (ж.д. вокзал Полоцк-1);
- 12) 22-ю отдельную Ветринскую пограничную комендатуру (ОВПК) (д. Будьковщина Полоцкого района).

1 сентября 1939 г. началась Германо-польская война. В предшествующие несколько месяцев перед ней во многих европейских странах проходили мероприятия, направленные на повышение мобилизационной и боевой готовности своих вооруженных сил. Не стал исключением и Советский Союз. В этот первый осенний день в СССР был принят Закон «О всеобщей воинской обязанности», в котором провозглашался принцип священности вооруженной защиты Родины для всех советских граждан [2, лл. 37–53]. Закон закреплял принцип кадрового строительства армии и флота, переход от комплектования их местным призывным контингентом к экстерриториальному способу, что позволяло количественно увеличить Вооруженные силы страны и качественно улучшить подготовленные резервы. На следующий день, 2 сентября, Советом Народных Комиссаров Союза ССР было принято Постановление № 134-268сс «Об очередном призыве в 1939 г. в РККА, РКВМФ и войска НКВД», а с 20.00 на всей советско-польской границе погранвойска Белорусского пограничного округа (БПО) НКВД БССР, в том числе и 22-я ОВПК под командованием М.И. Петрова (Вяхе) были переведены в боевую походную готовность. То есть на границе был введен режим усиленной охраны [3, лл. 223–232].

Еще одной мерой повышения боевой готовности войск выступала задержка в увольнении в запас младших командиров и красноармейцев, выслуживших установленные сроки службы. 3 сентября в частях РККА БОВО под это мероприятие попали 86 103 военнослужащих. Им было объявлено о задержке их в армии еще на месяц [8, лл. 51–52]. В 5-й артполк ПВО и 2-ю отдельную роту ВНОС из Полоцкого РВК начал прибывать приписной личный состав из народного хозяйства. Осуществлялось это под видом проверки боевой готовности войск противовоздушной обороны. Всего в войска наблюдения оповещения и связи ПВО на территории БОВО было призвано 3579 человек [7, лл. 166–167].

С 7 сентября в ряде западных военных округов СССР осуществлялись мероприятия скрытой мобилизации. Проводились они под видом Больших учебных сборов по литеру «А». На них привлекались военнослужащие запаса первой категории, автотранспортная техника, лошади и обоз. Через военные комиссариаты и их сборные пункты они поступали в отдельные части и соединения, имевшие срок боевой готовности до 10 суток. Призыв осуществлялся по персональным повесткам без широкого освещения в средствах массовой информации. В их числе были и войска Полоцкого гарнизона, развертываемые, таким образом, по штатам военного времени.

Параллельно с армейскими мероприятиями схожие процессы проходили в войсках НКВД СССР. 8 сентября Народный комиссар НКВД СССР Л.П. Берия издал приказ, согласно которому в Белорусском пограничном округе началось формирование 4-х оперативно-чеккистских групп по 40–55 человек в каждой. Каждой группе придавался сводный батальон пограничников численностью 300 человек. На эти группы возлагалась будущая организация временных управлений в занятых городах и районах [5, с. 91].

9 сентября приказом НКО СССР и начальника Генерального штаба РККА № 16633 была сформулирована боевая задача Полоцкой группе войск на начальный период военных действий против Войска Польского: «...отбрасывая противостоящие войска противника от латвийской границы, действовать в направлении ст. Свенцяны (ныне – Швенчёнис), овладеть ею к исходу 13 сентября; в дальнейшем иметь ввиду овладение Вильно во взаимодействии с частью сил 11-й А(рмии)» [6, с. 287, 288]. Но т.к. 9 сентября Варшава еще оставалась незанятой немецкими войсками, политического решения руководства ВКП(б) и Правительства СССР о наступлении на Вторую Речь Посполитую не последовало.

Выдвижение частей Полоцкого гарнизона из мест постоянной дислокации в районы сосредоточения и их переправа через Западную Двину осуществлялась по железнодорожному и двум автомобильным мостам. Причем, третий мост около Богоявленской церкви был построен в 1938 – 1939 гг. после Судетского кризиса, когда Советский Союз был готов оказать вооруженную помощь Чехословацкой республике, и выяснилось, что два моста не обеспечивают своевременный выход войск на левый берег реки.

Соединения и части Полоцкого гарнизона вошли в Полоцкую группу войск, на базе которой 11 сентября была развернута 3-я армия (рисунок). Основу полевого управления армии составил штаб 4-го стрелкового корпуса. Первоначально оно размещалось в областном центре, а большая часть соединений группировались вокруг Полоцка и Лепеля. Возглавил армию комкор В.И. Кузнецов.

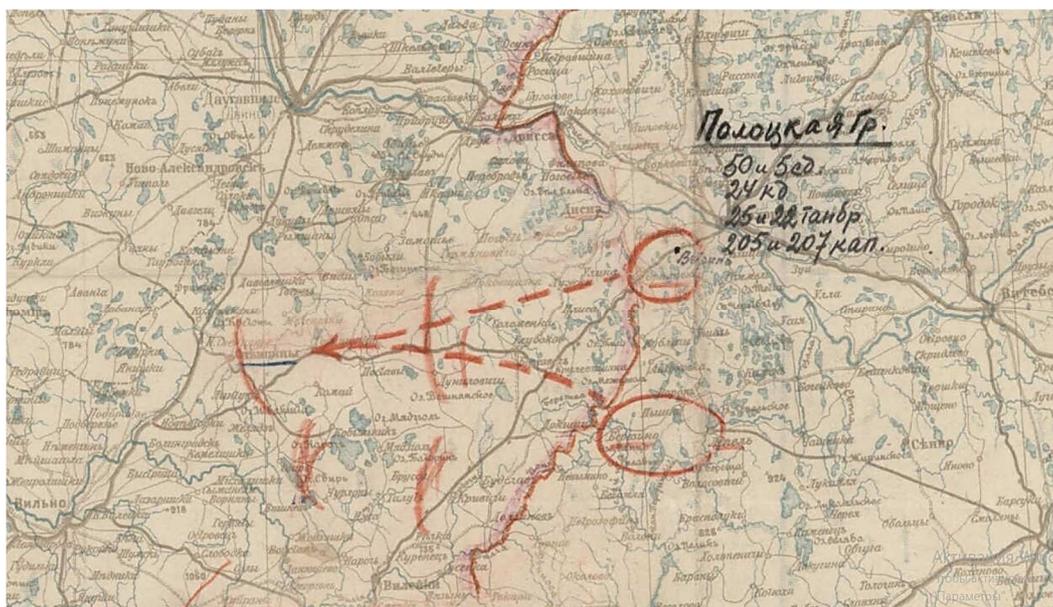

Рисунок. – Фрагмент. Карта «Положение частей Украинского и Белорусского фронтов по директиве № 16633, 9 сентября 1939 г.» [10, Л. 4].

Все эти дни Советское руководство внимательно отслеживало ход вооруженной борьбы в Польше. Учитывалась стремительность продвижения немецких моторизованных соединений и перспектива их выхода в западно-белорусские земли. 11 сентября Военный совет БОВО получил директиву Генштаба РККА о начале оперативных перевозок соединений второго эшелона войск в районы развертывания армий Белорусского фронта. С этой целью с 00 часов 13 сентября на железной дороге был введен воинский график движения эшелонов. Для усиления войск 3-й армии на станцию Лепель было запланировано перебросить из Козельска 139-ю стрелковую дивизию, а из Рославля – 145-ю СД. Всего для этого выделялось 87 воинских эшелонов, со сроком прибытия последних из них 19 сентября [9, лл. 3–5]. И только 14 сентября советские войска получили приказ о наступлении. Одновременно Военный совет БОВО и начальник БПО НКВД БССР ознакомились с совместной директивой своих народных комиссаров о порядке взаимодействия Красной Армии и Пограничных войск. В ней было сказано: «...с момента выступления полевых войск из районов сосредоточения с целью перехода государственной границы пограничные войска, оставаясь на своих местах, переходят в оперативное подчинение Военным советам соответствующих фронтов и армий до особого распоряжения» [6, с. 290].

В 4.20 15.09.1939 г. Военный совет Белорусского фронта издал боевой приказ № 01, в котором армиям уточнялись их боевые задачи, а вечером того же дня командующий БПО НКВД БССР издал свой приказ № 01, определявший основные задачи погранвойск, среди которых «с началом боевых действий – уничтожение польской пограничной охраны на тех участках, где не будут наступать части Красной Армии. В дальнейшем, с продвижением войск армии, не допускать перехода гражданским населением государственной границы в обоих направлениях». К этому времени армии фронта закончили свое развертывание для броска вперед. [6, с. 289].

3-я армия в составе 50 и 27-й стрелковых дивизий, вошедших в 4-й стрелковый корпус, и подвижной группы (5-я стрелковая, 24-я кавалерийская дивизии, 25 и 22-я легко-танковые бригады), усиленные двумя корпусными артиллерийскими полками (205-й и 207-й кап), а также 8-м дивизионом бронепоездов ждали своего сигнала на правом фланге армии. Ее соединения развернулись от латвийской границы до местечка Бегомль. Всего в составе 3-й армии числилось 121 968 человек личного состава, 752 орудия и миномета, а также 743 танка Т-26. [6, с. 300]. Состав Белорусского фронта насчитывал 378 610 человек личного состава, 3167 орудий и минометов, 2406 танков [5, с. 95]. Со стороны Польши на всей польско-советской границе было развернуто 25 пехотных батальонов и 7 эскадронов пограничной стражи (всего около 12 тыс. польских солдат и офицеров) [5, с. 94].

Белорусские историки приводят несколько другие цифры: на 16 сентября в состав фронта входило 200 802 бойца и командира. Думается это число взято без учета оперативных резервов, вошедших в состав фронта уже в ходе освободительного похода. Все эти силы вошли в четыре армии, подвижную конно-механизированную группу, отдельный стрелковый корпус и Пинскую военную флотилию. Со стороны Польши им могли оказать сопротивление 8000 польских пограничников, 2000 моряков Пинской речной флотилии и оперативная группа «Полесье», в которую входило около 17 000 человек [12, с. 11].

Несмотря на героическую борьбу отдельных частей польской армии с немецкими войсками, Правительство Польши в ночь с 16 на 17 сентября покинуло страну. На следующий день главнокомандующий ее вооруженными силами, маршал Рыдз-Смиглы со своим штабом пересек польско-румынскую границу.

В 5.00 17 сентября 1939 г. войска Белорусского фронта перешли в наступление. К этому времени польская столица оказалась брошенной и политическим, и высшим военным руководством. Еще 14 сентября немецкие части окружили Брест, 15 сентября пал Белосток. А это уже были белорусские города. К исходу первого дня наступления 3-я советская армия должна была выйти на линию Шарковщина – Михалишки – Яблонцы, на второй день достигнуть рубежа Свенцяны – Михалишки, с последующей задачей продвижения на Вильно. Главный удар наносился 4-м стрелковым корпусом. Причем, учитывая возможное слабое сопротивление польской стороны, подвижная группа под командованием командира 24-й кавалерийской дивизии, комдива П. Ахлюстина вводилась в бой сразу, параллельно стрелковым соединениям корпуса.

События дня развивались следующим образом: наступавшие от Ветрино 5-я СД и 25-я ЛТБР через Плиссу уже к вечеру подошли к северной окраине Глубокое. Части подвижной группы к 8.00 заняли Докшицы, а к 18.00 – Дуниловичи. 27-я СД в 12.00 закрепились в Парафьяново и подходила к реке Сервечь (правому притоку реки Вилия), а 50-я СД вошла в Крулевщизну. Два бронепоезда (№ 16 и № 21) 8-го дивизиона бронепоездов от Фариново участвовали в захвате пограничной станции Загатье, а третий БЕПО (№ 19) действовал на дрисском направлении. Все последующие дни они несли патрульную службу, охраняя ж.д. участок Зябки, Крулевщизна.

Первый день наступления полностью подтвердил предварительные данные Разведывательного управления Генерального Штаба РККА и разведки пограничников. По их предварительным данным перед советскими соединениями крупных сил противника не ожидалось. 2-й (разведывательный) отдел штаба Военно-воздушных сил РККА в разведсводке № 01 за этот день доносил о движении на фронте 3-й армией около двух мотомеханизированных польских батальонов, которые направлялись от Годушишек на Свенцяны. Кроме того, было зафиксировано до трех кавалерийских эскадронов в районе оз. Мядзиол, движение колонны конницы с артиллерией от Свенцяны на Лынтупы и колонны артиллерии из Вилейки в южном направлении. В районе населенных пунктов Глубокое, Свенцяны, Вильно, Волковыск, Новогрудок были обнаружены аэродромы. Однако польская авиация активных действий не вела [11, лл. 50–52].

Если говорить о потерях, то в отдельных стычках дня 3-я армия потеряла 3-х человек убитыми, 24 – ранеными и 12 – утонувшими.

В 3.55 18 сентября 3-я армия получила приказ в течение дня занять г. Вильно. При этом армейская подвижная группа должна была наступать на Свенцяны. К тому времени Полевое управление армии перешло в г. Полоцк, откуда и стало руководить своими войсками. В 7.00 разведгруппа 22-й ЛТБР заняла Поставы, а в 14.00 достигла Свенцяны, куда в 15.30 подошли разведгруппы 25-й ЛТБР и 24-й кавдивизии. К вечеру 25-я танковая бригада находилась в районе Годушишек, 27-я стрелковая дивизия – в районе озер Мядель и Нарочь, 50-я стрелковая дивизия – между Поставами и Мядель, а 24-я кавалерийская дивизия сосредотачивалась у Свенцяны. Однако левый сосед (11-я армия) действовал не менее стремительно и к 18.00 овладел г. Вильно. В связи с этим в 3.40 19 сентября 3-я армия получила приказ организовать охрану латвийской и литовской границ. На литовской границе до подхода армейских резервов пограничные функции были решены разъездами, выделенными из танковых бригад и кавалерийской дивизии. С подходом пехоты граница от Дриссы до Друскининкая оказалась надежно закрыта до прихода вновь сформированных пограничных отрядов. В соответствии с последовавшими новыми распоряжениями 5-я стрелковая дивизия переместилась западнее и взяла под свой контроль литовскую границу от Жиндулы до Олькеники, имея в первой линии один полк и два – в г. Вильно.

Частям и соединениям Полотчины не пришлось участвовать в широкомасштабных боях с польскими солдатами. По имеющимся отрывочным данным 25-я легко-танковая бригада из 251 танка Т-26 от огня противника потеряла четыре боевые машины. Полоцкий гарнизонный военный госпиталь на период боевых действий стал именоваться своим действительным 431-м номером. В ходе освобождения Западной Белоруссии госпиталь приобрел необходимый опыт военно-полевой хирургии. Его медперсоналом было возвращено в строй до 76% раненых и больных военнослужащих [1, л. 2].

По данным комиссии Генерального штаба и Военно-мемориального центра Вооруженных сил Российской Федерации под руководством генерал-полковника Кривошеева Г.Ф., при освобождении Западных Белоруссии и Украины Красная армия и пограничные войска за период с 17 по 30 сентября 1939 г. безвозвратно потеряли 1475 человек [13, с. 185]. По данным ректора Академии управления при Президенте Республики Беларусь, к.и.н. В.В. Даниловича, потери войск Белорусского фронта составили 996 человек убитыми и 2002 ранеными [4].

На основании директивы Военного совета БОВО № 0018 от 12.09.39 г. 5-й артиллерийский полк ПВО сформировал два отдельных зенитных артиллерийских дивизиона (208 и 209). На их формирование был направлен личный состав кадра полка, предназначенный для новых частей в соответствии со схемой мобилизационного развертывания на военное время, и военнообязанные запаса (приписники) из народного хозяйства [15, л. 1]. 8-й отдельный батальон ВНОС еще 4 сентября на основании кодограммы Командующего войсками округа № 21-1 развернулся по штатам военного времени и создал восемь резервных наблюдательных постов в Полоцке и Лепеле. 21.09.39 г. они выступили из мест формирования в западном направлении и 24 сентября достигли Свенцяи и Вильно. На новом месте, на их базе были сформированы два ротных пункта визуального наблюдения, оповещения и связи [16, л. 1]. Приказом наркома НКВД СССР № 001121 от 20 сентября 1939 г. в составе Белорусского пограничного округа были сформированы три погранотряда, которые с 1 октября начали принимать под свою охрану советско-литовскую границу от н.п. Новое Село до границы с Восточной Пруссией. На их формирование был направлен и личный состав 22-й ОВПК.

Заключение. К концу сентября активные боевые действия постепенно прекратились. 28 сентября 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о дружбе и границе. Он создал юридические предпосылки для развития дальнейших общественно-политических событий, которые обеспечили возвращение Западной Белоруссии в состав БССР. Несправедливый Рижский договор 1921 г., разделивший белорусский народ, прекратил свое существование. Большинство местного населения с радостью встречало приход Красной армии. Ее красноармейцы и командиры воспринимались освободителями от угнетения польскими помещиками и капиталистами. По воспоминаниям Почетного гражданина г. Полоцка И.П. Дейниса «От Полоцка отодвинулась госграница <...> были послан ряд работников и специалистов в Западную Белоруссию. Для налаживания железнодорожного сообщения пришлось перестраивать рельсы с узкой колеи на широкую и перестраивать на нее подвижной состав. В Фариново, когда существовала польская граница, был перевалочный пункт – узкая колея была доведена до Фариново, а рядом была наша широкая колея и шла перегрузки товаров с польских вагонов в наши» [14, л. 161].

ЛИТЕРАТУРА

1. Боевой путь госпиталя // Архив автора.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7523. Оп. 3. Д. 172. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/1311087?mode=full>.
3. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 1. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/1310722?mode=rusmarc>.
4. Данилович В.В. ректор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, к.и.н. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.by/daily/27030/4093804/>.
5. Мельтюхов, М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 гг. (Документы, факты, суждения) / М.И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2002. – 544 с.
6. Мельтюхов, М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. / М.И. Мельтюхов. — М. : Вече, 2001. – 464 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (ГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/1316532>.
8. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 19. Д. 62. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/1308971>.
9. РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 168. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/1320508>.
10. РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 223. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/1320088>.
11. РГВА. Ф. 29. Оп. 37. Д. 32. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/1309213>.
12. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. в 2 кн. Кн. 2 / Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т истории / редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 335 с.
13. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. / М-во обороны Рос. Федерации ; редкол.: Г.Ф. Кривошеев [и др.]. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 698 с.
14. Учреждение Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 1164. Оп. 5, Д. 16.
15. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 324 отдельный зенитный артиллерийский дивизион, Оп. 350282. Д. 1.
16. ЦАМО РФ. Ф. 8-й отдельный батальон ВНОС. Оп. 708965. Д. 21.

Поступила 28.10.2021

POLOTSK AND POLOTSK GARRISON IN THE EVENTS OF SEPTEMBER 1939

S. KOPYL

The Treaty of Versailles (1919) not only consolidated the end of the First World War, but also created the preconditions for the territorial claims of many European states. Soviet-Polish war (1919 – 1921) led to the division of the Belarusian people into two parts. West Belarus became part of Poland. The injustice of this situation has been eliminated by the liberation campaign of the Red Army in September 1939.

Keywords: Polotsk, garrison, border troops, army, military force, world war, West Belarus, the Treaty of Riga.

УДК 94(47)“1939/1941”+629.7

**СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ВОЙНА, УРОКИ ДЛЯ АВИАЦИИ
БЕЛОРУССКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА****Д.Г. КИЕНКО***(Центр военной истории Беларуси Института истории НАН Беларуси, Минск)*

Советско-финский конфликт, в котором приняли участие авиачасти из состава Белорусского особого военного округа (БОВО) повлиял на многие аспекты авиационной составляющей округа, такие как аэродромное строительство, структура ВВС и частей обеспечения, опыт комсостава и летчиков.

Ключевые слова: авиация, аэродромы, авиаполки, перебазирование, опыт, применение авиации.

Введение. Ситуация с нехваткой аэродромов в 1940 – 1941 гг. в БОВО (ЗапОВО) и одновременным бурным ростом ВВС округа оказалась не новой, такую же ситуацию пережил Ленинградский военный округ в середине 30-х годов. Это обстоятельство стало одним из уроков Советско-Финской войны, со всей очевидностью показавшей, что аэродромная сеть ЛВО не позволяла полноценно использовать ВВС на всей окружной территории. Назревший кризис удалось решить экстренными мерами, предпринятыми в 1939 г., когда на территории ЛВО в течение года было построено 60 аэродромов [1]. Опыт организации аэродромного строительства в сжатые сроки на большом количестве объектов стал в 1941 г. основанием планирования подобного строительства в западных округах СССР и, в частности, ЗапОВО. Необходимость в новых аэродромах на западном ТВД подтвердилась в том числе и по результатам маневра силами авиации во время боевых действий на Карельском перешейке. Однако оказалось, что если возможно подготовить в короткие сроки летные поля и обеспечить инфраструктуру полевых аэродромов у границы с Финляндией, то строительство аэродромов с бетонированными взлетно-посадочными полосами в столь же короткие сроки – невозможно.

В ноябре 1939 г. накануне войны с Финляндией из БОВО в ЛВО для усиления авиагрупп 8-й и 9-й армий была направлена 16-я скоростная бомбардировочная авиабригада (16 сбавр) в составе 13-го, 18-го и 54-го скоростных бомбардировочных авиаполков (сбап). Однако отсутствие в полосе 9-й Армии подходящих аэродромов для самолетов СБ вынудило большую часть этих сил оставить в распоряжении ВВС фронта. При нем остались 13-й и 54-й сбап. Их прикрытие должны были обеспечивать истребители 54-й истребительной авиабригады (54 иабр) под командованием уроженца Беларуси А.А. Благовещенского. 18 сбап был направлен на усиление авиагруппы 8-й Армии. Командовал силами авиации на этом участке фронта командир 14-й авиационной бригады И.И. Копец, будущий командующий ВВС ЗапОВО. На севере авиагруппой 14-й Армии, представлявшей собой Мурманскую авиабригаду, в которую впоследствии попали некоторые части из БОВО, командовал еще один уроженец Беларуси – С.А. Красовский, ставший впоследствии генералом.

Основная часть. Первая неделя боев вскрыла недостатки управления и необходимость привлечения дополнительных сил и средств. После оптимизации в боевых условиях организационной структуры ВВС, из БОВО на фронт стали прибывать новые формирования. Это были как целые полки, так и сводные эскадрильи. Для их комплектования перед отправкой на фронт решением командования выбирались наиболее опытные экипажи и летчики. Так, на усиление ВВС 14-й Армии из БОВО прибыли две эскадрильи истребителей И-15бис. В период с 16 декабря по 1 января на северный участок фронта среди прочих пополнений из других округов прибыли две эскадрильи И-16 из состава 20-го иап БОВО. На аэродром Лодейное поле в состав ВВС 8-й Армии к 20 декабря прибыли 18-й сбав и 3-й тбап. Одна эскадрилья ТБ-3 из состава 3-го тбап в количестве шести самолетов оказалась оторванной от полка, она стала использоваться для подвоза горючего и снова вошла в состав полка только в конце декабря.

Авиачасти прибывали со своими авиабазами, поэтому их обслуживание не стало проблемой для командования ВВС фронта. Так, 135-я авиабаза, обслуживающая 18-й сбав, сосредоточилась в Лодейном поле за несколько дней до прибытия полка. В конце декабря из-под Смоленска прибыл 31 сбав, который свой первый боевой вылет совершил 5 января 1940 г. И только к началу января в состав ВВС 14-й армии прибыла его 5-я эскадрилья. Прибытие тыловых сил авиабаз проходило медленно, спасало положение лишь то, что фронт стоял на месте.

В конце декабря Ставка Главного Командования выделила для ВВС 8-й Армии дополнительные авиационные части, среди которых из БОВО были 4-й истребительный и 39-й скоростной бомбардировочной авиаполки (4 иап и 39 сбав). Следует отметить, что 4-й иап накануне убытия на фронт в декабре 1939 г. за семь дней до отправки был спешно перевооружен с И-16 на И-153 и И-15бис и переформирован. 3-я эскадрилья стала первой, 4-я – второй. Кроме того, для доукомплектования и компенсации в подготовке летного состава в его состав включили две эскадрильи: 4-ю аз из 35 иап (г. Бобруйск), которая стала 3-й, и 3-ю аз (на И-15бис) из 20 иап (г. Смоленск), которая стала 4-й. По прибытии выявились недостатки в организации связи и взаимодействия. Так, прибывший в 8-ю Армию в середине февраля 4-й иап не имел прямой связи с 75-й стрелковой дивизией, с которой должен был взаимодействовать [2]. Сосредоточение полка на аэродроме Суоярви продолжалось в течение месяца. За период войны 4-й иап совершил 2590 боевых вылетов, однако ни одного сбитого самолета зафиксировано не было. Свои потери составили пять самолетов и один летчик. Ввиду отсутствия противника в воздухе, опыта ведения воздушных боев личный состав не приобрел.

Для усиления авиации накануне наступления, намеченного на 11 февраля 1940 г. в состав 1-й легкобомбардировочной авиабригады из БОВО прибыл 43-й легкобомбардировочный авиаполк (43-й лбап), имевший в своем составе 63 самолета Р-З.

Таким образом, из авиационных частей БОВО на советско-финский фронт были отправлены полным составом или отдельными эскадрильями: два управления бригад, пять бомбардировочных полков и один легкомбомбардировочный, два истребительных полка и четыре эскадрильи истребителей, одна эскадрилья разведчиков (таблица).

Таблица 1. – Полки и эскадрильи, убывшие на советско-финский фронт из состава БОВО

Базирование накануне отбытия	Подчинение на фронте
Управление 18 сбавр	7 Армия
Управление 16 сбавр	ВВС фронта
13 сбап (Сеща)	ВВС фронта
18 сбап (Олсуфьево)	8 Армия
54 сбап (Шайковка)	ВВС фронта
31 сбап (Смоленск)	14 Армия
39 сбап (Старый Быхов)	8 Армия
3 тбап (Боровское)	8 Армия
43 лбап (Витебск)	7 Армия
15 иап (Улла)	Особая авиабригада
4 иап (Бобруйск)	8 Армия
Две эскадрильи И-15бис	14 Армия
Две эскадрильи И-16	14 Армия
4 драэ (Смоленск)	ВВС фронта

Источник: [6, с. 1–3; 7, с. 84–91; 8, с. 72].

Бомбардировочные части из БОВО активно использовались не только для ударов по наземным объектам противника, но и для оказания помощи попавшим в окружение советским войскам. Так, 16-й сбап регулярно выполнял вылеты для поддержки и снабжения блокированной 54-й стрелковой дивизии, совершив на сброс продовольствия и боеприпасов 91 самолето-вылет. Грузы, окруженным войскам, доставляли и самолеты ТБ-3 из 3-го тбап, выполнившие за все время не менее 78 транспортных вылетов, что составило около 30% всех своих самолето-вылетов. Для выполнения боевых задач на фронте 3-й тбап был распределен между армиями. Две эскадрильи полка предназначались для ВВС 9-й и 14-й Армий, еще одна эскадрилья осталась в распоряжении ВВС 7-й армии в качестве транспортной. Так, по состоянию на 4 января из 38 ТБ-3, числившихся в полку после убывтия самолетов в 14-ю Армию, в Лудейном поле базировалось только 25, остальные находились в Гдове, Старой Руссе, Сиверской и др.

Серьезным фактором, оказавшем влияние на действия авиации, были очень жесткие погодные условия и слабая организация перелетов. Как пример можно привести случай, когда в связи с тяжелым положением 139-й стрелковой дивизии в полосе действий 8-й Армии 20 декабря на аэродром Нурмолицы началась переброска 13-го сбап из состава 16-й авиабригады. Однако из-за плохой организации перелета и сложных метеоусловий на маршруте полк при перелете рассыпался, совершив посадки на разных аэродромах ЛВО. В полном составе он смог собраться только к середине января.

Прибывшие на фронт бомбардировочные бригады довольно быстро меняли свой состав. Так после прибытия на фронт 16 сбавр из нее Приказом штаба ВВС 8-й Армии 2 января изъяли 13-й и 18-й сбап, передав их состав 13-й авиабригаде, туда же включили 3-й тбап. Однако уже 7 января 13-й сбап из состава бригады был исключен (он базировался на аэродроме Бессовец, а к концу января перешел на аэродром Пески, т.е. на центральном направлении), вместо него в состав бригады вошел еще один перебросенный из БОВО полк – 39-й сбап.

Несмотря на то, что в составе авиации, участвовавшей в войне с Финляндией, удельный вес истребителей был довольно большим, оказалось, что наибольший боевой опыт из командированных частей БОВО получила бомбардировочная авиация. В отличие от истребителей она действовала цельными боевыми единицами – полками. Истребители же, привлеченные из БОВО, получили относительно меньший боевой опыт. С 28 февраля к боевым действиям против Финляндии в составе Особой авиабригады, находившейся на территории Эстонии, подключился 15-й истребительный авиаполк из БОВО. Полк был вооружен самыми современными на тот момент бипланами И-153, в наибольшей степени соответствовавшими концепции «маневренного истребителя». За свое непродолжительное пребывание на фронте 15-й иап успел выполнить 509 боевых вылетов, большая часть которых (346) пришлось на прикрытие взлета и посадки бомбардировщиков, 82 вылета было затрачено на их сопровождение, 52 – на атаку железнодорожных узлов и аэродрома Турку. В проведенных 4-х(!) воздушных боях летчики полка уничтожили один истребитель противника. Говорить о «большом опыте», полученном полком в ходе боевых действий в течение 12 дней до ее окончания, не приходится.

Наиболее эффективными были штурмовые действия истребителей по железнодорожным эшелонам. По находившимся в движении поездам применялись не только пулеметно-пушечный огонь, но и авиационные бомбы [1]. Этот опыт в дальнейшем развился в достаточно интенсивных тренировках истребительных частей ЗапОВО, в предвоенный период. Как пример можно привести 127-й иап из 11-й сад, в котором накануне войны отработывались атаки наземных целей с применением бортового вооружения и бомбометания. Вернувшиеся

в БВО (ЗапОВО) летчики-истребители довольно быстро получили повышение, заняв различные командные должности во вновь формируемых частях. К июню 1941 г. ни одного из полков, эскадрильи которых в полном составе участвовали в войне с Финляндией, в ЗапОВО не осталось. В истребительной авиации округа, в полках, к лету 1941 г. имелось по несколько летчиков, вернувшихся с фронта, таким образом «финский опыт» оказался «размыт». Истребительная авиация не располагала ни одним истребительным полком с «финским» опытом.

В большей степени оказался востребован опыт эксплуатации материальной части в зимних условиях, который пришелся как нельзя кстати в суровую зиму 1941 – 1942 гг.

В ходе советско-финской войны производился значительный маневр сил авиации из соседних военных округов. В отличие от переброски авиации, проведенной во время боев на р. Халхин-Гол летом 1939 г., перегруппировка сил на север страны заняла значительно большее время и сопровождалась большими небоевыми потерями. Так, при осуществлении перелетов из различных округов в ЛВО произошло 9 аварий и 5 катастроф. Длительность перебазирования обуславливалась сложностью организационной структуры авиационных соединений, т.к. в их состав входили части тыла ВВС, что делало их весьма громоздкими и малоподвижными. Для перевозки требовалось большое количество транспортных средств. Этот негативный опыт был учтен. В результате его анализа пришли к выводу о необходимости введения новой системы тылового обеспечения ВВС – системы районов авиационного базирования, которая стала формироваться в ЗапОВО весной 1941 г. Было принято правильное решение о реорганизации авиационного тыла и построении его по территориальному принципу. С этим, в дальнейшем, был тесно увязан вопрос аэродромного строительства в ЗапОВО. К практической реализации реформы тыла приступили только через год, в марте 1941 г., заканчивать ее пришлось уже в ходе начавшейся войны.

По результатам анализа применения авиации в войне с Финляндией, авиация ЗапОВО была разделена на войсковую, армейскую и фронтовую. От бригадной системы организации отказались и перешли к дивизионной. Однако, в то же время, были и серьезные упущения по результатам скоротечной войны. Так, например, в отчете о боевых действиях ВВС Северо-Западного фронта говорилось: «Базирование авиации близко к фронту и большими группами на одном аэродроме оправдывается лишь в условиях войны со слабым воздушным противником, но этого нельзя допустить в войне с противником, имеющим сильную авиацию». Возможно, при своевременном учете этого вывода потери советских ВВС в ЗапОВО не были бы столь катастрофичны, тем более, что характер действий немецкой авиации в 1941 г. не был для командования ВВС ЗапОВО секретом.

Для защиты от зенитного огня в войне с Финляндией бомбардировщики стали использовать «некруглые» высоты полета (1070 м, 1260 м и т.д.), что затрудняло работу зенитчикам. В результате принятых мер, например 60-й сбап от зенитного огня потерял только один самолет [3]. В то же время, анализируя журналы боевых действий авиационных полков 12-й и 13-й бад за июнь 1941 г. в Беларуси, эта «мелочь» при вылетах на цели не применялась. За два первых месяца войны из-за погоды авиация была вынуждена находиться на аэродромах 38 суток, еще 18 дней можно было летать лишь самым опытным и подготовленным экипажам [4, с. 304]. Навигационное оборудование самолетов, необходимое для полетов в облаках и ночью, либо вовсе отсутствовало, либо, при его наличии, не в полной мере было освоено летным составом. Это приводило к случаям потери ориентировки экипажами самолетов, вынужденным посадкам вне аэродрома и, как следствие, к срыву выполнения боевых задач и снижению боеспособности частей. По оценке руководства ВВС, советская авиация за время войны потеряла 494 самолета, причем боевые потери составили 261 самолет (53 %), а небоевые – катастрофы, связанные с отказом авиационной техники, потерей ориентировки, ошибками в технике пилотирования и т.д., – 233 (47%) [5].

После окончания боевых действий произошли возвращение и передислокация частей ВВС округа, а также их реформирование (рисунок).

По результатам войны «За образцовое выполнение боевых заданий Командования и проявленные при этом доблесть и мужество» орденом Красного Знамени были награждены три полка, имеющие отношение к ВВС Белорусского округа: 18-й сбап, 54-й сбап, убывшие на фронт из БОВО, и 24-й сбап, прибывший после войны в БОВО из Ленинградского военного округа.

Заключение. Таким образом, из частей ЗапОВО, побывавших на советско-финском фронте полным составом или отдельными эскадрильями, к 22 июня 1941 г. в округе находились: 3-й тяжелобомбардировочный, 43-й ближнебомбардировочный, 13-й, 16-й, 39-й и 24-й скоростные бомбардировочные, и ни одного истребительного авиационного полка. Для дальнейшего строительства ВВС ЗапОВО и совершенствования их военной организации огромное значение имел тот факт, что летный состав бомбардировочной авиации – в большей степени и истребительной – в меньшей получил опыт участия в боевых действиях. Полки бомбардировочной авиации, прошедшие «горнило» войны, оказались в первом эшелоне ВВС ЗапОВО, что является вполне логичным. Однако, по иронии судьбы, боевые вылеты сумели совершить только экипажи 39-го сбап, а летчики 16-го и 13-го сбап так и не применили свой опыт, так как их самолеты были потеряны на земле. Из истребительных частей ни один полк в ЗапОВО не остался. Летчики-истребители в 1941 г. на И-153 и И-16 были вынуждены вести воздушные бои с истребителями противника, в то время как с большим успехом эти типы самолетов применялись при атаке наземных целей. Опыт «зимней войны» начал реализовываться в большей степени в осенне-зимний период 1941 г., когда ввиду потерь в новой технике, авиация ВВС КА вынуждена была действовать на Московском и Ленинградском направлениях на той же старой технике в подобных погодных условиях, но, на этот раз уже не наступая, а останавливая противника.

Советско-финская война выявила недостатки в системе подготовки, техническом оснащении, организации ВВС РККА и продемонстрировала существенную недооценку сил финской авиации и некоторую переоценку возможностей авиации РККА.

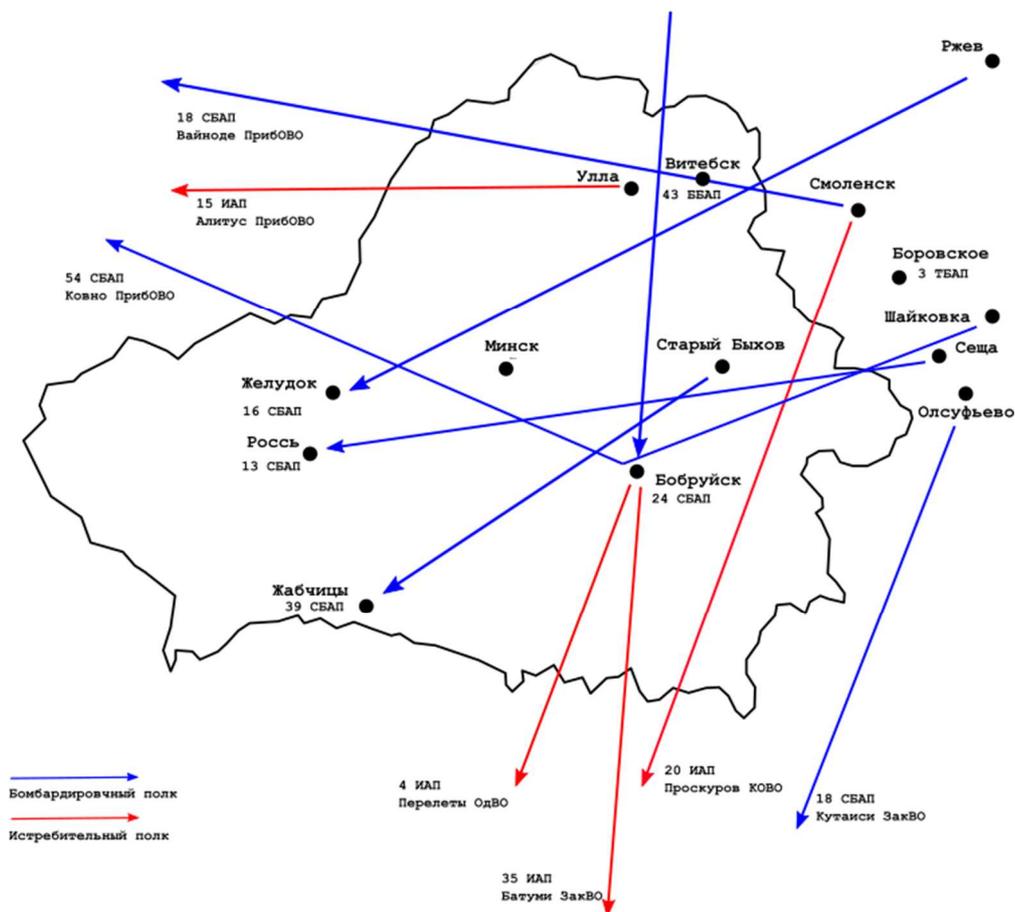

Рисунок. – Убытие и передислокация частей БОВО (ЗапОВО) с так называемым «финским опытом» в период с июня 1940 г. по май 1941 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киселев, О. Боевой состав ВВС РККА в Зимней войне. Часть 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slon-76.livejournal.com/5822.html>. – Дата доступа : 10.06.2015.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 34908. Оп. 12. Д. 1736. Л. 7.
3. РГВА – Ф. 34980. Оп. 6. Д. 372. Л. 29, 76.
4. РГВА. – Ф. 29. Оп. 42. Д. 50.
5. ВВС РККА [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www/winterwar.ru/suvvs.htm>. – Дата доступа: 10.01.2012.
6. Исторический очерк 54-го бомбардировочного авиационного Клинского Краснознаменного ордена Кутузова III степени полка, 301-й Гомельской бомбардировочной авиадивизии, 3-го Бобруйско-Берлинского бомбардировочного авиакорпуса // Бобруйский зональный государственный архив. – Ф. 366. Оп. 6. Д. 2.
7. Краснознаменный Белорусский военный округ / А.К. Сульянов [и др.] ; под общ. ред. Е.Ф. Ивановского. – М. : Воениздат, 1983. – 408 с.
8. Литвин, А.М. На той войне незначимой: советско-финляндская война и Беларусь (1939–1940) / А.М. Литвин. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 656 с.

Поступила 27.12.2021

SOVIET-FINNISH WAR, LESSONS FOR AVIATION OF THE BELARUSIAN SPECIAL MILITARY DISTRICT

D. KIENKO

The Soviet-Finnish conflict, in which air units from the BOVO took part, influenced many aspects of the aviation component of the district, such as airfield construction, the structure of the air force and support units, the experience of command personnel and pilots.

Keywords: aviation, airfields, air regiments, redeployment, experience, use of aviation.

УДК 39:94 (476-22) (091)

ПАСЛЯВАЕННАЕ ДЗЯЦІНСТВА: ПРАЦА, АДУКАЦЫЯ І ВОЛЬНЫ ЧАС (ПА МАТЭРЫЯЛАХ ВУСНАЙ ГІСТОРЫІ ПОЛАЧЧЫНЫ)¹

канд. гіст. навук, дац. А.В. СУМКО

(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9940-0236>

Аналізуюцца асноўныя сюжэты, якія раскрываюць асаблівасці пасляваеннага дзяцінства вясковых дзяцей Паўночнай Беларусі. У якасці крыніц даследавання выступаюць уласныя запісы аўтара, а таксама матэрыялы этнаграфічных экспедыцый Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта². Палявыя даследаванні фіксуюць, што роля і месца дзецей у сістэме жыццезабеспячэння сялянскай сям'і, магчымасць вучыцца і распраджацца сваім вольным часам цалкам залежалі ад складу і эканамічнага дабрабыту сям'і, а таксама ад сістэмы жыццёвых каштоўнасцей, якія трансліраваліся сям'ёй рэспандэнта. Не апошняю ролю адыгрывала занальная спецыфіка рэгіёна (заходнія і ўсходнія раёны, якія прадстаўлялі дзве мадэлі сістэмы жыццезабеспячэння ў пасляваенны перыяд), прадвызначыўшая пэўныя адрозненні ў дзіцячай паўсядзённасці Полаччыны.

Ключавыя словы: пасляваеннае аднаўленне, вёска, сістэма жыццезабеспячэння, дзяцінства, праца, адукацыя, школа, гульні.

Уводзіны. У апошні час актуалізуецца інтарэс да даследавання паўсядзённасці дзяцінства. Прычым ён рэалізуецца ў розных прадметных плоскасцях: гісторыя, антрапалогія, псіхалогія і г.д. і найбольш поўна прадстаўлены ў расійскай і замежнай гістарыяграфіі. Вывучэнне паўсядзённага жыцця дзяцей дазваляе разгледзець гістарычную рэальнасць з пункту гледжання пэўнай катэгорыі насельніцтва. Асноўнай крыніцай з'яўляюцца непасрэдна ўспаміны людзей, дзяцінства якіх прыпала на ваенныя і пасляваенныя гады, аналіз якіх дапамагае скласці тагачасную карціну света, зразумець як разнастайныя жыццёвыя сітуацыі паўплывалі на развіццё канкрэтнай асобы, а таксама наколькі індывідуальныя наратыў пра ўласнае дзяцінства адпавядае дзяцінству канкрэтнай сацыяльнай групы ці абранай эпохі.

Даследчыкі вылучаюць асаблівае пакаленне дзяцей вайны, чыё дзяцінства прыпала на гады ваеннага ліхалецця і цяжкі перыяд пасляваеннага аднаўлення. Неабходна адзначыць, што і самі рэспандэнты падчас размовы адзначаюць пэўную еднасць свайго пакалення: "...во мы дзеці, але ж **мы, дзеці вайны**, усе дружныя. У школе, вот пераменка, бязьмы, ага, а давайце к вам бліжэй, паглядзім што ў печы варына. А што там варына? Ужо калі карова была, так суп бялены. Усё, дастаём кацялочак, садзімся. А на другой – к другім. А сейчас..." (Ушацкі р-н)³. Пасляваенная паўсядзённасць мела сваю спецыфіку і адрознівалася ад штодзённасці мірнага часу. Гэта адбілася і на побыце дзяцей, якія вымушаны былі адаптавацца да складаных умоў і вельмі хутка пасталець. Неспрыяльнае эканамічнае становішча і спецыфічная пасляваенная дэмаграфічная сітуацыя прывялі да таго, што нагрузка на дзецей у паваенныя гады ў сістэме жыццезабеспячэння беларускай вёскі значна ўзрасла, што, у сваю чаргу, скарачвала баўленне вольнага часу і адмоўным чынам паўплывала на магчымасці атрымаць ці працягнуць адукацыю.

Спецыфіка пасляваеннага дзяцінства прадметна не разглядалася айчыннымі даследчыкамі. Асобныя сюжэты раскрываліся пры асвятленні традыцый сямейнага выхавання [1], гісторыі і класіфікацыі традыцыйных гульняў [2] ці ў межах вывучэння пасляваеннай рэчаіснасці. Некаторыя аспекты існавання дзяцей ва ўмовах надзвычайнага ваеннага часу пасля вызвалення ад нацыстаў прыводзіць у сваіх артыкулах І. Нікалаева [3; 4]. Даследаванне ажыццяўлялася на падставе архіўных матэрыялаў, якія датычыліся тэрыторыі Віцебскай вобласці, і дазваляе зрабіць высновы пра рэгіянальныя сацыяльна-эканамічныя абставіны, у якіх апынуліся тагачасныя дзеці і іх бацькі.

Геаграфія даследавання – тэрыторыя Полацкай вобласці, якая існавала з 1944 па 1954 год і ўключала наступныя раёны: Ветрынскі, Дрысенскі, Асвейскі, Полацкі, Расонскі, Ушацкі раёны (так званыя ўсходнія); Браслаўскі, Відзаўскі, Глыбоцкі, Дзісенскі, Докшыцкі, Дунілавіцкі, Міёрскі, Пліскі, Шаркаўшчынскі раёны (заходнія раёны, якія да 1939 г. уваходзілі ў склад Польшчы). Пад тэрмінам "Полаччына" маецца на ўвазе тэрыторыя былой Полацкай вобласці, альбо заходняя і часткова цэнтральная часткі сучаснай Віцебшчыны.

Даследаванне пасляваеннага дзіцячай паўсядзённасці на прыкладзе пэўнага рэгіёну дае магчымасць не толькі вызначыць характэрныя рысы азначанага феномена, але і ўдакладніць ролю дзяцей у сістэме жыццезабеспячэння тагачаснай вясковай сям'і, што з'яўляецца складовай часткай асобнай даследчай тэмы – культуры жыццезабеспячэння беларускай вёскі ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе.

¹ Артыкул падрыхтаваны ў рамках праекта БРФФД – РФФД "Субкультура дзетства в дискурсе устной истории. языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века", дамова № Г20Р-095.

² З мэтай захавання прыватнасці асабістых даных прыводзіцца толькі ініцыялы рэспандэнтаў і пазначаецца пол: Ж – жанчына, М – мужчына. Запісы захоўваюцца ў Цэнтры вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (ФА ПДУ), а таксама ў асабістым архіве аўтара.

³ ФА ПДУ: Зап. у 2020 г. Лобач У., Сумко А. ад СВМ (Ж), 1933 г.н., в. Мажуйкі, Ушацкі р-н.

Асноўная частка. Згодна з Л.В. Ракавай, у адпаведнасці з традыцыямі і народнымі поглядамі існавалі наступныя ўзроставыя ступені дзяцінства: *маленства* – ад нараджэння да 6–8 гадоў; *дзяцінства* – ад 6–8 да 12–14 гадоў; *падлеткавы ўзрост* – ад 12–14 да 16–17 гадоў і *юнацтва* – ад 16–17 да 18–20 гадоў [1, с. 10]. Дадзеныя этапы досыць умоўна гучаць ва ўспамінах рэспандэнтаў, асабліва, калі размова вядзецца пра преходны перыяд: *“Гэта ўсягда...ужо падростаеш, падходзіць гэта, як сказаць, у яго па-другому кроўка начынаець і ўжо ня хочацца з рабяткамі бегаць, і тут не бяруць”* (Міёрскі р-н)⁴. Вельмі красамоўна пра ўзроставыя ступені адзначыў адзін з рэспандэнтаў *“Маё дзяцінства малое прайшло: да пятнаццаці лет вайна, а тут у мяне ўжо пашла ўзрослая жыццё, з пятнаццаці...”* (Верхнядзвінскі р-н)⁵. Увогуле адлюстраванне пасляваенных рэалій у індывідуальнай памяці мае свае асаблівасці. Для іх характэрна кампрэсія гістарычнага часу і адноснае храналагія, калі храналагічнымі маркерамі выступаюць не канкрэтныя даты, а пэўныя ключавыя моманты, якія падзяляюць жыццё чалавека на “да” і “пасля”. Матэрыялы вуснай гісторыі Полаччыны фіксуюць наступныя найбольш распаўсюджаныя сюжэты, звязаныя з пасляваенным дзяцінствам – дапамога бацькам і гаспадарчы клопат, адукацыя, а таксама баўленьне вольнага часу.

Нягледзячы на ўсе цяжкасці, пасля вызвалення ад нацыстаў амаль ва ўсіх раёнах Полацкай вобласці ў верасні 1944 г. дзеці селі за школьныя парты. Згодна з архіўнымі дакументамі ва ўсходніх раёнах Полацкай вобласці ў 1940 г. налічвалася 446 школ (з іх 312 пачатковых), якія ахоплівалі 61 670 чалавек, за перыяд акупацыі было знішчана 365 школ. У першы год пасля вызвалення функцыянавала 365 школ (31 982 вучня), з якіх 85 размяшчалася ў спецыяльных памяшканнях, 120 – у наёмных, 31 – у землянках [5, л. 17]. Трэба адзначыць, што за гады вайны амаль поўнаасцю была разбурана матэрыяльна-тэхнічная база навучальных устаноў. Палявыя матэрыялы даюць магчымасць зразумець, як праходзіла навучанне ва ўмовах недахопу элементарных рэчаў: падручнікаў, сшыткаў, ручак, алоўкаў і чарніл. Паказальным з’яўляецца фрагмент з успамінаў рэспандэнта пра тое, як вучылі пісаць тагачасных першакласнікаў: *“Садзімся на пяску, а настаўніца палачкай на пяску “А” – вот так палачку і так – на пяску выводзіць буквы. Школы ж не было! На вуліцы селі і начынаем пісаць на пяску, значыць буквы вучыць”* (былы Асвейскі раён)⁶. У якасці сшыткаў выкарыстоўвалі даступны падручны матэрыял: газеты (пісалі паміж радкоў), чарнавікі, мяшкі. *“Ні цетрадей, ні ручкі, ні пера, ні чарніла, нічога нет, а вучыцца хочацца. Так мы з мяшкоў, такія мяшкі, як вот цэмент, но немцы вазілі можа прадукты ў мяшках, хорошы такі запах, можа якое пячэнне прывазілі ілі сухары якія. Мяшкі гэтыя пустыя валяліся, яны ж ў некалькі слаёў гэтая бумага і выражым з унутры, каторыя чысцінькія лісты, гладзенькія і яшчэ падгладзім уцюгом. І такія дзелалі сабе цетрадкі з гэтых мяшкоў, і на газетах нямецкіх пісалі сярод строчак.”* (Верхнядзвінскі р-н)⁷; *“На чым пісалі? Вот мама як ездзіла за хлебам, за зярняткамі ў Полацк – а там мяшкі, гэтая рудая бумага такая, што ўпакоўка. Так вот гэтую бумагу прывазіла рудую, і тады я ў школу брала, пісала. Дык мне завідалі рабаты, што ў мяне такая бумага”* (Ушацкі р-н)⁸; *“Помню газеты палучылі, на газеты пісалі. Гэта учыцель дзе-та дастанець кусок газеты. Так што жа, мы гэтыя цыфры на мацэмаціке на газетах напішам, а нам жа нада пасчытаць. Не кажды к даске пойдзець.”* (Міёрскі р-н)⁹.

Рэспандэнты ўгадвалі, што ў першыя паваенныя гады элементарна не хапала падручнікаў. Распаўсюджанай была сітуацыя, калі неабходны экзэмпляр быў толькі ў настаўніцы. У такім выпадку падручнік перадаваўся з рук у рукі пасля заняткаў у школе, каб дзеці маглі выканаць дамашняе заданне: *“Перапісвалі стіхатварэнне якое-небудзь на бумагу, учым...не хватала учебнікаў. Учыцельніцы адна кніжка, у якой дзярэўне многа рабят, тады аддасць туды гэтую кніжку, носяць з хаты ў хату, перапісваюць. Я толькі спасалася тым, што памяць харошая. Помню сціхатварэнне большое нада было вывучыць, а не была ў класе – была на пасце, пасла скот, не была ў школе ў той дзень і не знала, што нам далі заданне вывучыць сціхатварэнне. Я прыйшла ў клас, а дзевачкі, значыць, адна расказваець, а другая слядзіць па бумаге, а потым чэрэдуюцца: гэтая буде чытаць, гэта буде слядзіць. Я сяжу і ціхонечка слухаю і я вывучыла і не хужы за гэтых дзевачак сдала сваё сціхатварэнне”* (Верхнядзвінскі р-н)¹⁰; *“А кніжак не было. Адна кніжка на нашу дзярэўню і на Крывыя. Дзе ж ты ўрокі вывучыш на гэтых кніжках?”* (Ушацкі р-н)¹¹; *“А не было ж вучыцца на чым, помню, пойдзем у школу, учыцельніца маладая была, дзе-нібудзь якую бумажыніцу, картоніну, ці што, надрукуець нам, такімі друкаванымі буквамі напішэць і вучыла нас, вот так вучыліся”* (Глыбоцкі р-н)¹².

Адным з самых распаўсюджаных з’яўляюцца аповяды пра тое, як дзеці ў хатніх умовах займаліся саматужным вырабам чарніла. У гэтым працэсе былі задзейнічаны рэсурсы сям’і і прыродная кемлівасць. Дарэчы, гэта падцвярджаюць і архіўныя дакументы. Напрыклад, у дакладной запісцы пра школы Расонскага раёна за 46 год было пазначана: *“Ручек, чарніл нет. Тут проявляется только изобретательность детей. Пишут углем и отваром”* [5, л. 114 – 118]. Палявыя матэрыялы сведчаць, што ў якасці чарніла выкарыстоўлі сок бурака, марганцоўку, сажу

⁴ Запісана аўтарам (ЗА) у 2021 г. ад НАД (Ж), 1928 г.р., в Узмёны Міёрскага р-на; файл № 1456.

⁵ ЗА у 2021 г. ад ЮМА (Ж), 1930 г.н., в. Первамайскае Верхнядзвінскага р-на; файл № 1346.

⁶ ЗА у 2020 г. ад ЛЕП (Ж), 1936 г.н., Асвея Верхнядзвінскага р-на; файл № 1402_01.

⁷ ЗА у 2021 г. ад ВФЮ (Ж), 1931 г.н., в. Барсукі Верхнядзвінскага р-на; файл № 2212.

⁸ ФА ПДУ: Зап. Лобач У.А., Сумко А.В. у 2020 г. ад ЖКС (Ж), 1931 г.н., в. Лажані Ушацкага р-на.

⁹ ФА ПДУ: Зап. Сумко А., Саланевіч А., Якубенак І. у 2019 г. ад ЯЛЯ (Ж), 1931 г.н. г. Дзісна.

¹⁰ ЗА у 2021 г. ад ВФЮ (Ж), 1931 г.н., в. Барсукі Верхнядзвінскага р-на; файл № 2212.

¹¹ ФА ПДУ: Зап. Лобач У.А., Сумко А.В. у 2020 г. ад ЖКС (Ж), 1931 г.н., в. Лажані Ушацкага р-на.

¹² ФА ПДУ: Зап. Лобач У.А., Сумко А.В. у 2020 г. ад ШВА (Ж), 1935 г.н., в. Празарокі Глыбоцкага р-на.

ці настой з крушыны. Вельмі падрабязна пра гэта ўзгадвае Франя Юльянаўна: “А я із крушыны, крушынавых ягад, зварю ў кансервной баначке, мама топіць печку, а я баначку паставіла з ягадамі, звару гэтых ягад, патам цераз трапачку выжму сок і з гэтага соку харошыя чарніла палучаліся і бумагу не раз’ядалі” (Верхнядзвінскі р-н)¹³. Палявыя матэрыялы сведчаць пра тое, што дзеці абменьваліся паміж сабой, каб атрымаць неабходныя рэчы для навучальнага працэсу: “Толькі што не было ні ручкі, ні пера. Дзевачка, якая са мной сядзела, была местная, іхняя дзярэўня не была спаленая, у гэтай дзевачкі была ржавая пёрышка. І гэта дзевачка дала мне пёрышка і прывязала яго нітачкай да палачкі і такая ў мяне была ручка. Мы дзяліліся: я прынясла чарніла, а ў яе была чарнільніца і вот мы налівалі чарніла і ў класе пісалі чарнілам гэтым, а патам яна ўнасіла яе дамой і дома пісала ўрокі, а ў мяне бутылка была” (Верхнядзвінскі р-н)¹⁴.

Большасць рэспандэнтаў падчас успамінаў пра сваё дзяцінства ўзгадваюць пра тое, як было складана дабірацца да школы. Гэта перш за ўсё было абумоўлена тэрытарыяльнай аддаленасцю навучальнай установы ад дома і тым, што ў пасляваеннае дзесяцігоддзе амаль палова школ працавала ў дзве змены. Асабліва праблематычна было дабірацца ў восеньска-зімовы перыяд, калі дзень быў кароткі, а дарога становілася амаль непраходнай. “Я ўжо паступіла в семилетку, это я ходила из Белево, так Поташня – 2 км, а потом к Двине туда – Чурилова, это еще километров пять. Это каждый день я ходила в школу! Нас было несколько, а потом девочки побросали. И несколько ручьев надо было перейти, и дорога по полю шла. Зимой задуёт – не видно. Мы и палочки втаркивали, и ветки сосны лажили, чтобы идти по твердой земле. А может в классе шестом во вторую смену поставили, в Чуриловской школе, во вторую смену зимой! Это во сколько мы приходили домой?! Этих там 5-7 км надо было пройти каждый день и сделать уроки” (Міёрскі р-н)¹⁵. Небяспеку прадстаўлялі і ваўкі, якіх у першыя гады пасля вызвалення было шмат. “А ваўкі хадзілі. Неяк было дзяцям выйці” (Ушацкі р-н)¹⁶.

Сур’ёзнай праблемай для тагачасных дзяцей быў недахоп адзення і абутку. У сваіх успамінах рэспандэнты, асабліва з найбольш пацярпелых раёнаў Полаччыны, падкрэсліваюць, што ўзімку літаральна не было чаго абуць. “В деревяшках хаділі...холодна было, канешне. Я іду ў школу, я ня чувствую ног, ня чувствую пальцев, замерзнуть ноги так, ну чулки шарсцяныя былі звязаныя, но ўсё роўна холодна і вот эці баціначкі тоненькія на дзеравяннай падашве, ня чувствую ног, як на калках іду, а ў школе цёпла, я ня слышу нічога, я не магу, цяраю сазнанне, не слышу, што вучыцельніца гаворыць, мне так плоха, аж заходзіцца серца, пака атойдуцца мае ногі – атагрэюцца, як атагрэюцца, так ужо нічога. Дамой, як ідзём, ужо харашо, пацяплеець – ужо солнышка. Днём жа цяпле, а ўтрам ідзём на зорке – солнышка ўсходзіць, самы холад, ідзём у школу” (Верхнядзвінскі р-н)¹⁷; “хадзілі ў школу, якіх чатыры кілометры, а не абуць нічога, не адзець нічога, а нада ў школу ісці ж” (Ушацкі р-н)¹⁸. Складанае матэрыяльнае становішча і недахоп харчавання з’яўляліся асноўнымі прычынамі ненаведвання школы. Прычым выпадкі, калі дзеці не маглі пайсці ў школу па гаспадарча-матэрыяльнай прычыне, былі не адзінкавымі, што падцвярджаюць і архіўныя матэрыялы. Так, справаздачныя дакументы па Полацкай вобласці за 1946 г. сведчаць, што ў некаторых школах вобласці 2/3 вучняў прапускарлі заняткі па гэтым прычынам [5, л. 144–118].

Вусны дыскурс разнастайны і шматпланавы. Безумоўна кожны ўспамін – гэта гісторыя канкрэтнага чалавека, які, знаходзячыся ў пэўнай жыццёвай сітуацыі, дзейнічаў тым ці іншым чынам. Аднак на ўласны жыццёвы досвед уплывала прыналежнасць да пэўнага сацыяльна-культурнага асяроддзя, эканамічнага ўкладу, у межах якога жыла адпаведная сям’я, што, у сваю чаргу, вызначала нейкі ўніверсальны алгарытм паводзінаў, выбар жыццёвых стратэгіяў, характэрных для вясковага соцыума ў цэлым. Успаміны рэспандэнтаў пра сваё дзяцінства – гэта адлюстраванне таго, які выбудоўваўся жыццёвы шлях непаўналетняга члена сям’і ва ўмовах пэўнай сістэмы каштоўнасцей, якую трансліравала сям’я рэспандэнта, і наколькі вызначальным для яго быў жыццёвы досвед бацькоў і сацыяльна-эканамічная рэчаіснасць. Палявыя матэрыялы сведчаць, што перш за ўсё гэта праўдліва ў адносінах да адукацыі. Справа ў тым, што ў паваяенныя гады адбывалася інтэнсіўнае ўключэнне дзяцей і падлеткаў у гаспадарчую вытворчасць вёскі, што было абумоўлена неспрыяльным эканамічным становішчам і спецыфічнай дэмаграфічнай сітуацыяй, бо наступствы Вялікай Айчыннай вайны былі катастрофічнымі для Беларусі. Роля і месца дзяцей у сістэме жыццезабеспячэння сялянскай сям’і, магчымасць вучыцца і распраджацца сваім вольным часам цалкам залежыла ад складу і эканамічнага дабрабыту сям’і. Пра гэта красамоўна сведчаць успаміны аднаго з рэспандэнтаў: “Ну, тады ж цяжолыя пасляваенныя гады былі, бацька мой, яго ўбілі..., **гэта цяпер дзеці ў школу ходзяць, а мы ўжо кароў пасцілі**, гадоў у трынаццаць я ўжо ў калхоз пашла... Цяжка было, дужа цяжка” (Міёрскі р-н)¹⁹. Спецыфіка дадзенага перыяду заключалася ў тым, што ва ўмовах моцнай паваяеннай дыспрапорцыі полаўзроставай структуры, на плечы жанчын і падлеткаў лягло аднаўленне як уласнай, так і калгаснай гаспадарак. Асабліва часта гэты сюзэт гучыць ва ўспамінах, якія былі зафіксаваны ў найбольш пацярпелых раёнах: “Жанічыны былі, старыкі былі,...былі жанічыны і то маладых жа не было, нікога маладых, старыкі

¹³ ЗА у 2021 г. ад ВФЮ (Ж), 1931 г.н., в. Барсукі Верхнядзвінскага р-на; файл № 2212.

¹⁴ Там жа.

¹⁵ ЗА в 2021 г. от НВМ (Ж), 1936 г.р., д. Поташня Миорского района; файл № 1615 на русском языке.

¹⁶ ФА ПДУ: Зап. Лобач У., Корсак А., Сумко А. у 2020 г. БВІ (Ж), 1940 г.н., в. Зерчаніцы Ушацкага р-на.

¹⁷ ЗА у 2021 г. ад ВФЮ (Ж), 1931 г.н., в. Барсукі Верхнядзвінскага р-на; файл № 2212.

¹⁸ ФА ПДУ: Зап. Лобач У., Сумко А. у 2020 г. ад СВМ (Ж), 1933 г.н., в. Мажуйкі, Ушацкі р-н.

¹⁹ ФА ПДУ: Зап. Аўсейчык У. у 2019 г. ад ГЛФ (Ж), 1940 г.н., у в. Цвёціна, Міёрскі р-н.

толькі, а маладыя ўсе ў Германіі былі” (Ушацкі р-н)²⁰. Архіўныя дакументы падцвярджаюць скарачэнне долі працаздольнага насельніцтва і падкрэсліваюць, што асабліва зменшылася насельніцтва ў сельскай мясцовасці менавіта ва ўсходніх раёнах Полацкай вобласці – да 56,6% к даваеннаму ўзроўню, прычым колькасць працаздольных жанчын пераважала ў некалькі разоў (на 1 студзеня 1946 г. ва ўсходніх раёнах было 7179 працаздольных мужчын (па ўзросту) і 34 644 працаздольныя жанчыны) [5, л. 50]. Прычым падкрэслівалася, што падлік працаздольных адбываўся на падставе ўзросту і не ўлічваў інвалідаў ці жанчын з маленькімі дзецьмі, што аб’ектыўна яшчэ больш скарачала колькасць працоўных рук.

Матэрыялы вуснай гісторыі фіксуюць, што акрамя традыцыйнай дапамогі па хатняй гаспадарцы, звычайнай практыкай стала дапамога маці падчас яе працы ў калгасе, а таксама падмена маці на калгаснай працы, каб даць ёй магчымасць выканаць нейкія работы на ўласнай сядзібе [6]. “Ужэ ходіла в 4–5 класс, я ходіла жать. Хаділа с мамой жать, хаділа помогала. Рожь жнётся, вот этот ржевник. В 6 класс я ходила – косу в руки и кашу. Поточить косу ещё не умела” (Міёрскі р-н)²¹. Неабходна адзначыць, што пасляваенныя падлеткі былі ўключаны і ў калгасную вытворчасць. Паўтараючыся сюжэтам з’яўляецца ўспаміны рэспандэнтаў пра тое, што пасля школы яны займаліся праполкай, зборам ураджаю на калгасных палях ці выконвалі іншыя работы. “Я хадзіла ў чацверты клас. Канікулы – школу кончылі, сёння паследні дзень. Учыцельніца прыйшла і гаворыць: “прядседацель прыходзіў і сказаў, каб мы памагалі пасціць кароў”. Вот так. Раз сказаў прядседацель калхоза, то...! Па чатары чалавекі як жывем, вот у шэсць устаём і ідзем пасціць і да вечара. Следуючы раз другая кампанія – на вочараді. І так усё лета” (Верхнядзвінскі р-н)²².

У неспрыяльных умовах падлеткі нярэдка станавіліся здабыткамі неабходных прадуктаў харчавання і рэсурсаў для аднаўлення сямейнай гаспадаркі. Узгадкі пра клопат дзяцей аб сваёй непрацаздольнай маці ва ўспамінах сустракаюцца досыць часта. “Мама балела сільна. Ой, яе малярка трасла і тады ангіна нейкая была, не дай Бог, гланды такія – гузы, а мы прыйдзем з сястрой, а тады пойдзем у лес, мы жылі каля лесу блізнячка, дроў нацягаем ей... і апяць паішлі (жабраваць – аўт.). Так і выжылі” (Расонскі р-н)²³. Зыходзячы з уласнай жыццёвай сітуацыі, у першыя паваяенныя гады некаторыя былі вымушаны той час, які адводзіўся на вучобу ці выкананне дамашняга задання, выкарыстоўваць зусім па-іншаму (пошукі рэсурсаў для сям’і, дапамога па хатняй гаспадарцы ці “заробкі”) ці ўвогуле кінуць навучанне. У якасці прыклада можна прывесці ўрывак з успамінаў жанчыны, якая будучы дзіцёнкам з няпоўнай шматдзетнай сям’і (бацька загінуў на фронце – аўт.), на працягу некалькіх гадоў служыла ў заможнай сям’і, бо маці элементарна не магла забяспечыць нармальныя ўмовы жыцця: “Бацька на вайне пагіб. У мамкі нас было шэсцера... тады мамка адвела мяне пад Глубокае і некалькі гадоў я не прыхадзіла дамоў. Гусей пасціла ў хазяіна, а зімой пер’я скубала, у мяне кроў лілася з пальцаў ад пер’я. Мама прызджала і ён даваў ячменя якога, жыта – б пудоў за мяне, а я жыла ў яго, ну мне добра было, мяне жалелі ўсе. [А ці помніце колькі дзяцей было ў той сям’і?] Тры дочки і двое іх. [А яны работалі?] Не. [А вы ў школу?] А ў школу не хадзіла. Тут ужо дома некалькі начынала, але, як сказаць, ні аднаго класа...неграматная я. Яны ў школу хадзілі.” (Ушацкі р-н)²⁴.

Шмат залежала і ад бацькоў, якія зыходзілі са свайго асабістага вопыту і лічылі, што школьная адукацыя – не самы важны кампанент у жыцці вясковага падлетка: “Я один класс кончил, в колхозе работаю, заместителем председателя колхоза, и ты проживёшь” (Глыбоцкі р-н)²⁵. Такі падыход да адукацыі часцей сустракаецца ва ўспамінах з заходняга рэгіёну былой Полацкай вобласці. Неабходна адзначыць, што там у першыя паваяенныя гады захоўвалася традыцыя “адаваць у навуку” розным рамествам у мястэчка ці да майстра ў суседнюю вёску. З аднаго боку, гэта было характэрна для традыцыйнага погляду на навучанне дзяцей, бо меркавалася, што атрымаўшы пэўную “спецыяльнасць”, будзе лягчэй пракарміць сям’ю, а з другога, – умовы паваяенных гадоў унеслі пэўныя карэктывы. Перш за ўсё гэта закранула дзяўчат, якіх адавалі вучыцца шывецтва. Бо ў першыя гады пасля вызвалення ад нацыстаў не хапала самага неабходнага, да і не было “вольных грошай”, каб набыць гатовую рэч, а валоданне швейным рамяством прыносіла стабільны прыбытак у сям’ю: “Партніха – гэта дужа зарбачная была прафесія” (Міёрскі р-н)²⁶. Паказальным з’яўляецца ўспамін адной з рэспандэнтаў, якая скончыла толькі чатыры класы, а потым пайшла вучыцца да партніхі ў суседнюю вёску, бо, як яна сама тлумачыла, трэба было падымаць двух малодшых братоў: “У Зябках была партніха. І тады папа прадаў пуно і купіў машынку. Усе грошы за пуно пайшлі на вучобу. Яна мне паказала як крой і шывецтва, і на машынке навучыла. Год я ў яе жыла. Да яе прыходзілі з налогаў, тады я хавалася пад ложак. Яна вучыла і абшывала” (Глыбоцкі р-н)²⁷. Гэты фрагмент, яскрава дэманструе адмысловую спецыфіку заходніх раёнаў у дачыненні да зместу і прызначэння адукацыі ў жыцці непаўналетніх членаў сям’і.

Іншы раз на рашэнне кінуць школу накладаліся некалькі фактараў: нежаданне бацькоў і складанасці аб’ектыўнага характару. “А колькі класаў скончылі? Чатыры з калідорам. Папа сказаў “хваціць, нада работаць – земля”. Не, мы пусціліся хадіць у школу, там яшчэ адна дзевачка ці две. 9 кілометраў туды і адтуль, а ўжо восень...кінулі” (Міёрскі р-н)²⁸.

²⁰ ФА ПДУ: Зап. Лобач У., Сумко А. у 2020 г. ад СВМ (Ж), 1933 г.н., в. Мажуйкі, Ушацкі р-н.

²¹ ЗА в 2021 г. от НВМ (Ж), 1936 г.р. д. Поташня Миорского района; файл № 1615 на русском языке.

²² ЗА у 2020 г. ад ЛЕП (Ж.), 1936 г.н., в. Асвея Верхнядзвінскага р-на; файл № 1402_01.

²³ ЗА у 2019 г. ад ВТІ (Ж), 1935 г.н., в. Галоўчыцы Расонскага р-на; файл № 1903_19.

²⁴ ЗА у 2021 г. ад НІК (Ж), 1935 г.н. у Мар’янполле Ушацкага р-на; файл № 1407_21.

²⁵ ФА ПДУ: Зап. Лобач У., Сумко А. в 2019 г. от КНД (Ж), 1935 г.р. (родилась в д. Борейки), в д. Ломаша Глубокского р-на.

²⁶ ЗА у 2021 г. ад ІІ (Ж), 1936 г.н., в. Басяныя Міёрскага р-на; файл № 2906_21.

²⁷ ФА ПДУ: Зап. Сумко А.В. у 2018 г. ад ГФІ (Ж), 1940 г.н., в. Калечполле Глыбоцкага р-на.

²⁸ ЗА у 2021 г. ад НАД (Ж), 1928 г.р., в. Узмёны Міёрскага р-на; файл № 1456.

Не апошнюю ролю пры вырашэнні працягваць ці не вучобу, адыгрываў і той факт, што вайна прыпыніла працэс навучання, і за парты пасля вызвалення селі дзеці рознага ўзросту: “Ну, у школу я і якая ўжо пайшла, у школу, ужо знаеце, гэта мне было можа двенаццаць гадоў, дзесь ужо вайна кончылася, а там пака гэта школа арганізавалася” (Глыбоцкі р-н)²⁹. Гэта адбівалася і на дысцыпліне, і стварала пэўны дыскамфорт для вучняў і настаўнікаў: “Там савсем хлопцы такія узрослыя сідзелі і не слухалі нічога. Ён сядзіць і хахочуць. Па нямецкаму вучыцельніца плакала. Яна буквы нямецкія піша на доске, каб у цэтрадку перапісвалі, а гэтыя хлопцы рысуюць карыкатуры якія-та і хахочуць... Хуліганьё такое! Хадзілі пераросткі бальшыя, кавалеры, в пятам класе.” (Верхнядзвінскі р-н)³⁰. Адна з рэспандэнтаў падчас аповяду пра сваё пасляваеннае дзяцінства ўзгадала, што адной з прычын кінуць школу, акрамя цяжкага матэрыяльнага стану, было закранутае пачуццё ўласнай годнасці. Жыццёвыя перыпетэі заставілі бацькоў жанчыны пераехаць у Латвію, дзе яна вырашыла працягнуць навучанне, аднак прахадзіла ў школу толькі некалькі дзён: “Прыехалі мы ў Латвію, 45 год я прапусціла, не вучылася, а 45/46 год учебный пайду ў школу ў Індру, 6 кілометраў, пайду ў школу, мама гаворыць: “Ну, ідзі, калі хочаш”. Ну і пахадзіла там некалькі дзён. Усё хараішо, толькі я была пераросткам, там дзеці вучыліся нармальна і такія па свайму возрасту ў пятым класе, а я такая прыйшла ўжо дзяўчына 14 гадоў. І вот вучыцель мацемацікі, а там мацемаціка на рускім языке, а я прыйшла з беларускай школы. Ён мяне вызваў правіла па мацемаціке.. я правіла знала, расказала, а ён мне гаворыць “а чым яно характэрна?”. А я не знаю, што атвечиць, я з беларускай школы, я такіх слоў не знаю, не знаю, што атвечиць, стаю як пень, а ён дзевачку другую, каторая пастаянна хадзіла ў школу па возрасту свайму, не пераростак, латышачка, яна атвечіла чым характэрна гэта правіла, а мне сказаў: “сідзісь, едніца”. І я большэ ў школу не пайшла. Я чатыры класа закончыла, у мяне нікагда тройкі не было. Первы і втары клас ваабшчэ з пахвальнай граматай – гэта да вайны было. Хоць і цяжка было, ні вучэбнікаў, нічога не было, але старалася вучыцца хараішо. Не пайшла...за 5-6 кілометраў буду хадіць, абуванне рваць і едніцы палучаць??? Ні пайшла большэ ў школу, пайшла работаць к латышам” (Верхнядзвінскі р-н)³¹.

Палявыя матэрыялы сведчаць, што на фоне голада і холаду, рэспандэнты, чыё дзяцінства прыпала на ваенны і пасляваенны час, захавалі беражлівыя адносіны да рэчаў і прадуктаў харчавання на працягу ўсяго жыцця: “Мы вайну праілі, мы кожную трапачку бераглі. Мама з пятага года, у неё было пальто, ана яго распарола, пайшла мне плацье, форма нужна была тагда, нужна была карычневая, а ў мяня была чорная, і нада ж было с вартнічком. Ана пайшла, я хадзіла, плаціць берагла тры года: васьмой, дзевятой і дзесятай. І кождый раз ты прыйдзеш са школы, ты яго акуратненька паложыш, павешаеш дзе-та на стульчык, каб яно не памялася, толька ў школу, а дома, што прыйдзёца” (Міёрскі р-н)³²; “Мы жили в офицерском доме...она стоит и чистит своему ребенку яблоко ножом и так толсто, мне кажется чистит. И это все срезает и выкидывает в ведро, а я стою (вот меня всю жизнь это так убивает...столько яблок в саду, а я не могу выбросить), стою и думаю, а попросить не могу: «Дай мне эти очистки – я съем” (Полацкі р-н)³³.

Неабходна адзначыць, што вусны дыскурс складаецца з успамінаў рэспандэнтаў, якія адрозніваліся па свайму сацыяльнаму статусу і ўзроўню заможнасці. У адной і той жа вясковай грамадзе былі дзеці, якія па-рознаму перажывалі пэўныя аспекты свайго дзяцінства, што для адных было нормай, для іншых – нечым нязвычайным і нават прыцягальным. Гэта праяўлялася на ўсіх узроўнях паўсядзённасці. Вельмі ярка пра гэта сведчаць палявыя матэрыялы: “[Ну і можна было жыць? Ці хватала?] Як папа там работаў на дарогі, папа палучаў грошы і паёк дажа давалі. Я помню кансерву нейкую ў дзесяцілітровых банках і павідла какое-та, цяпер і нармальнае ніхто ня есці, а тады гэта ж было так важна, мама дасць тады кождому па-трошку ўгасціць. [Ну так не гаравалі пасля вайны?] Мы – не. Вот там саседзі, я помню была саўсем малая, у нас было, было і масла, і хлеб і я на пасту сама не ганяла, но хадзіла к пастухам туды і выменяла адзін раз хлеб з маслам на піражок, з чым ён там быў, можа з лебядой ці з семям, дык я патам ў бальніцу папала” (Глыбоцкі р-н)³⁴.

Аднак дзеці заставаліся дзецьмі і калі выдалася вольная хвілінка, то яны забываліся на цяжар рэчаіснасці. З даўніх часоў гульні займалі важнае месца ў жыцці дзяцей, яны садзейнічалі правільнаму фізічнаму развіццю, развівалі спрыт, назіральнасць, кемлівасць, калектывізм і іншы. Безумоўна гэтая тэма патрабуе асобнага даследавання, аднак можна акрэсліць асноўныя формы баўлення вольнага часу дзецьмі ў пасляваенны перыяд, зафіксаваныя ў матэрыялах вуснай гісторыі. З большага гульні ў сваёй аснове заставаліся традыцыйнымі з адсутнасцю ці мінімальнай атрыбутыкай. Разам з тым неабходна адзначыць, што на формы баўлення вольнага часу ўплывала месца лакацыі вясковай сям’і: хутар ці вёска. Палявыя матэрыялы сведчаць, што пераважалі актыўныя гульні з пошукам, палкамі, мячом ці яго займеннікамі. “[А вось у дзяцінстве гульні нейкія ж былі? У якія гульні гулялі?] Ай, у даўгі ігралі. Значыць, адзін за другім бегаеш і лупіш. Там ешчо ў свінню гулялі. [А это як?] Свінню гулялі. Яка качолка камень і палкамі заганялі у яміну, як вот хакей, вот гулялі ў эта” (Міёрскі р-н)³⁵; “О, якія гульні былі! Во дзе кладбішча не заросіае так было, збіраліся ўсе сюды, у блейкі гулялі. [Гэта як?] Во так во адвядуць круг і тут паложцаць палку, а на гэту палку во так палку паложцаць і ты стаіш, кійком гэтым дасі,

²⁹ ФА ПДУ: Зап. Лобач У.А., Сумко А.В. у 2020 г. ад ШВА (Ж), 1935 г.н., в. Празарокі Глыбоцкага р-на.

³⁰ ЗА у 2021 г. ад ВФЮ (Ж), 1931 г.н., в. Барсукі Верхнядзвінскага р-на; файл № 2212.

³¹ ЗА у 2021 г. ад ВФЮ (Ж), 1931 г.н., в. Барсукі Верхнядзвінскага р-на; файл № 2212.

³² ФА ПДУ: Зап. Сумко А., Саланевіч А., Якубенак І. у 2019 г. ад ЯЛІЯ (Ж), 1931 г.н. г. Дзісна.

³³ ЗА у 2013 г. ад ТЛШ (Ж), 1940 г.н., Полоцк.

³⁴ ФА ПДУ: Лобач У., Сумко А. у 2020 г. ад ТМА (Ж), 1939 г.н., в. Празарокі Глыбоцкага р-на.

³⁵ ФА ПДУ: Зап. Лобач У.А., Сумко А.В. у 2020 г. ад ВПШ (Ж), 1934 г.н., в. Парадні Мёрскага р-на.

куды яна паляціць, калі далёка – гэта ты выйграў, а калі мала – прайграў, тады хто болей, дальшы паляцела, гэты болей іграець, а тады ўжо з гульні выйшла. А яшчэ ў скокалку скакалі, у хаванкі гулялі” (Ушацкі р-н)³⁶.

Згодна з успамінамі рэспандэнтаў самай распаўсюджанай дзіцячай забавай была гульня ў **пікара**: “Ну вот тут у полі, рабята сабіраліся ў пікара.[Раскажыце, як у пікара гуляць? Ну вот сабраліся?] Палкі, палка дліная. [Недзе метр?] Можжа і болей, адзін стайць там, а гэтак палку кароценькую, і ты должен збіць, а тады бегчы, і ен упорыць цябе палачкай, ну не балюча ж...[А ці многа вас такіх было? Колькі вас малых пасля вайны?] Ну рабят ж было раньше” (Ушацкі р-н)³⁷; “[А як гуляць у пікара?] Ну вот “палачка-стукалачка на месце” крычалі. Мы праталіся ўсе, а адзін, каторы з гэтай палачкай, адбіваець “палачка-стукалачка на месце”, а ўсе спрытаўшыся, тады бягуць хто каб успець адбіцца на гэтай палачке, каб ен не нашоў і не стаяць з гэтай палачкай і вот кажды стараўся прыбегчы і крыкнуць “палачка-стукалачка на месце”. А еслі хто ня ўспеў, той станавіцца за гэтага з гэтай палачкай” (Глыбоцкі р-н)³⁸.

Некаторыя рэспандэнты адзначалі, што ў дзяўчынак і хлопчыкаў былі свае гульні: “Абычна ўсёгда дзевачкі аддзяляліся, вот мы ў золата гуляем, мы – дзевачкі адны, мальчыкі – у іх другая ігра. Яны к нам не касаліся, у іх свае забавы, свае ігры, яны якія там рагаткі строілі, страляюць у вераб’ёў, свісткі разныя дзелаюць, а ў нас другое, у нас свае ігры.”(Верхнядзвінскі р-н)³⁹. Аднак у хаванкі гулялі ўсе, незалежна ад гендарнай прыналежнаці, ці, напрыклад, у “**хапкі**”: “У нас, прымерна вот, мы гулялі называлася “хапкі”. Сабіралася дзесяць вот такіх камяшоцкаў, мы іх аббівалі, ну, раньшэ місачкі і тарэлачкі былі гліняныя, і вот у каждага на дзесяць хапкоў. Збіраемся і пяць, шэсць чалавек, і начынаець хто-та іграць, і вот так падкідвае. Я дзяржу ў руке гэтыя дзесяць хапкоў-камяшоцкаў і падкідваю, надо было кідать і схваціць і еслі ты дзесяць штурк схваціш...” (Верхнядзвінскі р-н)⁴⁰. У размовах пра гульні ў пасляваенны час сустракаецца і такая гульня, як “Пакойнік”: “Помню вот ляжаш на зямлі, а рэбяты астальныя ходзяць кругом і кажучь, там хто-та: “Марцін-пакойнік, памёр ва вторнік, сталі хараніць, а ён глядзіць.” Ходзім адзін за адным, а гэты ляжыць мёртвы. “А як сталі хараніць, а ён глядзіць.” А тады там далей: “А ён устаў.” А ён устаець, ляціць ловіць каго-небудзь. Тады тот памрэць. Ну тады ўразбежку хто куды, ну тот каго паймаець – гэтак ужэ пакойнік, а эты ходзіць у кружок.” (Міёрскі р-н)⁴¹.

Пэўнае месца займалі імітацыйныя гульні, калі дзеці ўзнаўлялі самыя розныя жыццёвыя з’явы і стваралі мадэлі дарослага жыцця. Дзяўчаткі звычайна гулялі “ў дом”, а хлопчыкі – “у вайну”: “В войну играли. Тут акопы были гатовые” (Полацкі р-н)⁴². Аднак, неабходна адзначыць, што аднаўленне ваенных падзей у забаўляльнай форме больш часта фіксуецца ва ўспамінах рэспандэнтаў, якія нарадзіліся ў 1940-х – пачатку 1950-х гг. Што датычыць непасрэдна “дзяцей вайны”, якія перажылі яе ўжо ў адносна свядомым узросце, то падчас інтэрв’ю гульні “у вайну” амаль не ўзгадвалі, бо казалі, што яны нававаліся ў рэальным жыцці. Аднак ваенная тэматыка прысутнічала ў дзіцячых гульнях і звязана яна была, перш за ўсё, з кінутымі баяпрыпасамі і гэта датычылася, перадусім, хлопчыкаў. Забавы падобнага кшталту былі вельмі траўматычнымі і іншы раз сканчаліся трагічна. “У нас жа мальчык застрэліўся. Пайшли гуляць, у нас тут кусты такія былі небальшэнькія – фадэр называліся. Пайшли яны. Не знаю якую яны ігрушку нашлі і яна ўзарвалася. Большага убіла, а меншы жыву. А тады радам у суседа, бабушка нашла на дарозе, гэта пасля вайны, як у фанрыку сцеклянку, ну і прынесла, пухлы такі, чыста белы. Ну і гулялі мальцы, і падкідвалі.... А дарослыя паехалі на поле. Папа мяне вядзець, толькі спуціліся ўніз, как драганець нешта. Папа бягом туды. Адзін ляжыць нежывы, а другой пасечаны. Сколька гадоў і стукалі, і бразгалі...помню толькі пахарон. Трох у нас.” (Міёрскі р-н)⁴³. Увогуле эксперыменты з баяпрыпасамі, якія засталіся з вайны, былі часткай дзіцячай рэчаіснасці на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў пасля сканчэння ВВВ. Пра гэта красамоўна ўзгадвае адзін з рэспандэнтаў: “Бацька ў Барсуках кавырнуў каўшом і вырыў снарадны, ну і я тут быў (мне было 9). Ну і усё! Механізм маментам закруціўся: адны паллі, другія снарад кралі, пака прыедуць гэты самыя. На веласіпед, ён не бальшы, саракапятка, наверна. Ну і прывязлі снарад у ельнік, а там ужго агонь гарэў – кастрышча было. Як кінупі туды, як вурзнуў, так Бэсэсэр дзе-та за ельнікам быў. Казаў, што «галоўка возле майго вуха праляцела». Вухнула, ну...мы тут і рассасаліся па вуглах. Ну, ты, знаеш, красіва взарвалась. Патом нас лавілі...Мы как-та жылі дружна, усё было разработана.” (Верхнядзвінскі р-н)⁴⁴.

Калі аналізаваць палявыя фрагменты, звязаныя з баўленнем вольнага часу, то найбольш часта гэта тэма гучыць, калі размова ідзе пра зімовы перыяд, калі ў дзяцей з’яўлялася больш вольнага часу. Гэта і катанне на санках, самаробных каньках, і гульня “ў сняжкі”. “...за санямі былі падсанкі. Гэта калі строяцца, нада браўно везці. На санях гэтых 2 – 1,5 м, а нада 4 м, тады ззаду прычэпліваліся падсанкі, і хвост балкі на іх браўся. Адчэплівалі падсанкі, а нагуляемся, заморымся, там і кідаем. А утрам палучым... Але нічога: узрослыя панімалі, што нам нада ў што-та занімацца. Мы так не сядзелі без работы: летам паслі кароў... Ні адной мінуты не было

³⁶ ФА ПДУ: Зап. Лобач У.А., Сумко А.В. у 2020 г. ад ЖКС (Ж), 1931 г.н., в. Лажані Ушацкага р-на.

³⁷ ФА ПДУ: Зап. Лобач У., Корсак А., Сумко А. у 2020 г. ад НУЛ (М), 1936 г.н., в. Двор (Зерчаніцы), Ушацкі р-н.

³⁸ ЗА у 2021 г. ад АФ (Ж) (нарадзілася в. Верхнія, Глыбоцкі р-н) 1929 г.н. файл № 1246.

³⁹ ЗА у 2021 г. ад ВФЮ (Ж), 1931 г.н., в. Барсукі Верхнядзвінскага р-на; файл № 2212.

⁴⁰ ЗА у 2021 г. ад ЮМА (Ж), 1930 г.н., в. Первамайскае Верхнядзвінскага р-на; файл № 1346.

⁴¹ ЗА у 2021г. ад ВІР (Ж), 1931 г.н., в. Узмёны Міёрскага р-на; файл № 0920.

⁴² ЗА у 2019 г. ад БМВ (М), 1942 г.н., в. Асёткі Полацкага р-на; файл № 1404_21.

⁴³ ЗА у 2021г. ад П (Ж), 1936 г.н., в. Басяныя Міёрскага р-на; файл № 2906_21.

⁴⁴ ЗА у 2020 г. ад СВФ (М), 1950 г. н., в. Жыгулі Верхнядзвінскага р-на; файл № 2205_20.

ў нас свабоднай, штоб мы аддыхалі, паляжалі” (Верхнядзвінскі р-н)⁴⁵. Калі паблізу быў вадаём, то яго таксама прыстасоўвалі для зімовых забаў: “Атока, зімой, што б замер, забіваецца кол, на яго адеваеш калясо, к этому калясу прывязваеш папярок жэрдіну, метраў пяць, усе закрапляеш. Дальше, к гэтаму калясу прыкручваюцца ручкі. Ну і ўсе. Гэта калясо круціцца. На канец палкі цапляюцца санкі. Садзішся на санкі. І вот мы гэтай дружнай талпой і пашлі...раскручвае і патам палуцаецца такая скорасць у гэтых санках – адзін ляжыць, а нас многа. Удэржыцца значыць удэржаўся, не – паляцеў” (Верхнядзвінскі р-н)⁴⁶.

Асобным блокам ва ўспамінах пра пасляваеннае дзяцінства выступаюць сюжэты пра тое, як святкавалі традыцыйныя святы. Сустрэкаюцца аповяды пра ўдзел у калядным гурце ці прысутнасць на Жаніцьбе Цярэшкі, калі дзеці, якім узрост не дазваляў прымаць удзел у гульні, назіралі за працэсам, фіксуючы ў памяці цікавыя моманты: “Свету ж не было, ні кірасіну, нічога. Пасадзют нас, ну малыя былі, пасадзют нас і гэтыя лучыны нарэзаны з сасновых палак, і мы запалім. Значыць, тут міска стаіт з вадой, адгарайць (лучына) і валицца, і тухнець тут. І дым жэ ідзець, і ўсё. А ў хаце там цёмна, а яны тануюць – і малыцы, і дзячаты. Ва ўсех гэта подошва дзерэвянная. Як стануць танцаваць, так як коні лятуць – так стукаюць. А мы свецім, у пальцы прыпачэць, дадэржышы гэту лучынку гарэць палец – прыпачэ, пусціш – яна ў ваду зваліцца, цёмна станець... а яны крычаць тут: “Маладзёж, цалуйцеся, цёмна! Цалуйцеся!” А мы сядзім на пліце” (Міёрскі р-н)⁴⁷.

Што датычыла дзіцячых цацак, то большасць рэспандэнтаў казала пра адсутнасць як такіх. Гэта ў прыწყыпе з’яўлялася ўласцівасцю вясковай культуры, дзе пераважалі самаробныя цацкі і назіралася іх нязначная колькасць. “Ігрушак жа не было. З трапак рабілі. А калі іх там было дзелаць?! Бегалі на работу. З іра дзелалі лялькі, косы запяталі. Рабяты як лучыны не відзелі, так і гэты былі ігрушкі. Усё сваё было, грошай не было” (Верхнядзвінскі р-н)⁴⁸. Сярод успамінаў можна знайсці фрагменты пра мячыкі, якія рабілі з шэрсцінны хатняй жывёлы ці веташы: “Мячыкі з кароўскай шэрсці, качалі, калі яна ліняець, скатвалі такія небальшынкія. Кідалі адзін аднаму і так кідалі” (Міёрскі р-н)⁴⁹; “[А мячик где брали?] С трапок, со всего, кто что придумывал” (Полацкі р-н)⁵⁰. Сустрэкаюцца сюжэты і пра лялькі, якія былі малападобныя на сучасныя: “Платок скруціш, другі завяжыш – вот і кукла была” (Міёрскі р-н)⁵¹; “Куклы мы шылі з трапачак. Не было ніякіх ігрушак. Самадзельную кукалку малюсенькую пашыюць з трапачкі. Раз прыхажу дамой, а брат, малышы і такі хуліганісты быў, прыхажу дамой, а ён маю куклу бальшым гваздём к падаконніку прыбіўшы за жывоат. Сколькі слёз было” (Верхнядзвінскі р-н)⁵².

Разам з тым неабходна адзначыць, што ўзгадкі пра гульні і дзіцячыя забавы ў першыя паваенныя гады займаюць нязначнае месца ва ўспамінах, што было прадвызначана складанай эканамічнай сітуацыяй і цяжкім матэрыяльным становішчам. Дзеці і падлеткі разам з дарослымі выкарыстоўвалі ўсе магчыма для паляпшэння дабрабыту сваёй сям’і, а на гульні не заставалася шмат часу.

Заклучэнне. Такім чынам, успаміны рэспандэнтаў пра сваё дзяцінства – гэта адлюстраванне таго, як будоўваўся жыццёвы шлях непаўналетняга члена сям’і ва ўмовах пэўнай сістэмы каштоўнасцей, якую трансліравала сям’я рэспандэнта, і наколькі вызначальным для яго быў жыццёвы досвед бацькоў і сацыяльна-эканамічная рэчаіснасць. Палявыя матэрыялы сведчаць, што дзіцячая штодзённасць у паваенныя гады была скарэктавана неспрыяльным эканамічным становішчам і спецыфічнай дэмаграфічнай сітуацыяй, бо наступствы нацысцкай акупацыі і ваенных дзянняў былі вельмі разбуральнымі для Беларусі. Роля і месца дзецей у сістэме жыццезабеспячэння сялянскай сям’і, магчымаць вучыцца і распраджацца сваім вольным часам залежала ад складу і эканамічнага дабрабыту сям’і, а таксама ад сістэмы жыццёвых каштоўнасцей. Матэрыялы вуснай гісторыі фіксуюць, што існавала занальная спецыфіка рэгіёна, якая прадвызначыла пэўныя адрозненні ў дзіцячай паўсядзённасці Полаччыны. І тут уплывала не толькі лакацыя населенага пункта ў “зоне бедства” (найбольш пацярпелыя раёны) ці “зоне адноснай стабільнасці” (нязначная ступень разбурэння), але і прыналежнасць да розных мадэлей жыццезабеспячэння, падзел паміж якімі супаў з геаграфічным падзелам Полаччыны на ўсходнія (калектывізаваныя) раёны і, заходнія, дзе пераважаў аднаасобны сектар.

Так, калі казаць пра сферу адукацыі, то агульным ва ўспамінах з’яўляецца апісанне аб’ектыўных цяжкасцей (адсутнасць умоў і інструментаў навучання), з якімі сутыкаліся школьнікі. Аднак ва ўсходніх раёнах, дзе пасляваенная сітуацыя была найбольш драматычнай, часцей гучыць інфармацыя пра тое, што дзеці былі вымушаны прапускарць ці кідаць школу з-за складанага матэрыяльнага становішча сям’і і ісці працаваць, каб здабыць базавыя прадукты харчавання і неабходныя рэсурсы для сям’і, прычым самым запатрабаваным напрамкам для заробкаў былі менавіта заходнія, яшчэ не калектывізаваныя, раёны. Полаччыны. Што датычыць наратываў з заходніх раёнаў, то матывацыя адмовіцца працягваць школьнае навучанне была некалькі іншая: неабходнасць працаваць ва ўласнай гаспадарцы разам з бацькамі ці, згодна з традыцыйнымі полядам на адукацыю, перепрафіліравацца на атрыманне спецыяльнасці на даму, каб атрымаць у будучым стабільны прыбытак. Што датычыць

⁴⁵ ФА ПДУ: Зап. студ. ПДУ Захарэвіч Ала і Жолудзева Паліна ў 2015 г. ад ММВ (Ж), 1927 г.н., нар. у в. Аляксееўцы, і КНІ (Ж), 1941 г.н., нар. у в. Страшныя (Новы Строй), у в. Дзёрнавічы Верхнядзвінскага р-на.

⁴⁶ ЗА у 2020 г. ад СВФ (М), 1950 г.н., в. Жыгулі Верхнядзвінскага р-на; файл № 2205_20.

⁴⁷ ФА ПДУ: Зап. Лобач У.А., Сумко А.В. у 2020 г. ад ВПШ (Ж), 1934 г.н. в. Парадні Мёрскага р-на.

⁴⁸ ФА ПДУ: Зап. студ. ПДУ Захарэвіч Ала і Жолудзева Паліна ў 2015 г. ад ММВ (Ж), 1927 г.н., нар. у в. Аляксееўцы, і КНІ (Ж), 1941 г.н., нар. у в. Страшныя (Новы Строй), у в. Дзёрнавічы Верхнядзвінскага р-на.

⁴⁹ ЗА у 2021 г. ад ІІ (Ж), 1936 г.н. в. Басяныя Міёрскага р-на; файл № 2906_21.

⁵⁰ ЗА у 2019 г. ад БМВ (М), 1942 г.н., в. Асёткі Полацкага р-на; файл № 1404_21.

⁵¹ ЗА у 2021 г. ад ІІ (Ж), 1936 г.н. в. Басяныя Міёрскага р-на; файл № 2906_21.

⁵² ЗА у 2021 г. ад ВФЮ (Ж), 1931 г.н., в. Барсукі Верхнядзвінскага р-на; файл № 2212.

баўлення вольнага часу, то гульні ў сваёй аснове заставаліся традыцыйнымі з адсутнасцю ці мінімальнай атрыбутыкай, але актуалізаваліся новыя, напрыклад, “у вайну”, што было абумоўлена асаблівасцю эпохі.

ЛІТАРАТУРА

1. Ракава, Л.В. Традыцыі сямейнага выхавання ў беларускай вёсцы / Л.В. Ракава. – Мінск : Ураджай, 2000. – 111 с.
2. Гульні, забавы, ігрышчы / Склад. А.Ю. Лозка. – Мінск : Беларуская навука, 1996. – 534 с.
3. Николаева, И.В. Дети Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны / И.В. Николаева // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XIX(66) Регион. науч.-практ. конференции преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13-14 марта 2014 г. В 2 т. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2014. – Т. 1. – С. 341–342.
4. Николаева, И.В. Повседневность послеоккупационного периода Великой Отечественной войны: опыт различных социальных групп (на примере Витебской области) / И.В. Николаева // Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. Ученые записки УО “ВГУ им. П. М. Машерова” : сб. науч. тр. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2014. – Т. 17. – С. 109–114.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4-п. Воп. 46. Спр. 148.
6. Сумко, А.В. Дзеці і падлеткі ў працоўнай дзейнасці беларускай павасеннай вёскі / А.В. Сумко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2021. – № 9. – С. 121–124.

Паступіў 06.01.2022

ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО: ТРУД, ОБРАЗОВАНИЕ И СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ ПОЛОТЧИНЫ)

Е.В. СУМКО

Анализируются основные сюжеты, раскрывающие особенности послевоенного детства деревенских детей Северной Беларуси. В качестве источников исследования выступают собственные записи автора, а также материалы этнографических экспедиций Полоцкого государственного университета. Полевые исследования фиксируют, что роль и место детей в системе жизнеобеспечения сельской семьи, возможность учиться и распоряжаться своим свободным временем целиком зависели от состава и экономического благополучия семьи, также от системы житейских ценностей, транслируемых семьей респондента. Не последнюю роль отыгрывала зональная специфика региона (западный и восточный районы, которые представляли две модели системы жизнеобеспечения в послевоенный период), предопределившая некоторые отличия в детской повседневности Полотчины.

Ключевые слова: послевоенное восстановление, деревня, система жизнеобеспечения, детство, труд, образование, школа, игра.

THE POST-WAR CHILDHOOD: WORK, EDUCATION AND LEISURE (BASED ON THE MATERIALS OF THE ORAL HISTORY OF POLOTSK DISTRICT)

A. SUMKO

The article analyzes the main plots that reveal the peculiarity of the post-war childhood of the village children in Northern Belarus. The research sources are the author's own records and materials from the ethnographic expeditions of Polotsk State University. The field studies record that the role and place of children in the life support system of a peasant family, the ability to study and use their free time completely depended on the family composition and economic well-being, as well as on the system of life values of the respondent's family. The zonal specificity of the region (the western and eastern regions, representing two models of the life support system in the post-war period), which predetermined significant differences in children's everyday life in Polotsk region, played an important role.

Keywords: post-war reconstruction, village, life support system, childhood, education, school, games, work.

УДК 94(476)«19»+322(476)(091)«19»

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАСАЖДЕНИЯ АТЕИЗМА В СССР¹

канд. ист. наук, доц. **И.И. ЯНУШЕВИЧ**
(Белорусский государственный университет, Минск)

В статье проводится анализ основных механизмов насаждения атеизма в СССР. Установлено, что распространение атеизма являлось неотъемлемой частью идеологической деятельности правящей коммунистической партии. Атеистическое воспитание не смогло сыграть решающую роль в борьбе с влиянием религии и церковных организаций. Определено, что важной составляющей частью антирелигиозной работы являлось устранение конкуренции на пути распространения материалистического мировоззрения. Рассмотрены механизмы ликвидации культовых объектов и способы введения ограничений религиозной деятельности. Проведенный анализ показал, что к 1980-м гг. имелись значительные успехи в преодолении воцерковленности граждан. Публичный атеизм, советизированный набор примет и суеверий становились определяющими элементами в преодолении религиозности.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, атеистическое воспитание, коммунистическая партия, историческая память.

Введение. Подавляющей части населения Российской империи с ноября 1917 г. пришлось принять участие в эксперименте по массовому распространению материалистического мировоззрения. Советская республика, а затем СССР, стала одним из немногих государств мира, которое пошло на отказ от идущих в разрез с программными документами правящей партии тысячелетних традиций. Большевики в своем движении к коммунизму столкнулись с необходимостью значительной корректировки исторической памяти населения. При этом государственные, культурные и духовно-нравственные традиции проживающих здесь народов принимались новой властью исключительно исходя из текущего политического момента. Вопросы атеистического воспитания, как логически обоснованного и передового процесса, тщательно исследовались в советской историографии [1-2]. В зарубежных работах того же периода имел место уклон в сторону «антисоветчины», в то же время, авторы не имели возможности пользоваться многими доступными документами и не в полной мере учитывали реальную обстановку в стране [3]. Частичное снятие грифов «секретно» и «совершенно секретно» позволило ученым сформировать наиболее объективную картину проходивших процессов [4-6]. Источниковую базу работы составляют материалы архивных фондов и опубликованные в сборниках документы.

Основная часть. Материалистическое мировоззрение не было характерно для населения СССР. Количество людей невоцерковленных возрастало по объективным причинам. На добровольной основе массовый «переход на атеистические рельсы» в слабо секуляризованном обществе проходить не мог. Потребность в формировании системы отрыва человека от религии и церкви возникла у руководства советского государства в начале 1920-х гг. Предполагаемое разрушение Русской Православной Церкви и иных традиционных для Российской империи культов посредством отъема собственности, разрушения административно-управленческой структуры, уничтожения или изгнания части клира и активных прихожан не произошло даже с учетом кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. Наоборот, начиналось очередное религиозное возрождение, проявлялся все больший интерес к церковной жизни, идеалистическому мировоззрению, наметилось возвращение в храмы ранее нигилистически настроенных людей [3, с. 59; 6, с. 77-81]. Заявленная в программных документах РСДРП потребность в постоянном массовом атеистическом воспитании требовала своего структурного оформления, финансового и методического сопровождения. К концу 1921 г. при агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б) начала действовать Антирелигиозная комиссия. Это был скорее «методический центр» безбожия. При АПО ЦК КП(б)Б подобная организационная структура начала формироваться в мае 1922 г. и являлась координационным центром в период проведения антирелигиозной пропаганды в рамках кампании по изъятию церковных ценностей [7, л. 6]. Практическая работа комиссии началась в 1923 г.

Наиболее пригодной для атеистического перевоспитания была определена молодежь, и в первую очередь, социально активная молодежь, которая в дальнейшем должна была стать «драйвером» процесса. Основным исполнителем проекта был определен созданный в 1918 г. Коммунистический союз молодежи (КСМ). В первой половине 1920-х гг. эта структура, не справлявшаяся и с выполнением своих уставных задач, реализовать значительный комплекс мер по атеистическому перевоспитанию всей, а не только союзной, молодежи просто не могла. В БССР в рамках указаний ЦК РКСМ антирелигиозную пропаганду решили проводить фактически в виде парадий на религиозные праздники. Идея их организации принадлежала еврейской молодежи города Минска. И в столице, и в уездах в 1923 – 1924 гг. преобладали кампании типа «Комсомольское Рождество», «Комсомольская Пасха», «Комсомольская Троица» и т.д. Главным организатором данных кампаний выступил КСМ под контролем компартии. В городах готовились большие шумные программы, акценты молодыми рьяными товарищами

¹ Произведены корректура и техническое редактирование текста. Стиль и содержание статьи опубликованы в авторской редакции.

ставились на увеселительные мероприятия, танцы, уличные карнавалы и демонстрации, сатирические театральные постановки антирелигиозного содержания. Имели место прямые насмешки и угрозы духовенству и верующим. Эффективность подобных мероприятий оказалась чрезвычайно низкой, хотя и альтернативы пока не просматривалось [8, л. 107]. Партийные решения требовали создания системной работы по атеистическому перевоспитанию населения посредством распространения естествознания, проникнутого идеями воинствующего материализма.

К середине 1920-х гг. становится очевидным, что КСМ самостоятельно справиться с задачей не сможет. Необходима была структура, занимающаяся этим вопросом на постоянной основе. Создаваемые в различных частях страны «Общества друзей газеты «Безбожник» во многом подходили для данной работы. Руководство Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) определило Союз безбожников (СБ) СССР единым центром борьбы с религией (с 1929 г. – Союз воинствующих безбожников (СВБ)). Участники всесоюзного совещания агитаторов и пропагандистов 1926 г. не вполне разделяли подобную точку зрения, однако также высказывались за всемерное содействие СБ [9, л. 23, 37-54]. В компетенцию СБ, в первую очередь, входила агитационно-пропагандистская деятельность. Человек, главным образом молодой человек, должен был повсеместно сталкиваться с информацией, вызывающей отрицательное отношение к религии и церкви. Он должен был уяснить в первую очередь, что религия – это выдумка некоторой группы людей на определенном этапе исторического развития с целью моральной и материальной эксплуатации верующих. Под видом наличия сверхъестественных сил правящие классы добивались послушания простых граждан, при этом сами они не являлись людьми верующими. Священнослужители обслуживают интересы эксплуататоров, при этом главной их целью является получение материальных благ, а не духовное служение [10, с. 75]. С приходом советской власти – первой справедливой власти на земле – клирики возглавили темные силы по борьбе с остро необходимым для нормального существования человека и общества научным прогрессом. У населения должно было сформироваться мнение о клириках, религиозных организациях как о существенном препятствии на пути построения светлого будущего. Следующим аспектом, который обосновывала безбожная гвардия – это несостоятельность религии как таковой. «Здравомыслящий человек» не мог поверить во все эти «библейские сказки», да и самого Иисуса Христа не существовало, как и Бога. Научного подтверждения существования Бога церковники предоставить не могли, а значит и верить советскому человеку в то, чего не существует, – просто глупость. Вопрос доказуемости того, что Бога нет, оставался открытым и решался иногда простым голосованием собравшихся [11, л. 107]. Антирелигиозная пропаганда четко указывала на экономический характер религиозных праздников и обрядов, берущих свое начало задолго до появления христианства и ислама и напрямую связанных с древними культами. Обряды и таинства преподносились как издевательство над разумом «современного человека». Молодым людям внушалось, что религия и церковь – это пережитки прошлого, пригодные только для «отсталых стариков». Задачей антирелигиозников было противопоставить поколения детей, родителей, бабушек и дедушек, разорвать семейные традиции и подменить ценностные ориентиры.

Большие надежды связывали антирелигиозники с системой образования. Во-первых, учителя, профессорско-преподавательский состав – это образованные люди, обладавшие необходимым запасом знаний по истории, философии, естествознанию. Их следовало первыми включать в антирелигиозную пропаганду. В школе главным объектом воздействия должны были стать пионеры. Именно они и октябрята являлись наиболее перспективными, а при правильной постановке вопроса – и убежденными безбожниками. Здесь СБ пересекался с Наркоматом просвещения. Система образования была наиболее зависима от государства, в то же время, консервативна, с критическим взглядом на всякого рода неадаптированные к реальной действительности нововведения. Педагогический состав в значительной степени был религиозен, в том числе, до определенного момента, это не скрывал, а то и фактически преднамеренно демонстрировал, как и иные представители интеллигенции. Постановления наркомата образования некоторыми трактовались как не требующее проведения антирелигиозной работы в рамках учебного процесса в силу того, что это место по предоставлению знаний, навыков и умений [12, с. 119]. Педагоги не были априори сочувствующими СВБ людьми. Вовлечение же школьников в ряды юных безбожников должно было сформировать своеобразный резерв и завершить вертикаль по аналогии с звеньями «партия – комсомол – пионерия – октябрята». Желая вытравить у подрастающего поколения религиозность, власть готова была пойти на любые эксперименты. Е. Ярославский заявлял: «Мы требуем от каждого ребенка, что б он был борцом против всякой религии везде – в школе, в семье» [13, с. 270]. Каковы были перспективы массового воспроизводства монстриков от СВБ, предположить трудно. Разлады в семьях, безусловно, по данному вопросу были, но сделать из родителей атеистов ребенок вряд ли мог, если только те не вступали в игру с учетом общественно-политической ситуации. Сопротивление религиозных организаций к началу 1930-х гг. было подавлено, а к середине десятилетия уже многие старались максимально не афишировать свое отношение к религии [14, с. 29]. В конце 1920-х гг. в дни религиозных праздников менее 30% школьников посещали занятия [12, л. 119]. Согласно переписи 1937 г. около 25–30% грамотных молодых мужчин и около 50% грамотных молодых женщин записались «верующими» [15, с. 102]. Среди неграмотной молодежи «неверующими» записались менее 40%. Совпадала ли цифра «юных воинствующих безбожников» и цифра «неверующих», сказать достаточно проблематично. Кроме методического сопровождения на систему образования возлагались функции по созданию и поддержанию на достаточном уровне структур СВБ, в том числе и «юных воинствующих безбожников» [16, л. 56]. Первым и главным критерием оценки работы в области распространения атеистического мировоззрения ответственным антирелигиозникам было выгодно считать рост численности организации, наличие ячеек, подписку на соответствующие периодические издания и уплату членских взносов. Как только давление партийных структур по данному вопросу

ослабло представительство СВБ-ЮВБ в школе начало активно сворачиваться. В 1934 г. Центральный совет СВБ СССР пытался реанимировать структуру под лозунгом: «под видом религии к ребятам попадает классовый враг» [17, л. 13]. Однако предпринимаемые меры уже были неактуальны. В феврале 1933 г. на заседании фракции ВКП(б) ЦС СВБ СССР обсуждался вопрос о ликвидации профильного отдела [18, лл. 13–14].

Не совсем в соответствии с решениями ЦК партии и комсомола действовали их низовые структуры на антирелигиозном направлении. Они не ощущали злободневности данной работы. В конце 1920-х гг. только 50% партийных комитетов обсуждали вопрос организации атеистической пропаганды на своих заседаниях, да и то, во многом, это были формальные, бюрократические действия [19, лл. 1–2]. В 1930-е гг. зачастую на нее выдвигали наименее подготовленных и ответственных сотрудников. Имела место частая смена секретарей ячеек. Например, на Витебской фабрике «Знамя индустриализации» в 1938 г. – первой половине 1939 г. насчитывалось 500 членов союза, но с изменением отношения парткома к значимости антирелигиозного вопроса во второй половине все усилия сошли на нет. Четырежды менялся ответственный партиец, и организация фактически распалась. Секретарь партбюро фабрики Е. Маценко призналась проверяющему, что данное направление деятельности уже «отжило» и «это такая скучная работа, что я прямо не знаю кого выделить на эту работу» [20, л. 75]. Низовые руководители, производственники не совсем понимали суть антирелигиозной работы. Отсутствие нательных крестов и икон в домах и квартирах представлялось как разрыв с религией и церковью. Например, председатель завкома завода им. Кирова в Витебске явно вполне осознанно утверждал: «У нас верующих нет. Мы объездили все квартиры рабочих и ни у кого не заметили икон» [21, л. 26].

Всем этим процессом должен был руководить СВБ, чтобы объединить вокруг себя все антирелигиозные силы страны и стать под руководством партии координационным центром распространения атеизма. Однако фактически принудительное членство, формализм и ничем не подкрепленные прожекты руководства СВБ при ослаблении административного давления привели к практическому развалу организации. Если в 1929 – 1930 гг. был применен жесточайший прессинг на все общественно-государственные структуры, то и количественные показатели были значительны [22, л. 12]. Ослабление внимания к вопросу и возможная переоценка результатов деятельности СВБ привели к массовому сворачиванию работы к середине 1930-х гг. В постановлении бюро ЦК КП(б)Б «Аб работе Саюза Ваяўнічых бязбожнікаў» от 03.04.1937 г. о работе Центрального совета СВБ БССР отмечалось: «ЦС СВБ не з'яўляецца сапраўдным цэнтрам кіраўніцтва антырэлігійнай работы» [23, л. 95]. Как таковым центром он и не мог стать в сложившихся условиях: «Центральный совет СВБ Белоруссии избирался в 1929 г. и кооптированный в 1930–31 гг. на пленумах был в составе 37 чел. Выведено из состава пленума 26 чел., из них исключены из партии 16 чел... Из оставшихся 11 человек активное участие принимают 2-3 человека. По Белоруссии организация СВБ составляет 30–35 тыс. членов, но какого точного учета ни кем не ведется», – отмечалось в информации секретарям ЦК КП(б)Б [23, лл. 35–36]. Положение дел интересовало периодически и центральные органы. 19 августа 1937 г. сотрудником ЦС СВБ СССР А. Березкиным была проинспектирована Витебская область. В докладной записке он дал характеристику ситуации в республике: «В Белоруссии, где в состав ЦС СВБ было введено ряд ныне разоблаченных лиц, как шпионов, диверсантов и авантюристов, организация СВБ находится в состоянии полного развала» [24, л. 6]. Таким образом, ни материальный, ни организационный, ни кадровый потенциал СВБ ответственными структурами государственного управления на минимально необходимом уровне поддержан не был, хотя в 1939 г. и 1940 г. некоторое улучшение ситуации наблюдалось. Были созданы областные и районные советы, к агитационной работе приступили прошедшие переподготовку пропагандисты-антирелигиозники, значительно увеличилось количество издаваемой антирелигиозной литературы.

Результаты насаждения безбожия в 1920-е – 1941 г. можно оценивать по-разному. С одной стороны, религиозность населения была достаточно высокой. Особенно неожиданно это касалось и молодежи [15, с. 99–103]. С другой, храмы как опорные пункты укрепления в вере и поддержке соборности прихожан, практически все были закрыты. Здесь не будем брать в расчет воссоединенные земли. Священнослужители, как носители информации о догматах и учении Церкви, были ликвидированы до минимума. Церковная жизнь на регулярной основе не осуществлялась и охватывала неофициальными формами только незначительный процент верующих. Человек, если и не стал безбожником к 1941 г., то он или его дети были на пути к этому. Вне Церкви, вне религиозной организации верующий мог с большей долей вероятности стать безбожником, чем при наличии таковых. Невоцерковленность являлась шагом к полному отказу от веры или трансформации традиционных форм вероисповедания. Усилия Союза безбожников, систем образования, культуры, общественных организаций по атеистическому воспитанию или перевоспитанию граждан главным образом «спотыкались» о семью и регион пребывания. С этим трудно было что-то сделать. Система атеистического воспитания с лекциями, докладами, беседами, фильмами и т.д. работала с людьми, большую часть своей жизни проведшими в государстве, не уничтожавшем религию и церковь. Их историческая память не могла быть еще заменена парой докладов и зарождающейся социалистической обрядностью. Но 1920 – 1930-е гг. стали хорошей экспериментальной площадкой для будущей работы. Великая Отечественная война и последние годы правления И.В. Сталина показали скрытые угрозы и риски существования религии и церкви. Во-первых, это мощнейшая объединяющая идеологическая платформа, в первую очередь через патриотизм и государственность. Вторым неблагоприятным фактором выступила «живучесть» церковно-приходских советов и доверие к священнослужителю. Глубинным причинам сохранения религиозности антирелигиозниками внимания не уделялось. На подобном фундаменте в свете очередных задач по построению коммунизма высшему партийному руководству с середины 1950-х гг. предстояло выправить ситуацию по работе с политически незрелым населением. Следует отметить, что ответа на вопрос: с чем и как бороться в человеке, чтобы верующий стал атеистом, советским ученым, по моему мнению, получить не удалось.

Очередная кампания по распространению атеистического мировоззрения у советских людей на уже имеющемся опыте, интеллектуальном потенциале организаторов и в соответствии с решениями съездов КПСС началась в 1954 г. Антирелигиозникам предстояло определить «опорные пункты» сопротивления и «локомотивы» продвижения безбожия, а также выработать программу по минимизации негативного воздействия первых и настройке оптимальной деятельности вторых. На этих двух крыльях и должна была выстраиваться траектория движения к безрелигиозному обществу. Важным условием успеха антирелигиозников являлось внимание высшего политического руководства. В 1920 – 1930-е гг., кроме В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, партийные лидеры не придавали борьбе с религией общегосударственной значимости. К первой категории относилось то, что условно можно отнести к визуальным появлениям религиозной деятельности: храм, священнослужитель, предметы культа, «святые места», исполнение обрядов и таинств, несанкционированные богослужения. Программу максимум – показать в 1975 г. (по второй версии – в 1980 г.) «последнего попа» поставил в 1958 г. Н.С. Хрущев, уже утвердившийся по всем позициям во власти советский лидер [25, с. 384]. Это был, скорее всего, очередной эмоциональный выпад первого секретаря компартии, но темпы сокращения богослужебных помещений стали впечатляющими [4, с. 269]. Храм если и не удавалось закрыть, то предстояло сделать непрезентабельным: максимально сократить доходы через налоги и сборы, лишить возможности оплаты по найму, ликвидировать хор и т.д. Церковноприходские советы предстояло сделать исполнителями заданий органов местной власти и уполномоченных по делам религий. И самое главное – храм должен был стать пустым. Первыми туда запретили ходить детям, в том числе и при содействии священнослужителей [26, с. 187]. Затем расписанием проведения богослужений, дежурными постами антирелигиозного актива, руководствами организаций и предприятий минимизировалось количество ответственных работников и простых трудящихся и служащих, могущих посещать храм [4, с. 302; 6, с. 372, 375]. Предпочтительным для властей было отсутствие священника при незакрытом храме, но если клирик и сохранялся, то он должен был стать слабо подготовленным профессионально, безынициативным попом-требником и желателью с каким-то пороком: алкоголизм, сребролюбие или скверный характер [27]. Неудобных священников часто переводили с места на место, снимали с регистрации, направляли в психлечебницы и больницы [4, с. 152–153]. По-прежнему приветствовалось ренегатство в виде расстриг и публичных обличений религии и церковных структур [6, с. 367]. Стояла задача полностью оградить человека от религиозной литературы. Наличие Библии или Корана могло привести к ненужным проблемам, а икона в доме демонстрировала политическую неблагонадежность хозяев. Нательные крестики или иные культовые атрибуты, особенно в 1970-е гг., становились объектом высмеивания и разбирательств.

Первыми жесткому давлению подверглись монастыри и «святые места». Количество обитателей, как мест особого духовного значения в тяжелые исторические периоды, оправдано сокращалось ударными темпами [4, с. 269]. Монастыри наносили значительный ущерб атеистическим усилиям властей. Паломничество к «святым источникам», каплицам и т.д. невозможно было контролировать [28, с. 165]. К одной «криничке» могли съезжаться неосознательные граждане и не из одного района, а потом сами, их семьи и знакомые потребляли антинаучную «святую воду» [26, с. 163–164]. В 1958 г. было принято постановление ЦК КПСС о принятии мер по ограничению доступа к «святым местам» [6, с. 363–364]. Источники «неизвестными» засыпаются, заливаются хлоркой, фекалиями. Милиция дежурит и всячески угрожает всем прибывшим. У них отбираются паспорта, сведения направляются по месту работы или учебы для профилактической беседы. В 1957 г. начинается кампания по сносу крестов на окраинах деревень. Днем сносили активисты-безбожники, а по ночам, на свой страх и риск, местные жители их восстанавливали.

Однозначно, необходимо было побороть ситуацию с выполнением обрядов. Статистика показывала, что от 50 до 70% детей крестили, около 30% похорон и 5–10% браков проходили по церковным канонам [26, с. 183]. Некрещеный ребенок с большей вероятностью мог стать невоцерковленным, не принадлежащим к какому-то традиционному культу человеком и, возможно, неверующим. «Обрабатывать» родителей, бабушек, дедушек должны были не только путем атеистической пропаганды, но и посредством воздействия антирелигиозного актива, должностных лиц. Крестные и кровные родители, если факт выполнения таинства устанавливался, подвергались различного рода давлению и без последствий, особенно в 1960 – 1970-е гг., не оставались. Хотя и коммунисты, и комсомольцы продолжали в этом участвовать [26, с. 179, 190, 206, 211]. Церковный брак уже был вызовом системе. Здесь полностью прослеживалась политическая неблагонадежность. С такими гражданами проводилась особая профилактическая работа, поэтому и количество выполняемых обрядов было невелико. Попытка развития советской свадебной обрядности, придание торжественности церемониалам, их эстетическое и кулинарное совершенствование не могли заменить сакрального значения церковного таинства. Церковные похороны были более распространены, так как это касалось старшего поколения, людей верующих и уже не входящих в социально активные категории граждан. Количество погребений «со священником» уменьшить властям было труднее, тем более что практиковались и заочные отпевания [26, с. 174, 179, 209, 259].

Вторым важным направлением деятельности антирелигиозников была борьба за мировоззрение граждан. Идейно-воспитательная работа была ориентирована на подготовку убежденных сторонников марксистско-ленинской идеологии. Ее основные постулаты должны были заполнить всё мировоззрение человека. Ленинское требование «терпеливо и настойчиво» бороться с религиозными предрассудками не соблюдалось и в годы жизни автора [1, с. 23–41]. Тем более не могло оно соблюдаться в период правления Н.С. Хрущева и мер по стабилизации Ю.В. Андропова [2, с. 149–161]. Главным «опорным пунктом» сохранения религиозных традиций были семья и официальное, или нелегальное, сообщество единоверцев. В процессе формирования безбожника в период развитого социализма следует выделить несколько важных этапов.

Первый – это школьный возраст. Здесь очень многое зависело от позиции родителей. Общественно-политическая ситуация тех же 1930-х гг. экстремальными способами подталкивала людей к двуличию, научила скрывать своё отношение к политическим и иным государственным процессам. Это касалось и религиозности. Публичное проявление веры в Бога могло стать не только препятствием к нормальной социализации в советском обществе, но и причиной уголовного преследования. В послевоенном СССР аресты и тюремные сроки по религиозным мотивам применялись гораздо реже, в то же время становилось очевидным, что социалистическое государство – это надолго, а значит и отношение властей к религии и церкви не изменится. И в этом, стремящемся к безбожию, мире как-то надо было выживать и верующим. Люди помнили время, когда занять достойное место в обществе, сделать карьеру, стать специалистом в любимом деле можно было только демонстрируя свое негативное или нейтральное отношение к религии [29, с. 173–177]. И государство мотивировало на подобное поведение. В школе любое проявление религиозности становилось предметом разбирательства с ребенком и родителями [6 с. 376–377]. Кроме применения в процессе атеистического воспитания различных форм и методов воздействия, таких как лекции, беседы, вечера вопросов и ответов, культурные мероприятия, важным было понимание ответственности за нетипичное поведение. И система образования предлагала взамен этого комфортное пребывание в школе, возможность ее окончания с хорошим результатом и характеристикой. Культивируемые советской системой воспитания качества человека, за исключением отношения к Богу, фактически совпадали с религиозными традициями. В религиозной семье во взрослую жизнь выходил, скорее всего, человек верующий, но уже с пониманием того, что религиозность необходимо хранить внутри себя.

Дальнейшие периоды жизни были более благоприятны для перекрытия каналов воспроизводства религии. Парни на 2–5 лет оказывались на срочной службе в армии, где их ожидала массированная обработка и в коллективе, и на политзанятиях [30, с. 71–75]. Студенты через систему идейно-политического воспитания должны были стать не просто атеистами, но и активными пропагандистами безбожия в дальнейшем [4, с. 265]. Желание поехать на пасху домой умело перекрывалось назначением на этот день «важных» контролируемых мероприятий. За исполнение обрядов или посещение богослужений грозило отчисление [6 с. 376]. Урбанизация, государственные и молодежные стройки, Целина, шахты, освоение Севера и т.д. отрывали большое количество людей от семьи, храма, религиозных праздников, и даже если человек оставался верующим, то он уже, зачастую, слабо представлял во что верит. Тем более ему сложно было передать это своим детям. Именно такие верующие, в большинстве своём, и наполнили храмы в конце 1980-х гг.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование показывает, что процесс материалистического перевоспитания населения в СССР можно с уверенностью назвать процессом насаждения атеизма в качестве поведенческого ориентира в советском обществе. Опыт организации антирелигиозной работы совершенно обоснованно указывал на необходимость концентрации усилий на работе с молодежью. Необходимо было прервать религиозные традиции. Властями массированно уничтожалось всё, что могло поддерживать интерес человека к религии и церкви. Создавалась система мотивации демонстрирования отрицательного отношения к вере в Бога. Атеистическое воспитание, при всём нарабатанном со временем наборе форм и методов, не смогло самостоятельно эффективно противостоять идеалистическому мировоззрению, даже в советском государстве. Внутренние убеждения и публичное поведение в праве на свободу совести стали особым явлением в социалистическом обществе. Для стирания в исторической памяти народов СССР его религиозного прошлого советского периода оказалось недостаточно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атеизм в СССР: становление и развитие / Г.В. Воронцов [и др.]. – М. : Мысль, 1986. – 235 с.
2. Круглов, А. А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987) / А.А. Круглов. – Минск : Беларусь, 1989. – 367 с.
3. Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в веке / Д.В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 351 с.
4. Канфесіі на Беларусі / В.В. Грыгор'ева [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 325 с.
5. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии / Ф. Кривонос. – Минск : Врата, 2008. – 255 с.
6. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М. : Вече, 2010. – 480 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 936.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. М1. Оп. 3. Д. 6.
9. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 60. Д. 791.
10. Ярославский, Е. Библия для верующих и неверующих / Е. Ярославский. – М. : Политиздат, 1977. – С. 75.
11. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 112. Д. 43(а).
12. Жук, А.П. Становление научно-атеистической мысли в Советской Белоруссии / А.П. Жук. – Минск : БГУ им. В.И. Ленина, 1981. – 243 с.
13. Ярославский, Е. Против религии и церкви / Е. Ярославский. – М., 1935. – 270 с..
14. Янушевич, И.И. Вмешательство органов государственной власти в дела религиозных организаций в 1917 – 1928 гг. (на примере православия и протестантизма) / И.И. Янушевич // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2021 – № 4. – С. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-21-30>.
15. Жиромская, В.Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. – М. : Наука, 1996. – 152 с.
16. НА РБ. – Ф. 261. Оп. 1. Д. 6.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5407. Оп.1. Д. 104.
18. ГАРФ. – Ф. 5407. Оп.1. Д. 96.

19. ГАРФ. – Ф. 5263. Оп.2. Д. 7.
20. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15629.
21. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11852.
22. РГАСПИ. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 140.
23. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10990.
24. ГАРФ. – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 107.
25. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Гос. -церков. отношения в СССР в 1939 – 1964 гг. / М.В. Шкаровский. – Изд-е 3-е. – М. : Изд-во Крутиц, подворья, 2005. – 384 с.
26. Православная церковь на Витебщине (1918 – 1991) : док. и материалы / Гл. ред. М.В. Пищуленок. – Минск : НАРБ, 2006. – 365 с.
27. Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности рамками закона [Электронный ресурс] // Из отчета Совета по делам религий – членам ЦК КПСС. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/otchet_soveta_religii/ – Дата доступа: 17.02.2021.
28. Законодательство о религиозных культах : сб. мат-в и док. / Под ред. В.А. Куроедова. – М. : Юрид. лит., 1971. – 214 с.
29. Янушевич, И.И. Антирелигиозная деятельность в Полоцком районе в контексте общественно-политической ситуации в БССР в 1937-1941 гг. / И.И. Янушевич // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. II Міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 крас. 2014 г. : у 2 ч. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – Ч. 2. – С. 173–177.
30. Дышев, М.К. Деятельность советской военной печати по усилению идейно-политического воспитания личного состава Советских Вооруженных Сил в современных условиях : на опыте окружных (флотских) и групповых газет 1967–1971 гг. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.10 / М.К. Дышев. – Минск, 1972. – 112 л.

Поступила 22.09.2021

FORMATION OF A SYSTEM OF PLANTING ATHEISM IN THE USSR

I. YANUSHEVICH

The article analyzes the main mechanisms of implantation of atheism in the USSR. It is ascertained that the spread of atheism was an integral part of the ideological activity of the ruling communist party. Atheistic education failed to play a decisive role in the fight against the influence of religion and church organizations. It is determined that an important component of anti-religious work was the elimination of competition in the way of spreading the materialist worldview. The mechanisms of liquidation of cult objects and methods of introducing restrictions on religious activity are considered in the article. The analysis showed that by the 1980s there was significant success in overcoming the churching of citizens. Public atheism, a sovietized set of signs and superstitions became a defining element in overcoming historical memory.

Keywords: Russian orthodox church, atheistic up-brining, communist party, historical memory.

УДК 930.1 (476) “1921/39”

**ВОПРОСЫ МЕСТА И РОЛИ ПОЗДНЕГО ПРОТЕСТАНТИЗМА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ИНОСТРАННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

*канд. ист. наук, доц. Т.В. ЛИСОВСКАЯ
(Белорусский государственный университет)*

В статье представлен анализ отечественной и иностранной историографии по проблематике определения места и роли протестантизма. Автором выделены три подхода к определению места протестантских движений в обществе: реакционный, основанный на антирелигиозной концепции советского периода; интегративный, основанный на признании движения как неотъемлемой части конфессиональной структуры общества; подход через призму национальной идентичности.

Ключевые слова: *поздний протестантизм; евангельские движения; историография; Западная Беларусь; конфессиональная структура.*

Введение. Значимая роль религиозного фактора в формировании культуры и духовности общества, а также в формировании государственной идеологии обусловили изучение конфессиональной истории и, в частности, поздних протестантских движений с момента их появления и распространения на белорусских землях. История позднепротестантского движения в Беларуси с момента его появления имеет достаточно богатую, но при этом неоднородную и, часто, тенденциозную историографию. Одним из актуальных, но малоизученных вопросов в изучении конфессиональной истории является вопрос определения места и роли позднепротестантских движений в белорусском обществе, степени и особенностей его интеграции в социокультурное пространство. В данной статье поставлена цель характеристики основных подходов к определению места и роли позднепротестантских движений в белорусском обществе.

Историографические подходы к определению места позднепротестантского движения. В отечественной и иностранной историографии можно выделить несколько подходов, в рамках которых анализируется место позднепротестантских движений в обществе.

Советский подход. Идеология РКП(б) (КПСС), рассматривала религиозные институты как реликт буржуазного общества. Данная концепция была закреплена в Программе РКП(б) на VIII съезде в 1919 г. и предполагала вытеснение религии из общественной сферы для полного отмирания религиозных предрассудков путем целенаправленной политики [1, с. 83]. В связи с закреплением атеистической идеологии основным методологическим принципом изучения конфессиональной проблематики стал принцип научного атеизма. Религия рассматривалась в качестве главного врага научного познания, как реакционное, идеологически чуждое советскому обществу явление.

Так, на основании данной методологической парадигмы, в исследовании Г.М. Лившица «Религия и церковь в истории общества» поздний протестантизм рассматривается как форма пассивного протеста общественных групп против социальных и политических порядков царской России, которые в советский период трансформировались в реакционные буржуазные элементы, и отражена их роль в общественной системе как органов буржуазной реакции [2]. Данный подход, определяющий позднепротестантское движение как сектантское, реакционное явление, определил именно такую концепцию его дальнейшего изучения. В работах А.И. Клибанова [3], Г.М. Лившица [1], В.Д. Гражданова [4], А.Т. Москаленко [5], А.В. Белова [6; 7], К. Смолина [8], Б. Камейши [9; 10] большое внимание уделяется анализу идеологии протестантизма, выявлению его негативного влияния на сознание верующих, характеристике социально-демографических особенностей движения. Авторы анализируют условия происхождения, социальный состав и социальную роль движений на основе политической оценки. Характерной чертой исследований стало выявление антисоветской деятельности поздних протестантских организаций, их связей с иностранными центрами. В польской историографии советского периода действовал аналогичный подход. При этом в фокусе критики исследователей оказался римо-католический костел, как основной реакционный механизм, ограничивающий права религиозных меньшинств, претендующих на закрепление в конфессиональной структуре общества [11, с. 226; 12]; однако и сами религиозные меньшинства характеризовались как нежелательные элементы общественной системы.

Следует отметить, что в данный период в отношении позднепротестантских движений активно используется номинация «секта», «сектантство», которая, в отличие от религиозоведческого концепта, приобретает общественно-политическое значение и негативную коннотацию, как организация, находящаяся в оппозиции к существующему общественно-политическому строю и негативно воздействующая на сознание граждан. Применение данной терминологии в историографии отражает закрепление места позднего протестантизма как чуждого общественно-политической системе реакционного института.

Интегративный подход. На фоне активного роста численности позднепротестантских общин и их приверженцев с начала 90-х гг. XX в., проявления движения как наиболее быстро развивающейся деноминации в Беларуси, необходимости формирования новой концепции государственно-конфессиональных отношений встал вопрос переосмысления роли религиозных институтов в общественной жизни. В контексте демократизации белорусского общества, провозглашения свободы вероисповедания исследователи постепенно отходят от атеистической парадигмы в оценке религиозных движений. Появляется ряд работ, в которых изучена и переосмыслена роль в обществе как религиозных институтов в целом, так и позднепротестантских деноминаций в частности (О. Дьяченко [13–14], А. Чувьюров [15]).

Коллективная работа «Канфесіі на Беларусі» стала первой работой по конфессиональной истории Беларуси [16], в которой впервые сделана попытка комплексного анализа религиозной структуры Западной Беларуси, в том числе представлена краткая характеристика всех действующих в Беларуси протестантских организаций. Авторы позиционируют позднепротестантское движение как часть религиозной структуры общества, отмечают тенденцию быстрого распространения движения, выделяют деятельность иностранных миссионеров и организаций в качестве одного из факторов, способствующих развитию движения. В данной работе поздний протестантизм представлен как религиозное меньшинство, интегративная часть конфессиональной структуры общества.

Несмотря на описательный характер, фрагментарность сведений, свойственных большинству исследований, в отечественной историографии положено начало изучению позднепротестантского движения в качестве самостоятельного предмета исследования на основе новой методологической парадигмы. В работах В.В. Сушко [17], А.А. Загидулина [18; 19], В.Н. Линкевича [20], А. Верещагиной [21], Н.Г. Болтрушевич [22], М.А. Кривицкого [23], И.И. Янушкевича [24], Т.В. Касатой [25], Т.В. Лисовской [48; 49] закреплено понимание места позднепротестантских движений как интегрированной части конфессиональной структуры общества. И хотя вне внимания исследователей остаются существенные вопросы интеграции новых религиозных движений в практически монорелигиозное общество, отсутствует критический анализ межрелигиозного взаимодействия, изменение исследовательской парадигмы в изучении поздних протестантских движений Западной Беларуси с конца 1980-х гг. привело к постепенному восприятию позднего протестантизма как части религиозной структуры и социокультурного пространства белорусского общества.

Данный интегративный подход свойственен и иностранной историографии как межвоенного периода, так и постсоветского. В польской историографии межвоенного периода проводится анализ деятельности позднепротестантских движений Западной Беларуси с целью определения их места в конфессиональной структуре общества [26; 27], в ходе которого указывается на его укоренение в польском обществе и необходимость разработки соответствующей конфессиональной политики II Речи Посполитой. В историографии постсоветского периода характерной чертой позднепротестантского движения в Польше и в Западной Беларуси межвоенного периода большинство исследователей называют процесс его институционализации, выход движения на международную арену, делая вывод о зрелости позднего протестантизма как религиозного движения и его окончательном закреплении в конфессиональной структуре польского и западнобелорусского общества (К. Беднярчик [28], М. Модницка [29], Х. Томашевски [30], Н. Хуры [31], З. Пасек [32], З. Лыко [33], Я. Боровяк [34]).

В связи с тем, что сегодня познепротестантские движения в Украине играют значимую роль в социальных и политических процессах, исследования по истории позднего протестантизма прежде всего направлены на выявление места и значения данных течений в украинском обществе и определения их роли в формировании социокультурного пространства. Среди украинских работ современных авторов следует выделить работу В.И. Любашенко «Історія протестантизму в Україні», где проанализировано место и роль протестантизма в социокультурных процессах страны и обозначена концептуальная парадигма изучения протестантизма в Украине [35; 36]. В.И. Любашенко указывает на повышение социально-политической активности протестантов, обусловленное не только количественным ростом адептов, традицией присутствия на украинских землях, но и активным проникновением в социокультурную сферу – культуру, науку, образование [35, с. 151]. Р. Ситарчук отмечает, что несмотря на относительно короткий исторический путь познепротестантских движений на украинских землях, глубина изменений, которая коснулась их структуры, свидетельствует о том, что познепротестантские деноминации уже в 30-х гг. окончательно вышли за границы классического «сектантства». Автор утверждает, что догматизация вероучения и обрядности, создание властных институтов, четкой структуры конфессии означают очерковление их организации, что создает условия для трансформации позднего протестантизма от деноминации к традиционному церковному институту [37, с. 176].

Определение места позднего протестантизма на основании национальной идентификации. Учитывая, что действующие на территории Беларуси традиционные протестантские деноминации формировались преимущественно на основе национальных меньшинств, например, Евангельско-Аугсбургский костел в Западной Беларуси – на основе голландских переселенцев, активное развитие позднепротестантских движений поставило вопрос определения национальной идентификации белорусских позднепротестантских движений.

В работах польских историков прослеживается тенденция к нивелированию вопросов национальной идентификации западнобелорусских позднепротестантских движений как части польского протестантизма [28; 29; 33; 34]. Данный подход не предполагает специфику развития движения в Западной Беларуси в условиях иного социокультурного поля и в рамках реализации политики национальной ассимиляции. В связи с этим, белорусские общины и организации рассматриваются авторами как часть польского протестантизма, игнорируя вопросы белорусской национальной идентификации движения.

Следует отметить, что вопросы национальной идентификации позднепротестантского движения на территории «восточных окраин» рассмотрены в работах украинских исследователей Шубы [38], А.Я. Леды [39], Ю.Е. Решетникова [40]. Так, исследуя процесс появления познепротестантских деноминаций в Западной Украине, на Полесье и Волыни в конце XIX – начале XX века А. Леда отмечает их стремление к независимости и самоидентификации в качестве украинских национальных организаций. Поддерживая данный тезис, О. Шуба приходит к выводу, что протестантизм, несмотря на стремление выступать в качестве наднациональной идеологии, со времени появления на территориях Западной Украины, на Полесье постепенно приобретает «определенную этническую окраску» [39, с. 299] и на современном этапе эти тенденции содействуют процессам национально-культурного возрождения. Данный тезис активно закреплён в украинской историографии. В работах

А.Я. Леды отмечено стремление к независимости и самоидентификации позднепротестантских организаций «восточных окраин» в качестве украинских национальных организаций. При этом белорусские общины Полесского воеводства воспринимаются исследователем как структурная часть украинского протестантизма, несмотря на нахождение центра Объединения церквей Христовых евангельского вероисповедания в Кобрине.

Белорусская современная историография только начинает изучение вопросов национальной идентификации позднепротестантского движения, участия белорусских организаций в белорусском национальном движении и социокультурном развитии общества. Польский историк белорусского происхождения О. Латышонок оценивает сотрудничество методистов с представителями белорусского национального движения как возможность выделения ими позднего протестантизма в качестве национальной белорусской церкви [41, с. 70]. Диалог о национальной идентичности белорусского протестантизма подхвачен и белорусским историками. А. Загидулин, анализируя политику польских властей в отношении поздних протестантских организаций Западной Беларуси с точки зрения их национальной идентичности, указывает на тесные взаимосвязи представителей методизма с белорусским национально-освободительным движением [18, с. 310]. В работах Ю. Бачищи, А. Унучека [42; 43] сделана попытка проиллюстрировать национальные аспекты в деятельности отдельных лидеров движения и показать белорусский характер движения. Также в рамках определения национальной идентичности и участия в национально-культурных процессах силами евангельских церквей Беларуси при активной поддержке научного сообщества изданы монографии, освещающие деятельность отдельных лидеров движения, а также общественно-культурную деятельность позднепротестантских деноминаций [44; 45], отражающие процессы интеграции позднепротестантских движений в социокультурное пространство Западной Беларуси. В то же время, А.Н. Вабищевич приходит к выводу об отсутствии национальных аспектов в деятельности поздних протестантских организаций. В качестве причины отсутствия целенаправленного участия в национально-культурной деятельности автор указывает их стремление избежать конфликтов с государственными властями [46]. Т.В. Лисовская отмечает, что социальной базой позднепротестантского движения стало коренное (по антропогенетическому признаку) белорусское (по этническому признаку) православное (по религиозному признаку) население [47, с. 308]. При этом автор приходит к выводу об отсутствии четкой национальной самоидентификации и выраженной национальной идеи позднепротестантского движения Западной Беларуси в 1921 – 1939 гг. в связи с иными приоритетами в деятельности – развитие и институционализация движения на данном этапе [48, с. 115].

В целом, в белорусской историографии в вопросе национальной идентичности позднепротестантского движения закреплён тезис о формировании движения на основе местного населения, однако вопросы национальной идентичности и участия в национально-культурных процессах разработаны в недостаточной степени, в особенности при изучении советского периода и периода трансформации движений в 1990-е – 2000-е гг.

Заключение. Как мы видим, в историографии при разработке вопросов места и роли позднепротестантских деноминаций 1920 – 1930-х гг. наблюдается изменение подхода: происходит отход от советской парадигмы оценки позднего протестантизма как негативного явления, нежелательного субъекта общественной системы к восприятию движения как неотъемлемой части религиозной структуры белорусского общества. При этом как отечественная, так и иностранная историография тяготеет к обобщениям, изучению преимущественно конкретно-исторических аспектов развития движения на основе старой источниковой базы, вне внимания исследователей остаются религиозная периодика, архивы религиозных общин, не используются нарративные методы исследования, что не позволяет в достаточной мере осветить вопросы определения места позднепротестантского движения в белорусском обществе и степени его участия в социокультурном развитии Беларуси. Данные вопросы только входят в сферу изучения научным сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 16 т. – М : Политиздат, 1983. – Т. 2. – С. 606.
2. Лившиц, Г.М. Религия и церковь в истории общества / Г.М. Лившиц. – Минск : Наука и техника, 1980. – 136 с.
3. Клибанов, А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем / А.И. Клибанов. – М., 1973. – 256 с.
4. Граждан, В.Д. Вероучение и мораль пятидесятников / В.Д. Граждан. – М. : Политиздат, 1989. – 130 с.
5. Москаленко, А.Т. Пятидесятники / А.Т. Москаленко. – М. : Просвещение, 1982. – 160 с.
6. Белов, А. В плену несбывшихся надежд / А. Белов // Наука и религия. – 1978. – № 3. – С. 30–33.
7. Белов, А.В. Адвентизм / А.В. Белов – М. : Атеистическая литература, 1973. – 140 с.
8. Смолин, К. Прошлое и настоящее методизма / К. Смолин // Наука и религия. – 1974. – № 12. – С. 60–61.
9. Камейша, Б. В ожидании конца света (о секте мурашковцев) / Б. Камейша // Наука и религия. – 1969. – № 10. – С. 58–62.
10. Камейша, Б. К истории религиозного сектантства в Западной Белоруссии / Б. Камейша // Научный атеизм и атеистическое воспитание. – 1983. – Вып. 1. – С. 127–137.
11. Staszewski, M. Mniejszości wyznaniowe w II Rzeczypospolitej / M. Staszewski // Zeszyty Argumentów. – 1967. – № 3. – L. 72–87.
12. Staszewski, M. Wolność sumienia przed Trybunałem II Rzeczypospolitej / M. Staszewski. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1970. – 278 с.
13. Дьяченко, О. Пятидесятничество в Беларуси. Монография / О. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А.Кулешова, 2003. – 188 с.
14. Дьяченко, О. Пятидесятники в Беларуси / О. Дьяченко // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 1992. – № 3. – С. 18–24.
15. Чувьюров, А. Некоторые аспекты истории пятидесятнического движения в Белоруссии: история, источники, вероучение, религиозная обрядность / А. Чувьюров // Традиции и обычаи народов России и Белоруссии : междунар. конф., Минск, 23–25 мая 2001 г. : докл. и сообщ. В 2 т. ; под общ. ред. Н.А. Лобанова. – Минск : Изд-во МИУ, 2001. – Т. 1. – С. 160–163.
16. Канфесіі на Беларусі / В.В. Грыгор’ева [і інш.] ; пад. рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
17. Сушко, В.В. Адвентизм: основополагающие доктрины вероучения и особенности распространения на территории Беларуси / В.В. Сушко // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2017. – № 6. – С. 71–73.

18. Загідулін, А.М. Становішча беларусаў-пратэстантаў у Заходняй Беларусі (1921–1939) / А.М. Загідулін // Шлях да ўзаемнасці : матэрыялы XIV Міжнар. навук. канф., Гродна, 26–27 кастр. 2006 г. / пад. рэд. С. Мусіенкі, І. Крэня. – Гродна, 2007. – С. 308–312.
19. Загідулін, А.М. Этнаканфесійная палітыка польскіх улад у Заходняй Беларусі / А.М. Загідулін. – Гродна : ГрДУ, 2007. – 71 с.
20. Линкевич В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси во II половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.Н. Линкевич ; Белор. гос. пед. ун-т им. Максима Танка. – Минск, 2004. – 120 л.
21. Верашчагіна, А. З гісторыі адвентызму на Беларусі / А. Верашчагіна // Форум. Інфарм.-культ. бюл. – 1997. – № 5. – С. 16–18.
22. Болтрушевич, Н.Г. Религиозная ситуация на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (на примере протестантской конфессии) / Н.Г. Болтрушевич // Вестн. Витеб. гос. мед. ун-та. – 2005. – Т. 4. – № 2. – С. 102–108.
23. Кривицкий, М.А. Положение протестантского сектантства на территории Беларуси в 1905 – 1914 гг. / М.А. Кривицкий // Сектоведение : альм. – 2011. – Т. 1. – С. 26–32.
24. Янушевич, И.И. Распространение нетрадиционных религиозных организаций и учений в Беларуси (нач. XX ст. – нач. 1930-х гг.) / И.И. Янушевич // Научные труды Республиканского института высшей школы: исторические и психолого-педагогические науки / РИВШ ; под. ред. М.И. Демчука [и др.]. – Минск : РИВШ, 2011. – С. 342–349.
25. Касатая, Т.У. Становішча абшчын евангельскіх хрысціян-баптыстаў (ЕХБ) у 1960-я гады на Гродзеншчыне / Т.У. Касатая // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа : зб. навук. арт. : у 2 ч. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: Э.С. Ярмаўскі [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – Ч. 2. – С. 84–89.
26. Grelewski, S. Wyznanie protestanckie / S. Grelewski. – Warszawa, 1939. – 886 s.
27. Sawicki, J. Studia nad położeniem prawnym mniejszości religijnych w państwie polskim / J. Sawicki. – Warszawa : Wydawnictwo kasy im. Mianowskiego, 1937. – 380 s.
28. Bednarczyk, K. Historia zborów baptystów w Polsce do 1939 r. / K. Bednarczyk. – Warszawa : Słowo Prawdy, 1997. – 368 s.
29. Modnicka, M. Kościół Ewangelicznych Chrześcijan w Polsce jako kościół wyboru / M. Modnicka. – Kraków : Nomos, 2000. – 343 s.
30. Tomaszewski, H. R. Kościół Chrystusowy w Polsce w latach 1921–1953 / H. R. Tomaszewski. – Warszawa : Słowo i Życie, 1992. – 114 s.
31. Hury, N. Z dziejów Wspólnoty Kościołów Chrystusowych / N. Hury // Słowo i Życie. – 2011. – № 2. – С. 26-43
32. Pasek, Z. Związek stanowczych chrześcijan. Studium historii idei religijnych / Z. Pasek. – Kraków : Colonel, 1998. – 215 s.
33. Łyko, Z. Kościół Adwentystów dnia siódmego: historia, nauka, ustrój, posłannictwo / Z. Łyko. – Warszawa : Znaki czasu, 2000. – 523 s.
34. Borowiak, J. Kościół Ewangelicko-Methodystyczny w Polsce / J. Borowiak. – Warszawa : AJCOMP, 1999. – 168 s.
35. Любашенко, В.І. Протестантизм в Україні: генеза, структура, місце в соціокультурних процесах : дис. ... д-ра. філос. наук : 09.00.11. / В.І. Любашенко. – Київ, 1998. – 258 л.
36. Любашенко, В.І. Історія протестантизму. Курс лекцій / В.І. Любашенко. – Львів : Просвіта, 1995. – 350 с.
37. Сітарчук, Р.А. Адвентисти сьмого дня в українських землях у складі Російської імперії: історико-політичний аспект (друга половина XIX ст. – 1917 р.) : дис. д-ра іст. наук : 09.00.11 / Р.А. Сітарчук. – Полтава, 2009. – 358 л.
38. Шуба, О. Релігія в етнонаціональному розвитку України (політологічний аналіз) / О. Шуба. – Київ, 1999. – 324 с.
39. Леда, А.Я. Протестантські течії в релігійному житті українців Галичини у міжвоєнний період (1919–1939) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / А.Я. Леда ; Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. – Львів, 2006. – 20 с.
40. Решетніков, Ю.Е. Українські баптисти і національне питання [Електронний ресурс] / Ю.Е. Решетніков. URL: <http://www.risu.org.ua/ukr/study/religdigest/article>.
41. Латышонок, О. Беларускія палітыкі й пратэстанты. Ад «Гомана» да Грамады / О. Латышонок // Спадчына. – 2003. – № 1. – С. 69–71.
42. Бачышча, Ю. Дзейнасць царквы метадыстаў на ніве беларускага адраджэння ў 20-30-я гг. XX ст. / Ю. Бачышча // Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць : зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф. – Мінск : Пазітыў-цэнтр, 2014. – С. 199.
43. Бачышча, Ю. Пратэстанцкая царква і беларускі нацыянальны рух у Заходняй Беларусі (1918–1939) / Ю. Бачышча, А. Унучак // Przegląd Środkowo-Wschodni. – 2019. – Т. 4. – С. 159–179.
44. Лукаш Дзекуць-Малей і беларускія пераклады Бібліі : зб. матэрыялаў, арт. і дак. / рэдкал.: А. У. Унучак (гал. рэд.) [і інш.]. – Брэст : Альтэрнатыва, 2011.
45. Лукаш Дзекуць-Малей: пастар, які працягнуў справу Скарыны : зб. арт. / уклад.: А. І. Бокун, А. У. Унучак, Ю. А. Бачышча. – Мінск : Пазітыў-Цэнтр, 2021.
46. Вабішчэвіч, А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.) / А.М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2008. – 319 с.
47. Лисовская, Т. Месца і роля евангельскіх рухаў у рэлігійным полі Заходняй Беларусі / Т. Лисовская // Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць (да 500-годдзя Брэсцкай Бібліі) : зб. матэрыялаў міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7 снеж. 2019 г. ; рэдкал.: А.І. Бокун [і інш.]. – Мінск : Пазітыў-цэнтр, 2021. – С. 286–309.
48. Лисовская, Т.В. Неопротестантизм в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Т.В. Лисовская. – Брест, 2009 г. – 125 л.

Поступила 27.12.2021

THE PLACE AND ROLE OF EVANGELICALS IN BELARUSIAN AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

T. LISOUSKAYA

The article presents an analysis of Belarusian and foreign historiography on the place and role of Evangelicals. The author identifies three approaches to determining the place of Evangelical movements in society: reactionary, based on the anti-religious concept of the Soviet period; integrative, based on the recognition of the movement as an integral part of the confessional structure of society; through the prism of national identity.

Keywords: protestant church; Evangelicals; historiography; Western Belarus; confessional structure.

УДК930(470):271.2-9-726.1"1891-1925":929*Тихон

ПАТРИАРХ ТИХОН (БЕЛЛАВИН) И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**канд. ист. наук, доц. С.В. ВЕРЕМЕЕВ***(Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины)*

В данной статье рассматривается современная российская историография, посвящённая деятельности патриарха Тихона (Беллавина). Отмечается, что в научный оборот историками был введён огромный эмпирический материал. Выделены основные направления исследований, названы главные специалисты по данной теме. Деятельность патриарха Тихона в постсоветский период изучали светские и церковные историки. Были защищены кандидатские диссертации, впервые появились биографии тогдашнего главы Российской православной церкви. Российская историография отказалась от негативного образа патриарха, созданного в советское время. Но в научной литературе существуют различные мнения и оценки его деятельности. Автор статьи делает вывод, что церковная политика патриарха Тихона, его решения, мотивы изучены ещё недостаточно.

Ключевые слова: патриарх Тихон, Российская православная церковь, современная российская историография, научные исследования.

Введение. В ноябре 1917 г. Поместный собор Российской православной церкви восстановил патриаршество. Патриархом был избран митрополит Московский Тихон (Василий Иванович Беллавин), который возглавлял РПЦ на протяжении последующих 7 с половиной лет вплоть до своей кончины в апреле 1925 г. Этот период являлся одним из самых тяжёлых в истории российского православия, когда было поставлено под вопрос дальнейшее существование церкви. Понять ход событий в те годы невозможно без объективного изучения деятельности патриарха Тихона. В советской историографии условий для этого не было. Исследователи не имели доступа к соответствующим архивным материалам, были вынуждены освещать события прошлого сквозь призму марксизма-ленинизма, а то и вовсе выполняли идеологический заказ. В результате создавался искажённый образ тогдашнего главы церкви как контрреволюционера, врага советской власти и приспособленца.

Основная часть. Условия для изучения церковно-государственных отношений коренным образом изменились после распада СССР. На протяжении 90-х гг. XX – начала XXI в. российские историки и археографы ввели в научный оборот большой массив неизвестных ранее источников, связанных с деятельностью патриарха Тихона. В 1994 г. Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ПСТБИ, ныне ПСТГУ) опубликовал сборник «Акты Святейшего Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943», который представляет собой коллекцию документов, собранную ещё в советское время М.Е. Губониным [1]. В 2000 г. был издан сборник документов «Следственное дело Патриарха Тихона», включающий 381 документ из Центрального архива ФСБ РФ, датированных 1918 – 1925 гг. [2]. В том же 2000 г., к 75-летней дате кончины патриарха, в ПСТГУ вышел посвящённый ему выпуск «Богословского сборника», в котором были опубликованы патриаршие письма, рапорты, заявления и др. [3]. В 2007 г. издательством ПСТГУ на основе материалов, собранных М.Е. Губониным, был выпущен двухтомник под названием «Современники о патриархе Тихоне» [4], содержащий массу ценных свидетельств о личности тогдашнего главы РПЦ.

Следует отметить публикаторскую деятельность М.И. Одинцова, который, среди прочего, издал сборник материалов под общим названием «Русские патриархи XX века» [5]. Большой интерес представляют также частично опубликованные материалы донесений агентов ГПУ о патриархе [6]. Публикация источников продолжается и в настоящее время. Кроме того, за последние десятилетия в научный оборот было введено множество архивных документов по истории Российской православной церкви периода 1917 – 1925 гг. [7], обращение к которым позволяет лучше понять исторический контекст, в котором пришлось действовать патриарху Тихону.

Параллельно с расширением источниковой базы проводились научные исследования деятельности председателя РПЦ как светскими, так и церковными историками. В их распоряжении оказались также труды российских эмигрантских и зарубежных авторов по данной тематике. Ещё в начале 1990-х гг. в российской историографии появились публикации, содержащие новые оценки деятельности патриарха, противоположные тем, которые ранее предлагали советские историки. Так, В.А. Алексеев в своей статье написал о «травле» патриарха со стороны советской власти, не согласился с тезисом о том, что глава РПЦ был вождём контрреволюции [8].

В 1990-е гг. вышла первая биографическая работа о патриархе Тихоне под авторством журналиста М.И. Вострышев, напечатана она была в серии «Жизнь замечательных людей» [9]. Данная работа носила научно-публицистический характер, неоднократно переиздавалась и содержала апологетический взгляд на патриаршество Тихона.

В начале XXI в. деятельность Тихона во главе РПЦ становится темой кандидатских диссертаций. В 2004 г. преподаватель Московской духовной академии и семинарии, священник Д.В. Сафонов защитил диссертацию «Патриарх Тихон и советская власть: к проблеме государственно-церковных отношений в 1922–1925 гг.» [10]. Спустя год – в 2005 г. в Институте российской истории РАН состоялась защита диссертации В.В. Лобанова на тему «Патриарх Тихон и советская власть: проблема компромисса (1919–1925)» [11]. В последующие годы сначала В.В. Лобанов (2008 г.) [12], а затем и Д.В. Сафонов (2013 г.) [13] опубликовали монографии.

Рассмотрим их исследования подробнее. Д.В. Сафонов поставил целью изучить взаимоотношения патриарха Тихона и советской власти в 1922 – 1925 гг. В основу его работы положены, главным образом, документы из архивов ФСБ РФ, в том числе и материалы 6 отделения Секретного отдела ГПУ, непосредственно занимавшегося «церковным вопросом». Д.В. Сафонов исследовал позицию патриарха по отношению к советской власти, процесс организации

суда над ним в 1922 – 1923 гг., церковную политику, проводимую патриархом Тихоном после освобождения из-под ареста, попытку ввести григорианский календарь, обновленческий раскол, подготовку властями нового дела (фабрикацию так называемой «шпионской организации церковников») в отношении Тихона, что имело место незадолго до его кончины. Историк впервые специально изучил методы, применяемые ГПУ с целью дискредитации патриарха Тихона (провокации, репрессии, шантаж и запугивание, публикация подложных обращений), а также формы сопротивления Тихона попыткам его дискредитации. В частности, Д.В. Сафонов выявил ряд сфальсифицированных документов, опубликованных властями от имени патриарха. Историк, на наш взгляд, довольно убедительно доказывает, что текст так называемого «Завещательного послания» патриарха Тихона, опубликованный в советских газетах после его кончины, в действительности подписан им не был [10, лл. 191–192]. Справедливым представляется тезис Д.В. Сафонова о том, что ГПУ создавало основу для представлений о патриархе как соглашателе, человеке, не проявлявшем должной принципиальности во взаимоотношениях с властями [10, л. 192].

В диссертации В.В. Лобанова анализируется позиция главы РПЦ по отношению к советской власти в 1919 – 1925 гг. В основу его исследования, наряду с другими источниками, положены протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) (Антирелигиозной комиссии), а также материалы Бюро Центральной Комиссии по изъятию церковных ценностей. Как пишет историк, изначально патриарх Тихон был настроен «резко критически» к советской власти, но не допускал призывов к насильственному сопротивлению, рассматривая всякую власть как «попущенную Богом», никогда не вёл «никакой активной политической деятельности, направленной на изменение государственного строя» [11, с. 16, 21]. Уступки советской власти со стороны патриарха В.В. Лобанов называет вынужденными, а «Покаянное заявление» в Верховный Суд РСФСР от 16 июня 1923 г., с его точки зрения, было необходимо в тот момент «для сохранения церковной организации» [11, с. 16]. При этом компромиссные решения патриарха нельзя рассматривать как сервилизм. По мнению В.В. Лобанова, эти решения были продиктованы стремлением главы РПЦ защитить церковь от внутренних и внешних опасностей в тех условиях [11, с. 22]. Ссылаясь на исследования специалистов по каноническому праву, он сделал вывод, что «позиция и деятельность патриарха в целом последовательно вытекают из церковного учения об отношениях Церкви и государства» [11, с. 17]. В.В. Лобанов считает, что позиция патриарха Тихона была оправданной, а в «условиях, когда речь шла фактически о выживании Церкви в условиях воинствующего атеизма, едва ли существовал другой, бескомпромиссный путь сохранения организационного единства РПЦ» [11, с. 26]. В работах В.В. Лобанова поднимается важный вопрос о причине смерти патриарха. Он считает, что кончина главы РПЦ «скорее всего, носила естественный характер, если считать «естественными» те нечеловеческие условия, в которых совершалось первосвятительское служение одиннадцатого российского Патриарха», но одновременно допускает, что она могла быть и насильственной [12, с. 192]. Равным образом, В.В. Лобанов считает открытым вопрос о том, подписывал ли патриарх так называемое «Завещательное послание». По мнению В.В. Лобанова, Тихон этот документ подписал, так как он «даже при наличии возможных корректив со стороны ГПУ не добавляет ничего принципиально нового к уже ранее сделанным Предстоятелем РПЦ уступкам в политической области» [12, с. 182]. Отметим также, что В.В. Лобанов видит «несомненную связь» в подходах патриарха Тихона и митрополита Сергея Странгородского к проблеме существования церкви в атеистическом государстве [11, с. 25].

О патриархе Тихоне в разной степени писали те исследователи, труды которых посвящены истории РПЦ в первое десятилетие советской власти (О.В. Васильева, А.Н. Кашеваров, А.А. Кострюков, М.Ю. Крапивин, Н.А. Кривова, И.А. Курляндский, В.М. Лавров, М.И. Одинцов, М.В. Шкаровский и др.) [14–22]. Как правило, деятельность патриарха Тихона они специально не изучали, рассматривая её в общем контексте исторических событий. Круг основных вопросов, поднимаемых на страницах их трудов, включает следующие: политическая позиция патриарха в период Гражданской войны; направленность патриаршего послания от 19 января 1918 г.; отношение Тихона к изъятию церковных ценностей; причины, по которым он согласился временно передать свою канцелярию обновленцам в мае 1922 г.; организация властями суда над патриархом и причины, по которым этот суд не состоялся; кончина предстоятеля церкви. В современной российской историографии преобладает мнение, что патриарх «последовательно проводил принцип аполитичности РПЦ» [14, с. 47], занимал позицию нейтралитета в период Гражданской войны [10, с. 18; 15, с. 20; 23, с. 16]. Относительно направленности патриаршего послания от 19 января 1918 г. среди российских исследователей нет единой точки зрения. Одни называют его «анафемой большевиков» [24], другие же утверждают, что анафема была «относительно не большевикам» [25]. Российская историография обосновывает правильность позиции патриарха в отношении кампании по изъятию церковных ценностей, проводимой государством. Отмечается, что протесты патриарха Тихона против изъятия ценностей властями (послание от 15 (28) февраля 1922 г.) не противоречили церковным канонам [23, с. 41–42]. Обращается внимание на тот факт, что патриарх призывал глав зарубежных христианских церквей оказать помощь голодающим [21, с. 83]. Церковные историки считают, что помощь голодающим со стороны церкви могла быть довольно эффективной и без «кошунственных мер» (изъятия ценностей – *С.В.*), однако власть не устраивало мирное разрешение данного вопроса [26, с. 173].

Российская историография предлагает различные объяснения того, почему Тихон согласился временно передать свою канцелярию обновленцам в мае 1922 г., единой точки зрения по этому вопросу нет [17; 26, с. 181]. Большая часть исследователей одобрительно оценивает проводимый патриархом Тихоном курс по отношению к властям, в частности, его «Покаянное заявление» в Верховный Суд РСФСР [23, с. 45]. М.В. Шкаровский отмечает, что ещё Поместный собор 1917 – 1918 гг. положил начало «традиции поиска компромиссов с советской властью», а в деятельности патриарха она получила развитие [22, с. 79]. При этом подчёркивается, что Тихон не шёл на компромисс с «богоборческим государством» в мировоззренческих вопросах [27, с. 35]. О.Ю. Васильева пишет, что «в тех условиях единственной возможностью сохранить церковь мог стать переход на позицию лояльности» [14, с. 47]. Это позволило патриарху, с её точки зрения, «сплотить вокруг себя верных православию пастырей и верующих, что сделало затем неизбежным поражение обновленчества и явилось началом нового

этапа во взаимоотношениях советского государства и церкви» [14, с. 47]. Российская историография называет патриарха противником реформы церковного календаря [23, с. 48–49].

В фокусе внимания историков также личностный портрет патриарха Тихона. Со страниц их трудов перед читателями предстаёт его положительный образ [23, с. 52; 26, с. 134]. К примеру, А.Н. Кашеваров называет его «доброжелательным пастырем, пользовавшимся большим уважением у духовенства и верующих» [15, с. 51]. Дискуссии вызывает причина смерти патриарха. По мнению одних историков, её с уверенностью назвать невозможно [23, с. 41]. В то же время другие аргументированно предполагают, что его кончина «не была естественной» [28]. Равным образом, нет единой точки зрения по вопросу о подлинности его «Завещательного послания»: если В. Цыпин не сомневается в подлинности данного документа [29, с. 406], то Д.В. Сафонов, как уже отмечалось выше, доказывает обратное [10, с. 191–192].

Группа работ российских историков посвящена специальному исследованию отдельных сторон деятельности патриарха Тихона. Так, М.А. Бабкин рассмотрел на страницах своего труда отношение Тихона к судьбе арестованного большевиками Николая II и его семьи [30, с. 525–542]. Он пишет, что председатель РПЦ «от участия в освобождении Романовых отказался, сказав, что сделать для них ничего не может, и предпочёл ограничиться передачей Николаю II большой просфоры и своего благословения». М.А. Бабкин считает, что патриарх мог бы попытаться помочь бывшему монарху, но не стал этого делать [30, с. 526–530]. Также историк обращает внимание на тот факт, что Тихон осудил убийство последнего российского самодержца как человека (как «гражданина Романова»), но не как помазанника Господнего [30, с. 536]. Мотивацию действий тогдашнего главы РПЦ М.А. Бабкин объясняет в рамках своей концепции «священства-царства», предложенной им для объяснения церковно-государственных отношений. Статья С.Н. Иванова посвящена рассмотрению причин, по которым патриарх согласился временно передать свою канцелярию обновленцам в мае 1922 г. [31]. По мнению исследователя, Тихон стремился таким способом восстановить нормальное функционирование системы высшего церковного управления, что облегчило бы деятельность митрополита Агафангела (Преображенского), который должен был временно возглавить церковь вместо арестованного большевиками патриарха [31, с. 34]. Необходимо отметить источниковедческое исследование С.Г. Петрова, в котором рассматривается проблема появления так называемых «покаянных посланий» патриарха (от 28 июня и 1 июля 1923 г.). С.Г. Петров сделал вывод, что глава РПЦ отразил в этих посланиях то, что требовало Политбюро в качестве условия его освобождения из-под ареста, но при этом выполнил не все требования властей: он не высказал отрицательного отношения к Константинопольскому патриарху и архиепископу Кентерберийскому [32, с. 313, 388].

Позиция патриарха Тихона в отношении Русской Православной Зарубежной Церкви (РПЦЗ) анализируется в трудах А.А. Кострюкова. Он рассматривает обстоятельства, при которых патриарх упразднил зарубежное Высшее Церковное Управление (ВЦУ), отмечает, что власти оказывали давление на главу РПЦ, требуя, чтобы он анафематствовал иерархов, оказавшихся в эмиграции, однако не сумели добиться своей цели [34, с. 26–27]. А.А. Кострюков отмечает, что «отношение Патриарха Тихона к РПЦЗ не было отрицательным», а «меры московской церковной власти против РПЦЗ были продиктованы государственной властью» [34, с. 17]. В совместной монографии А.А. Кострюкова и священника А. Мазырина рассматривается проблема взаимоотношений РПЦ и Константинопольской церкви в период патриаршества Тихона. Позицию последней А.А. Кострюков и А. Мазырин подвергли критике, утверждая, что Константинополь поддерживал противостоявших патриарху Тихону обновленцев и даже вступил с ними в евхаристическое общение [35].

В новейших публикациях российских историков предметом специального рассмотрения становится и историография, посвящённая Тихону. Так, М.В. Каиль справедливо отмечает влияние фактора канонизации патриарха Тихона на характер историописания в церковной историографии [36]. Действительно, этот фактор может служить препятствием для церковных историков (и не только) на пути познания прошлого. Однако же и некоторые из них подчёркивают необходимость беспристрастного, критического анализа деятельности патриарха, несмотря на то, что он причислен к лику святых [25].

Заключение. Современный период развития российской историографии (90-е гг. XX – начало XXI в.) стал наиболее результативным в изучении различных аспектов деятельности патриарха Тихона, чем на протяжении почти трёх десятилетий занимались как светские, так и церковные исследователи. По данной тематике написаны кандидатские диссертации, отдельные статьи, научно-популярные работы, в разной степени поднимается она в обобщающих трудах по истории Российской православной церкви. Усилиями историков был введён в научный оборот огромный эмпирический материал. Российская историография продвинулась далеко вперёд в понимании церковно-государственных отношений и внутрицерковных процессов в период патриаршества Тихона, сумела преодолеть свойственные советской историографии идеологические клише в оценках деятельности предстоятеля РПЦ. Несмотря на очевидные достижения, церковная политика патриарха Тихона, его решения, поступки, мотивация всесторонне не изучены и не осмыслены, о чём, среди прочего, свидетельствует существующий разброс мнений в научной литературе. Восполнение этого пробела – задача будущих поколений историков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943 : сб. в 2 ч. – М. : Свято-Тихоновский Православный Богословский Институт : Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. – 1064 с.
2. Следственное дело патриарха Тихона : сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ. – М. : Памятники исторической мысли, 2000. – 1016 с.
3. Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. – М. : ПСТБИ, 2000. – Вып. 6. – 332 с.
4. Современники о Патриархе Тихоне : в 2 т. / сост. и автор коммент. М.Е. Губонин. – М. : ПСТГУ, 2007. – 2 т.
5. Одинцов, М.И. Русские патриархи XX века Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов / М. И. Одинцов. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – Ч. 1: Дело патриарха Тихона; Крестный путь патриарха Сергия. – 334 с.
6. «Политических разговоров не замечено». Дело «Донской монастырь»: рапорты агентов наружного наблюдения // Источник. – 1996. – № 5. – С. 58–68.

7. Среди прочих: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. Документы и фотоматериалы. – М. : Изд-во ББИ, 1996. – 352 с.; Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922–1925 гг. В 2 кн. Кн. 1 / ред. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997, 1998. – 2 кн.
8. Алексеев, В.А. Был ли Патриарх Тихон вождём «церковной контрреволюции»? / В.А. Алексеев // Диалог. – 1990. – № 10. – С. 93–104.
9. Вострышев, М. Божий избранник: Крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России / М. Вострышев. – М. : Современник, 1990. – 191 с.
10. Сафонов, Д.В. Патриарх Тихон и советская власть (К проблеме государственно-церковных отношений в 1922 – 1925 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 09.00.13 / Д.В. Сафонов ; РАГС при Президенте РФ. – М., 2004. – 277 л.
11. Лобанов, В.В. Патриарх Тихон и советская власть: проблема компромисса (1919–1925) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : М. : 07.00. 02 / В.В. Лобанов ; ИРИ РАН. – М., 2005. – 32 с.
12. Лобанов, В.В. Патриарх Тихон и Советская власть (1917 – 1925 гг.) / В.В. Лобанов. – М. : Русская Панорама, 2008. – 352 с.
13. Сафонов, Д.В. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время / Д.В. Сафонов. – М. : Фонд Покров, 2013. – 701 с.
14. Васильева, О.Ю. Русская Православная Церковь и Советская власть в 1917 – 1927 гг. / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. 1993. – № 8. – С. 40–54.
15. Кашеваров, А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Сов. власти и Рус. Православ. Церкви, 1917–1945 гг. / А.Н. Кашеваров. – СПб. : СПбГТУ, 1995. – 138 с.
16. Крапивин, М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (окт. 1917-го – конец 1930-х годов) / М.Ю. Крапивин. – Волгоград, 1997. – 366 с.
17. Кривова, Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства [Электронный ресурс] / Н.А. Кривова. – М. : Аиро-XX, 1997. – Режим доступа: http://yakov.works/library/11_k/ri/kriv05.html. – Дата доступа: 16.04.2020.
18. Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия / И.А. Курляндский. – М. : Кучково поле, 2011. – 720 с.
19. Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху / В.М. Лавров [и др.]. – М. : Русская панорама, 2008. – 376 с.
20. Одинцов, М.И. Государство и церковь в России XX в. / М.И. Одинцов. – М. : Луч, 1994. – 171 с.
21. Одинцов, М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917 – 1953 гг. / М.И. Одинцов. – М. : Полит. энцикл., 2014. – 424 с.
22. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
23. Предисловие / прот. В. Воробьев, Н.А. Кривова, С.Н. Романова, А.В. Щелкачев // Следственное дело Патриарха Тихона : сб. док. по материалам ЦА ФСБ РФ. – М. : Памятники исторической мысли, 2000. – С. 9–60.
24. Мазырин, А. Советская власть vs Церковь [Электронный ресурс] / свящ. А. Мазырин, А. Филиппов. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/antireligioznaya-politika-sovetskoj-vlasti-i-reakciya-cerkvi-na-nee/>. – Дата доступа: 15.04.2020.
25. Митрофанов, Г. Патриарх Тихон и Церковь в XX веке [Электронный ресурс] / свящ. Г. Митрофанов. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/patriarh-tihon-i-tserkov-v-hh-veke-lektsiya-protierya-georgiya-mitrofanova/> – Дата доступа: 15.04.2020.
26. История Русской Православной церкви. От восстановления патриаршества до наших дней. – СПб. : Воскресение, 1997. – Т. 1. 1917–1970. – 1020 с.
27. Макаров, Ю.Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР (окт. 1917-го – конец 1930-х годов) : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Ю.Н. Макаров ; СПбГУ. – СПб., 2007. – 49 с.
28. Сафонов, Д.В. Святитель Тихон и Русская православная церковь за границей в 1922 – 1925 гг. Неизвестные страницы истории. Часть 2 [Электронный ресурс] / Д.В. Сафонов. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/5494.html>. – Дата доступа: 15.04.2020.
29. Цыпин, В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / прот. В. Цыпин. – М. : Изд. Средненского монастыря, 2006. – 816 с.
30. Бабкин, М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы / М.А. Бабкин. – М. : Индрик, 2011. – 920 с.
31. Иванов, С.Н. О причинах передачи св. Патриархом Тихоном канцелярских дел группе священников в мае 1922 г. / С.Н. Иванов // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2011. – Вып. 3 (40). – С. 17–35.
32. Петров, С.Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона (Источниковедческое исследование) / С.Г. Петров. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2013. – 407 с.
33. Кострюков, А.А. Русская Зарубежная Церковь и Патриарх Тихон (1920 – 1925 гг.) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 09.00.13 / А.А. Кострюков ; ПСТГУ. – М., 2007. – 32 с.
34. Кострюков, А.А. Русская Зарубежная Церковь: создание, взаимоотношения с московской церковной властью и внутренние разделения в 1920-1938 гг. : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук : 09.00.13 / А.А. Кострюков ; ПСТГУ. – М., 2012. – 30 с.
35. Мазырин, А. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке / свящ. А. Мазырин, А.А. Кострюков. – М. : ПСТГУ, 2017. – 376 с.
36. Каиль, М.В. Патриарх Тихон: личность, исторический образ и борьба мифологом / М.В. Каиль // Новый исторический вестник. – 2016. – № 4(50). – С. 165–178.

Поступила 05.01.2022

**Patriarch Tikhon (Bellavin) and his activities:
The main areas of research in modern Russian historiography**
S. VEREMEEV

This article discusses modern Russian historiography devoted to the activities of Patriarch Tikhon (Bellavin). It is noted that historians have introduced a huge amount of empirical material into scientific circulation. The article highlights the main areas of research, identifies the main experts on this topic. The activities of Patriarch Tikhon in the post-soviet period have been studied by secular and church historians. PhD dissertations were defended, biographies of the then head of the Russian Orthodox Church appeared for the first time. Russian historiography has abandoned the negative image of the patriarch created in Soviet times. But in the scientific literature there are different opinions and assessments of his activities. The author of the article concludes that the church policy of Patriarch Tikhon, his decisions, motives have not been studied enough.

Keywords: Patriarch Tikhon, Russian Orthodox Church, modern Russian historiography, scientific research.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Магалінскі І.У.</i> Хімічны склад вырабаў з каляровых металаў X – XIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі	2
<i>Чараўко В.У.</i> Пахаванні Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра ў кантэксте развіцця пахавальных помнікаў Полацка	8
<i>Дук Д.В.</i> Наблюдения о повседневной жизни Полоцка (по материалам актов Книги Полоцкого магистрата за 1676 г.)	12
<i>Коц А.Л.</i> Музыкальная культура Полацка XI – XIX стст. (па матэрыялах археалагічных раскопак)	21
<i>Арутюнян А.Ж.</i> Скифы (цисуральскіе і трансуральскіе) по данным «Древнеармянской географии» («Ашхарацуйц»)	26
<i>Грицкевич Д.С.</i> «Бысть казнь на полочанах»: к истории распространения моровых поветрий в Полоцке XI – XV вв.	32
<i>Головач Е.И.</i> Отношение либеральных и правомонархических партий к введению земств в Витебской, Минской и Могилевской губерниях	36
<i>Аўсейчык У.Я.</i> Стараверы заходніх беларускіх земляў у 1920 – 1930-я гг.: спецыфіка рассялення і дынаміка колькасці	40
<i>Пецюкевіч Т.У.</i> Санітарны стан горада Мінска ў 1920-я гг.	50
<i>Крюковский В.Д.</i> Физическая и военная подготовка школьников в Советской Белоруссии (1924 – 1925 гг.)	54
<i>Тютюнкoв А.Н.</i> Проведение политико-воспитательной работы в органах Рабоче-крестьянской милиции БССР в 1931 – 1941 гг.	59
<i>Копыл С.П.</i> Полоцк и Полоцкий гарнизон в сентябрьских событиях 1939 года	66
<i>Киенко Д.Г.</i> Советско-Финская война, уроки для авиации Белорусского особого военного округа	70
<i>Сумко А.В.</i> Пасляваеннае дзяцінства: праца, адукацыя і вольны час (па матэрыялах вуснай гісторыі Полаччыны)	74
<i>Янушевич И.И.</i> Формирование системы насаждения атеизма в СССР	82
<i>Лисовская Т.В.</i> Вопросы места и роли позднего протестантизма в отечественной и иностранной историографии	88
<i>Веремеев С.В.</i> Патриарх Тихон (Беллавин) и его деятельность: основные направления исследований в современной российской историографии	92